

ISSN 1993-0453

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (251) / 2025

ЭКОНОМИКА

12+

VESTNIK OF SAMARA STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS

ISSN 1993-0453

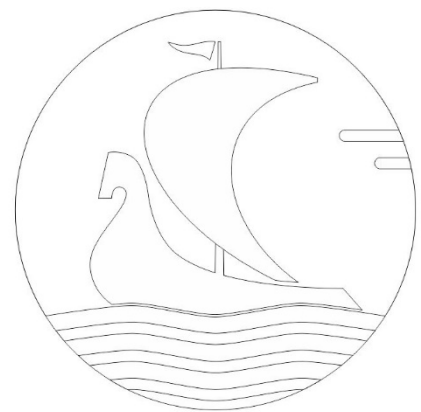
ВЕСТНИК

САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (251) / 2025

ЭКОНОМИКА

VESTNIK OF SAMARA STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS

Учредитель
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный экономический университет»

Издается с 1999 г. Выходит 12 раз в год.
Подписной индекс **15423**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51968, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал включен:

- ◆ в Перечень ВАК Минобрнауки России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
- ◆ Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции: 443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
Телефон: (846) 933-88-77.
E-mail: vestnik_sgeu@mail.ru

© ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», 2025

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Samara State University of Economics»

Published since 1999, monthly edition
Index of subscription **15423**

The certificate of mass media registration PI № FS77-51968
issued by Federal Service of Supervision of communication, information technology,
and mass media (Roskomnadzor)

The journal is included:

- ◆ *in the list of the Higher Accreditation Committee of the Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found*
- ◆ *Russian Science Citation Index (PSCI)*

Editorial office: 443090, Samara region, Samara, ulitza Sovetskoi Armii, 141.
Telephone: (846) 933-88-77.
E-mail: vestnik_sgeu@mail.ru

© Samara State University of Economics, 2025

Редакционная коллегия:

Кандрашина Елена Александровна – главный редактор, и.о. ректора СГЭУ, доктор экономических наук, профессор

Гусева Мария Сергеевна – заместитель главного редактора, проректор по научной работе и инновационному развитию СГЭУ, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой региональной экономики и управления СГЭУ

Андропова Ирина Владимировна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Афанасьев Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой статистики и эконометрики Оренбургского государственного университета

Булавко Ольга Александровна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятия СГЭУ

Васин Сергей Михайлович – доктор экономических наук, профессор, Пензенский государственный университет, кафедра «Экономическая теория и международные отношения»

Гамидулаева Лейла Айваровна – доктор экономических наук, доцент, Пензенский государственный университет, факультет экономики и управления

Ермолаев Константин Николаевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории СГЭУ

Жабин Александр Петрович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента СГЭУ

Илюхина Лариса Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга, логистики и рекламы СГЭУ

Климук Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент, первый проректор Барановичского государственного университета (Беларусь)

Князева Елена Геннадьевна – доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, институт экономики и финансов, кафедра финансов, денежного обращения и кредита

Ковалева Татьяна Михайловна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансов СГЭУ

Коновалова Мария Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор, директор института национальной и мировой экономики, зав. кафедрой экономической теории СГЭУ

Корнеева Татьяна Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры учета, анализа и экономической безопасности СГЭУ

Королева Елена Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления СГЭУ

Макаров Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики СГЭУ

Маняева Вера Александровна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры учета, анализа и экономической безопасности СГЭУ

Мартышкин Сергей Алексеевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Милюкина Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления

Мирзоев Натиг Сархад оглы – PhD в области экономических наук, доцент, декан факультета «Бизнес и управление» Западно-Каспийского университета (Азербайджан)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, экономический факультет

Носков Владимир Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории СГЭУ

Перепёлкин Вячеслав Александрович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории СГЭУ

Степанова Татьяна Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор, Калининградский государственный технический университет, институт отраслевой экономики и управления

Сураева Мария Олеговна – проректор по образовательной деятельности СГЭУ, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента СГЭУ

Толмачев Михаил Николаевич – доктор экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, факультет налогов, аудита и бизнес-анализа

Троянская Мария Александровна – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета

Тяглов Сергей Гаврилович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика региона, отраслей и предприятий» Ростовского государственного экономического университета

Хмелева Галина Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, директор центра изучения стран Африки, Азии и Латинской Америки СГЭУ

Цыбатов Владимир Андреевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления СГЭУ

Яковлев Геннадий Иванович – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятия СГЭУ

Editorial Staff:

Elena A. Kandrashina – Chief Editor, Acting Rector of SSUE, Dr. of Economics, Prof.

Maria S. Guseva – Deputy Chief Editor, Vice-Rector of Scientific Work and Innovation Development of SSUE, Ph.D of Economics, Associate Prof., Head of Regional Economics and Management Department, SSUE

Irina V. Andronova – Dr. of Politics Sciences, Ph.D in History, Prof. of Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Vladimir N. Afanasiev – Dr. of Economics, Prof., Head of Statistics and Econometrics Department, Orenburg State University

Olga A. Bulavko – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Economy, Organization and Enterprise Development Strategy Department, SSUE

Sergey M. Vasin – Dr. of Economics, Prof., Penza State University, Department of Economic Theory and International Relations

Leyla A. Gamidullaeva – Dr. of Economics, Associate Prof., Penza State University, Faculty of Economics and Management

Konstantin N. Ermolaev – Dr. of Economics, Associate Prof., Prof. of Economic Theory Department, SSUE

Aleksander P. Zhabin – Dr. of Economics, Prof., Head of Management Department, SSUE

Larisa A. Ilyukhina – Ph.D of Economics, Associate Prof., Associate Prof. of Marketing, Logistics and Advertising Department, SSUE

Vladimir V. Klimuk – Ph.D of Economics, Associate Prof., First Vice-Rector, Baranovichi State University (Belarus)

Elena G. Knyazeva – Dr. of Economics, Prof., Ural State University of Economics, Institute of Economics and Finance, Department of Finance, Money Circulation and Credit

Tatyana M. Kovaleva – Dr. of Economics, Prof., Head of Finance Department, SSUE

Maria E. Konovalova – Dr. of Economics, Prof., Director of the National and World Economics Institute, Head of Economic Theory Department, SSUE

Tatyana A. Korneeva – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Accounting, Analysis and Economic Security Department, SSUE

Elena N. Koroleva – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Regional Economics and Management Department, SSUE

Sergey I. Makarov – Dr. of Pedagogical Sciences, Prof., Prof. of Statistics and Econometrics Department, SSUE

Vera A. Manyeva – Dr. of Economics, Associate Prof., Prof. of Accounting, Analysis and Economic Security Department, SSUE

Sergey A. Martyshkin – Dr. of Economics, Ph.D in History, Prof., Head of Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Irina V. Milkina – Ph.D of Economics, Associate Prof., Associate Prof. of Department of State and Municipal Administration, State University of Management

Natig S. oghly Mirzayev – PhD in Economic Sciences, Associate Prof., Dean of the Faculty of Business and Local Governance, Western Caspian University (Azerbaijan)

Tatyana V. Mirolubova – Dr. of Economics, Prof., Perm State National Research University, Faculty of Economics

Vladimir A. Noskov – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Economic Theory Department, SSUE

Vyacheslav A. Perepelkin – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Economic Theory Department, SSUE

Tatyana E. Stepanova – Dr. of Economics, Prof., Kaliningrad State Technical University, Institute of Branch Economics and Management

Maria O. Suraeva – Vice-Rector of Educational Activities of SSUE, Dr. of Economics, Prof., Prof. of Management Department, SSUE

Mikhail N. Tolmachev – Dr. of Economics, Associate Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis

Maria A. Troyanskaya – Dr. of Economics, Associate Prof., Head of Department of State and Municipal Administration, Orenburg State University

Sergey G. Tyaglov – Dr. of Economics, Prof., Prof. of Economics of the Region, Industries and Enterprises Department, Rostov State University of Economics

Galina A. Khmeleva – Dr. of Economics, Prof., Director of the Center for the Study of Africa, Asia and Latin America, SSUE

Vladimir A. Tsybatov – Dr. of Economics, Associate Prof., Prof. of Regional Economics and Management Department, SSUE

Gennady I. Yakovlev – Dr. of Economics, Associate Prof., Prof. of Economy, Organization and Enterprise Development Strategy Department, SSUE

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Перепёлкин В.А., Перепёлкина Е.В.

Терциаризация и реиндустриализация как структурные составляющие постиндустриального развития	9
---	---

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Глебова А.Г., Строганова Е.М.

Функционирование международных криптовалютных бирж в условиях цифровой трансформации мировой экономики	18
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Герасимов К.Б., Колсанов А.А.

Модель инновационной инфраструктуры медицинского университета	31
---	----

Кравченко П.П., Гаврилюк Е.С.

Анализ инновационных проектов предприятий лесной промышленности Российской Федерации	40
---	----

Лесных Н.Ю., Созинова А.А., Фокина О.В.

Модели территориального бренда: компаративный анализ	56
--	----

Макаров С.И., Лукьянов М.А., Иванов Д.В., Сандлер И.Л.

Анализ рынка промышленного оборудования Российской Федерации и Самарской области в условиях макроэкономической нестабильности	71
--	----

Пирожков М.Д.

Роль кадровой безопасности в становлении технологического суверенитета и укреплении экономической безопасности региона	79
---	----

Тюхов Д.С.

Барьеры развития ресурсных центров для СО НКО: региональный аспект (на материалах СЗФО)	91
--	----

МЕНЕДЖМЕНТ И УПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕСОМ

Долгополов Д.В., Юдина А.В.

Особенности создания вирального контента в рамках кинопредпочтений в российском кинематографе	103
--	-----

Тимошкин В.М., Дадыкин В.С., Дадыкина О.В., Николаенко Е.П.

Повышение эффективности работы с кадровым составом геологической организации на основе искусственного интеллекта	111
---	-----

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Булавко О.А., Катабай П.Х., Старцева О.Е., Ширнин А.А.

Основные подходы к анализу и прогнозированию дивидендной политики компаний	118
--	-----

Шавалеева Ч.М.

Бюджетная политика в области формирования доходов бюджета: особенности реализации на региональном уровне	126
---	-----

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

Perepelkin V.A., Perepelkina E.V.

Tertiarization and reindustrialization as structural components of post-industrial development9

WORLD ECONOMY

Glebova A.G., Stroganova E.M.

The functioning of international cryptocurrency exchanges in the context of the digital transformation of the global economy18

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Gerasimov K.B., Kolsanov A.A.

Model of innovative infrastructure of a medical university31

Kravchenko P.P., Gavriluk E.S.

Analysis of innovative projects of enterprises of the forestry industry of the Russian Federation40

Lesnykh N.Yu., Sozinova A.A., Fokina O.V.

Territorial brand models: comparative analysis56

Makarov S.I., Lukianov M.A., Ivanov D.V., Sandler I.L.

Analysis of the industrial equipment market of the Russian Federation and the Samara region in the conditions of macroeconomic instability.....71

Pirozhkov M.D.

The role of personnel security in the development of technological sovereignty and strengthening the economic security of the region79

Tyukhov D.S.

Barriers to the development of resource centers for socially oriented non-profit organizations: a regional perspective (experience from the Northwestern Federal District).....91

MANAGEMENT AND BUSINESS MANAGEMENT

Dolgoplov D.V., Yudina A.E.

Features of creating viral content within the framework of film preferences in Russian cinema..... 103

Timoshkin V.M., Dadykin V.S., Dadykina O.V., Nikolaenko E.P.

Improving the efficiency of working with the staff of a geological organization based on artificial intelligence..... 111

FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT

Bulavko O.A., Katabay P.Kh., Startseva O.E., Shirnin A.A.

Main approaches to the analysis and forecasting of the dividend policy of companies 118

Shavaleeva Ch.M.

Budget policy in the field of budget revenue formation: implementation features at the regional level..... 126

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Научная статья
УДК 330.341.42

Терциаризация и реиндустриализация как структурные составляющие постиндустриального развития

Вячеслав Александрович Перепёлкин¹, Елена Вячеславовна Перепёлкина²

¹ Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия,
slavaap@rambler.ru

² Fund2index GmbH, Франкфурт-на-Майне, Германия, elena.perepelkina21@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования прохождения сервисного и индустриального структурных сдвигов в условиях становления постиндустриальной экономики. Теоретическая часть исследования представлена изучением характеризующих соответствующие межсекторные сдвиги понятий, позволившим уточнить трактовку их содержания и осуществить разграничение с близкими понятиями. Вскрыты противоречия между терциаризацией и реиндустриализацией, а также факторы, определяющие выбор приоритетности между ними. В эмпирической части исследование проводилось на глобальном и страновом уровнях с целью установить возможность сосуществования изучаемых структурных процессов. За 9-летний период рассмотрения в мировой экономике не обнаружено статистически фиксируемых признаков прохождения процессов терциаризации и реиндустриализации, тогда как в группе вступивших на путь постиндустриального развития крупнейших национальных экономик увеличение доли сектора услуг имело место во всех странах, а индустриального сектора – в половине стран. В целом по миру присутствие терциаризации зафиксировано в странах с доходом в расчете на жителя выше среднего и в странах с низким уровнем дохода, реиндустриализации – в странах с доходом ниже среднего.

Ключевые слова: терциаризация, реиндустриализация, сервисизация, сектор услуг, индустриальный сектор, обрабатывающие производства, межсекторный структурный сдвиг, уровень доходов населения

Основные положения:

- ♦ постиндустриальной стадии экономического развития могут быть равно присущи два противоположных по направленности структурных процесса, а именно терциаризация и реиндустриализация, научная трактовка содержания которых подверглась уточнению;
- ♦ осуществлен эмпирический анализ актуальной динамики долей сервисного и индустриального секторов на глобальном уровне и на уровне ведущих национальных экономик, на основе чего сделан вывод об отсутствии в подвергнутый изучению период времени признаков прохождения процессов и терциаризации, и реиндустриализации мировой экономики, тогда как в крупнейших национальных экономиках незначительная по силе терциаризация была отмечена;
- ♦ вскрыты противоречия между процессами терциаризации и реиндустриализации, в качестве определяющей причины существования которых установлен конфликт целеполагания;
- ♦ выделены факторы выбора в пользу терциаризации либо реиндустриализации с учетом уровня социально-экономического развития стран.

Для цитирования: Перепёлкин В.А., Перепёлкина Е.В. Терциаризация и реиндустриализация как структурные составляющие постиндустриального развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 9–17.

Original article

Tertiarization and reindustrialization as structural components of post-industrial development

Viacheslav A. Perepelkin¹, Elena V. Perepelkina²

¹Samara State University of Economics, Samara, Russia, slavaap@rambler.ru

²Fund2index GmbH, Frankfurt am Main, Germany, elena.perepelkina21@gmail.com

Abstract. This article presents the results of a study of service and industrial structural shifts in the context of the formation of a post-industrial economy. The theoretical part of the study is represented by an examination of the concepts characterizing the corresponding intersectoral shifts, which made it possible to clarify the interpretation of their content and distinguish them from related concepts. Contradictions between tertiaryization and reindustrialization, as well as the factors determining the choice of priority between them, are revealed. In the empirical part, the study was conducted at the global and country levels in order to establish the possibility of coexistence of the structural processes under study. Over the 9-year period of consideration, no statistically recorded signs of tertiaryization and reindustrialization were found in the global economy. However, among the group of the largest national economies that have embarked on the path of post-industrial development, an increase in the share of the service sector occurred in all countries, and the industrial sector in half of the countries. Globally, the presence of tertiaryization was recorded in countries with an income per capita above the average and in low-income countries, while reindustrialization was recorded in countries with a lower-middle income.

Keywords: tertiarization, reindustrialization, servitization, service sector, industrial sector, manufacturing, intersectoral structural shift, income level of the population

Highlights:

- ♦ the post-industrial stage of economic development may equally be characterized by two opposite structural processes, namely tertiarization and reindustrialization, the scientific interpretation of the content of which has been clarified;
- ♦ an empirical analysis of the current dynamics of the shares of the service and industrial sectors at the global level and at the level of leading national economies was carried out, on the basis of which it was concluded that there were no signs of processes of both tertiarization and reindustrialization of the world economy in the studied period, whereas in the largest national economies, insignificant tertiarization was noted;
- ♦ the contradictions between the processes of tertiarization and reindustrialization are revealed, as the determining reason for the existence of which the conflict of goal-setting is established;
- ♦ the factors of choice in favor of tertiarization or reindustrialization are highlighted, taking into account the level of socio-economic development of the countries.

For citation: Perepelkin V.A., Perepelkina E.V. Tertiarization and reindustrialization as structural components of post-industrial development // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 9–17. (In Russ.).

Введение

Участившиеся в последние десятилетия качественные изменения в структуре мировой экономики требуют адекватного совершенствования понятийного аппарата экономической теории. Если полвека назад при изучении

межсекторных структурных сдвигов применялись понятия «терциаризация» и «индустриализация», то в настоящее время в научном обороте присутствуют такие близкие им понятия, как «деиндустриализация», «реиндустриализация», «сервисизация», «постиндустриализация».

Каждое из них раскрывает те или иные отличительные черты продолжающегося долгосрочного фундаментального сдвига, представляющего собой переход от индустриальной к постиндустриальной стадии общественного развития. Сложность и неоднозначность сопровождающих его перемен требуют познания разных сторон указанного социально-экономического процесса, этапного для истории человечества. Оттого увеличивается число понятий, используемых при проведении научного исследования по рассматриваемой проблематике. Однако глубина их теоретической проработанности представляется еще недостаточной хотя бы потому, что центральное из них – терциаризация – пока не имеет развернутого определения в основных экономических словарях. В научных публикациях оно нередко отождествляется с сервисизацией или деиндустриализацией. Следовательно, актуальна выработка теоретически обоснованного и пригодного для применения в практической деятельности определения сущности терциаризации, позволяющего разграничить его со смежными категориями теории структурных сдвигов.

Наряду с трактовкой терциаризации и реиндустриализации на понятийном уровне, важна их последующая количественная оценка в качестве масштабных долговременных процессов трансформации структуры экономики. Сильная неоднородность составных частей третичного сектора (сектора услуг), объединенных по признаку создания не вещественного продукта, затрудняет эту задачу. В самом общем виде представляя собой полезное действие в пользу других лиц, услуга («services») объективно существует, но не имеет вещественной оболочки. Из последнего происходят сложности в ее измерении и учете. Также немало услуг оказывается в других секторах экономики и включаются в цепочки вновь созданной стоимости в них. Из-за этого, например, в стоимостной величине выпуска промышленности («industries») учитываются и результаты распространения по всей экономике производства услуг. А значит, наблюдаемая в последние годы в ряде стран реиндустриализация отчасти может быть следствием увеличения производства услуг внутри вторичного сектора. Тогда отмечаемое в этих нацио-

нальных экономиках замедление и даже остановка терциаризации вовсе не равносильно прекращению сервисизации. Разрешению указанных противоречий в области теории и практики оценки межсекторных сдвигов посвящено представленное в тексте статьи исследование.

Методы

Методология представленного исследования определяется сочетанием общенаучных и специальных методов, таких как основанное на анализе и синтезе научное абстрагирование, индукция и дедукция, системный и институциональный подходы, наблюдение, измерение, сравнение, построение группировок, динамических рядов, графиков. Познание наблюдаемых в мировой экономике межсекторных структурных сдвигов достигалось как опытным или эмпирическим путем, так и через осуществление присущих теоретической составляющей логических операций. Следуя также входящему в теоретический арсенал ученого аксиоматическому методу, в качестве не требующих предварительного доказывания исходных положений представлено присутствие в глобальной экономике индустриализации, реиндустриализации и терциаризации. Их конкретные параметры за рассматриваемый период времени установлены благодаря использованию экономико-статистического анализа с последующим выявлением причинно-следственных связей и взаимозависимостей посредством логического анализа.

Привлеченные статистические данные по рассматриваемой тематике первоначально подверглись группировке в секторные агрегаты, после чего полученные величины показателей выстраивались во временные ряды и для придания визуальной наглядности размещались в таблицы либо представлялись в виде графиков.

Главным источником количественной информации выступили базы данных Мирового банка, позволившие осуществить сопоставления на глобальном и национальном уровнях экономической деятельности. Информационная база предопределила методику группировки отраслей в секторы в соответствии с утвердившимися в международной практике

стандартом классификации, а именно с Международной стандартной отраслевой классификацией всех видов экономической деятельности (МСОК), ее четвертым пересмотренным вариантом [1].

Результаты

Исторически терциаризации и реиндустриализации предшествовала индустриализация, представляющая собой переход от аграрной к промышленной структуре экономики, сопровождавшийся урбанизацией, выражающейся в переезде населения из сельской местности в города, а также быстрым техническим прогрессом [2]. В качестве следующей за индустриализацией стадии экономического развития терциаризация (tertiarization, от tertiary – третичный) статистически представляет собой трансформацию структуры экономики в сторону увеличения в ней доли сектора услуг или третичного сектора. В данном исследовании указанные термины используются как синонимы. Вместе с тем ошибочно отождествлять терциаризацию с сервисизацией [3], поскольку последняя является экспансией услуг во всей экономике, т.е. как в третичном, так и в первичном (преимущественно аграрном), и вторичном (преимущественно промышленном) секторах [4]. Даже согласно МСОК услуги по ремонту и монтажу машин и оборудования, по сбору и утилизации отходов учитываются в составе промышленности, в то время как в реальности внутри вторичного сектора создается немало так называемых «околопромышленных» или «производственных» услуг, причем темпы роста объемов их производства часто превосходят совокупную величину соответствующего показателя в третичном секторе. В ряде исследований отмечается, что во многих обрабатывающих производствах услуги составляют преобладающую часть добавленной стоимости [5]. Со временем часть из них выделяется из индустриальных производств в самостоятельные сервисные бизнесы, в частности посредством перевода на аутсорсинг, в итоге пополняя третичный сектор. Оттого сфера действия сервисизации как процесса насыщения производства и потребления услугами намного шире по сравнению с терциаризацией.

Многие ученые видят в терциаризации обратный реиндустриализации процесс, свидетельством чего является их противопоставление друг другу в научных публикациях [6; 7]. В этой связи следует заметить, что в отличие от наблюдаемой на ранних стадиях общественно-экономического развития индустриализации, полное завершение которой выступает предпосылкой для перехода к постиндустриальной стадии, реиндустриализация ведет не к созданию, а к модернизации уже существующего промышленного сектора. Подвергаясь частичной деиндустриализации экономика вновь наращивает долю промышленности на базе технологических инноваций, таких как опирающиеся на возможности производственного применения компьютерных технологий комплексная автоматизация, робототехника, интернет вещей. Хотя статистически результаты индустриализации и реиндустриализации похожи, но достигаются они в разных исторических условиях и потому между ними есть принципиально важное различие. Предназначение индустриализации заключалось в формировании экономического фундамента для преобразования аграрного общества в индустриальное, тогда как реиндустриализация призвана служить не откату к предшествующей стадии общественно-экономического развития, а совершенствованию структуры экономики зрелого постиндустриального общества. Поэтому реиндустриализацию неправильно рассматривать в качестве отрицания, но только как дополнение к терциаризации, пусть даже при их количественном выражении в динамике они похожи на два разнонаправленных процесса.

Приступая к изложению эмпирической части исследования, следует предварительно оговорить методику образования используемых учетно-статистических агрегатов. Индустриальный сектор (industry) [8] соответствует разделам 10–45 МСОК, охватывая горнодобывающие, обрабатывающие производства, строительство, производство электроэнергии, воды и газа. Обрабатывающие производства (manufacturing) учитываются в разделах 15–37 МСОК. В сектор услуг (services) входят разделы 50–99 МСОК, включая торговлю, ресторанное и гостиничное дело, транспорт, госу-

дарственные, финансовые, профессиональные и личные услуги. При таком агрегировании величина сектора услуг близка к величине третичного сектора. Причиной некоторого несовпадения является, например, включение в МСОК услуг по ремонту, монтажу машин и оборудования, по сбору и утилизации отходов в агрегат industry. Более существенные расхождения наблюдаются между величинами агрегата industry и вторичного сектора. Как уже отмечалось, согласно имеющей место в МСОК методике расчета, в industry наряду с однозначно промышленной деятельностью, такой как обрабатывающие производства, входит и добыча полезных ископаемых, относимая в концепции постиндустриальной трехсекторной экономики к осуществляющему использованию непосредственно ресурсов природы первичному сектору. Следуя логике МСОК, увеличение добычи сырья нужно оценивать как вклад в индустриализацию экономики страны, тогда как согласно концепции постиндустриального трехсекторного разграничения такой прирост отношения к наращиванию объемов промышленной деятельности не имеет и должен учитываться в первичном секторе.

Представленные в табл. 1 статистические данные за период 2015–2023 гг. свидетельствуют о снижении долей в мировом валовом продукте как всего индустриального сектора (на 0,61%), так и, в частности, обрабатывающих производств (на 1,13%). Сектор услуг также сократил свою долю (на 2,49%). Таким образом, статистически на глобальном уровне ни терциаризация, ни реиндустриализация не наблюдались.

Зафиксированная в крупнейших национальных экономиках динамика доли сектора услуг отличалась тенденцией к увеличению: максимальный прирост имел место в Китае (3,83%), минимальный – в США (0,17%). Две конкурирующие между собой за мировое экономическое доминирование страны оказались на разных полюсах мини-рейтинга темпа терциаризации. В других рассмотренных национальных экономиках зафиксированы следующие приросты доли сектора услуг: Индия – 1,8%, Япония – 1,35%, Германия – 1,13%, Россия – 0,74% (табл. 2). Согласно классификации Всемирного банка, Германия, Россия, США и

Япония относятся к группе стран с высоким уровнем дохода, Китай – к странам с уровнем дохода выше среднемирового, Индия – к странам с уровнем дохода ниже среднемирового. В группе стран с высоким уровнем дохода имело место небольшое уменьшение доли сектора услуг с 69,37% до 69,02% (на 0,35%). По странам с доходом в расчете на жителя выше среднемирового наблюдался рост доли сектора услуг с 53,27% до 54,59% (на 1,32%). По странам с доходом ниже среднемирового доля сектора услуг уменьшалась: с 42,33% до 32,71% (на 9,62%). В странах с низким уровнем дохода доля сектора услуг росла: с 52,56% до 53,26% (на 0,70%). Из приведенных данных видно, что определяющее влияние на отмеченное ранее незначительное уменьшение доли сектора услуг оказал сильный контрсервисный структурный сдвиг в экономиках стран с доходом ниже среднемирового. Пусть их лишь 26% от общего числа стран, но сила данного секторного сдвига в этой группе в несколько раз превзошла силу происшедших в других группах стран.

В одной половине подвергшихся специальному изучению национальных экономик доля индустриального сектора возросла: в Японии – на 1,29%, в Германии – на 0,92%, в России – на 0,86%. В другой половине она уменьшилась: в Китае – на 2,5%, в Индии – на 2,32%, в США – на 0,7%. Тем самым, средневзвешенная величина увеличения составила 1,02%, тогда как уменьшения – 1,66%, т.е. оказалась более чем в 2 раза больше. При этом только в России был незначительный прирост доли обрабатывающих производств (0,07%). В остальных национальных экономиках доля этой важнейшей части индустриального сектора уменьшилась: в Китае – на 2,77%, в Индии – на 2,65%, в Германии – на 1,6%, в Японии – на 1,25%, в США – на 1,01%. Это наблюдение приводит к выводу об отсутствии весомых признаков начала реальной реиндустриализации экономик этих 6 стран.

В разграничении на группы стран по уровню дохода динамика индустриального сектора и обрабатывающих производств главным образом продемонстрировала отрицательные значения доли в ВВП: в странах с высоким уровнем дохода доля индустриального сектора

Таблица 1

**Доля в мировом валовом продукте секторов экономики
и видов экономической деятельности (ВЭД), %***

Сектор, ВЭД	Годы								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Индустриальный сектор	26,73	26,17	26,66	27,13	26,60	26,00	27,08	27,22	26,12
- обрабатывающие производства	16,37	16,19	16,25	16,36	15,98	15,95	16,46	15,76	15,24
Сектор услуг	64,23	64,83	64,31	64,06	64,63	65,05	63,66	61,76	61,74

* Составлено на основе: World bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 25.02.2025).

Таблица 2

**Доля в валовом внутреннем продукте стран секторов экономики
и видов экономической деятельности (ВЭД), %***

Сектор, ВЭД	Годы								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ГЕРМАНИЯ									
Индустриальный сектор	25,92	26,22	26,12	25,94	25,63	25,38	25,31	25,69	26,84
- обрабатывающие производства	20,15	20,43	20,20	19,87	19,37	18,64	18,70	18,28	18,54
Сектор услуг	62,56	62,32	62,34	61,69	62,91	63,72	63,39	63,42	63,69
ИНДИЯ									
Индустриальный сектор	27,35	26,62	26,50	26,41	24,59	25,12	26,47	25,28	25,03
- обрабатывающие производства	15,58	15,16	15,02	14,88	13,46	14,12	14,38	13,12	12,93
Сектор услуг	47,78	47,75	47,67	48,43	50,08	47,93	47,85	49,57	49,58
КИТАЙ									
Индустриальный сектор	40,84	39,58	39,85	39,69	38,59	37,84	39,29	39,33	38,28
- обрабатывающие производства	28,95	28,07	28,11	27,84	26,77	26,29	27,55	27,07	26,18
Сектор услуг	50,77	52,36	52,68	53,27	54,27	54,46	53,47	53,35	54,60
РОССИЯ									
Индустриальный сектор	29,79	29,17	30,67	32,55	32,15	29,72	31,40	32,10	30,65
- обрабатывающие производства	12,38	11,70	12,31	12,82	12,97	13,40	12,61	12,61	12,45
Сектор услуг	56,14	57,01	56,04	53,43	54,17	56,37	54,40	54,76	56,88
США									
Индустриальный сектор	18,50	17,94	18,31	18,52	18,15	17,27	17,61	17,78	17,80
- обрабатывающие производства	11,61	11,16	11,18	11,28	10,98	10,48	10,55	10,49	10,60
Сектор услуг	76,34	76,99	76,50	76,27	76,61	77,06	76,40	76,42	76,51
ЯПОНИЯ									
Индустриальный сектор	28,58	28,63	28,88	29,01	28,80	29,07	29,26	29,92	29,87
- обрабатывающие производства	20,46	20,29	20,44	20,62	20,22	20,05	20,86	19,23	19,21
Сектор услуг	69,80	69,89	69,54	69,40	69,63	69,46	69,13	71,38	71,15

* Составлено на основе: World bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 25.02.2025).

сократилась с 26,73% до 26,12% (на 0,61%), а обрабатывающих производств с 13,76% до 13,17% (на 0,59%); в странах с доходом выше среднего индустриальный сектор также умень-

шил свой вес в экономике с 35,53% до 35,20% (на 0,30%), по обрабатывающим производствам – с 22,95% до 22,92% (на 0,03%); только в странах с доходом ниже среднего вес индуст-

стриального сектора в ВВП увеличился с 27,14% до 27,46% (на 0,32%), тогда как обрабатывающих производств уменьшился с 14,70% до 14,62% (на 0,08%); в странах с низким доходом доля индустриального сектора уменьшилась с 23,74% до 23,10% (на 0,64%), тогда как обрабатывающих производств увеличилась с 9,34% до 9,52% (на 0,18%). Можно констатировать, что в странах с высоким средним доходом населения наблюдались наиболее существенные структурные изменения, хотя значительными по величине они не были.

Обсуждение

Реиндустриализация предполагает увеличение в национальной экономике доли промышленного производства, и в частности обрабатывающих производств, после периода снижения посредством возврата производственных мощностей из-за рубежа, модернизации существующих производств, проведения технологических, продуктовых и организационных инноваций. Ее актуальность для развитых национальных экономик определяется двумя основными детерминантами: во-первых, обеспечением экономической безопасности, позволяющим быть устойчивее к шокам глобальных экономических кризисов и геополитической нестабильности. Опора на собственное промышленное производство, по меньшей мере, позволяет достигать стабильного снабжения критически важными товарами и услугами; во-вторых, созданием новых рабочих мест, снижающим уровень безработицы и повышающим доходы населения.

В условиях постиндустриального развития реиндустриализация дополняет терциаризацию, когда количественные результаты последней достигают высокого уровня, что в настоящее время наблюдается в высокоразвитых национальных экономиках. Вместе с тем взаимодействию реиндустриализации и терциаризации присущ и ряд противоречий, среди которых следующие:

- ♦ разнонаправленное влияние на доли в ВВП и занятости промышленности и сектора услуг;

- ♦ реиндустриализация стимулирует первоочередное внедрение передовых промышленных технологий, терциаризация – цифровых технологий и информационных услуг;

- ♦ благодаря диверсификации экономики и укреплению промышленной базы реиндустриализация повышает устойчивость к внешним экономическим шокам, тогда как терциаризация в состоянии сделать экономику более уязвимой к финансовым кризисам и колебаниям на мировом рынке услуг;

- ♦ реиндустриализации обычно присуще увеличение нагрузки на экологию, терциаризация же в большинстве случаев менее энергоемкая и природозатратная.

Выбор между реиндустриализацией и терциаризацией как разными подходами к экономическому развитию определяется следующими факторами:

- ♦ при приоритетности экономической стабильности реиндустриализация предпочтительнее, поскольку ослабляет влияние глобальных экономических кризисов, прежде всего, за счет уменьшения зависимости от импорта;

- ♦ в случае приоритетности продвижения инноваций и опережающего роста высокотехнологичных производств больше подходит терциаризация, поскольку научные исследования, информационные и биотехнологии развиваются в первую очередь в секторе услуг;

- ♦ если в сфере социально-трудовых отношений главенствует цель борьбы с безработицей, то предпочтительнее реиндустриализация, создающая рабочие места как с высокой, так и с низкой квалификацией исполнителя. Для реализации цели накопления человеческого капитала действеннее терциаризация, требующая высококвалифицированных специалистов в области наукоемких услуг и технологий;

- ♦ цели снижения экологической нагрузки и улучшения состояния окружающей среды больше соответствует приоритетный рост менее энерго- и материалоемкого сектора услуг;

- ♦ в условиях глобальных экономических кризисов или торговых войн надежнее опираться на способствующую развитию собственной промышленной базы и снижению зависимости от импорта реиндустриализацию. При стабильном росте мировой экономики терциаризация более привлекательна, поскольку, во-первых, посредством происходящих из сектора услуг цифровых технологий и информационных услуг стимулируются инно-

вации по всей экономике, способствуя подъему ее эффективности. Во-вторых, расширяется и углубляется международная интеграция, в контексте которой развитым странам, обладающим сравнительным конкурентным преимуществом в интеллектуальной деятельности, выгоднее инвестировать в наукоемкие услуги, нежели в промышленное производство. В этом проявляется конфликт между целью обеспечения национальной экономической безопасности, реализации которой служит реиндустриализация, и целью повышения эффективности, чему в целом успешно содействует терциаризация.

Реиндустриализация происходит преимущественно в развитых странах, и ее причинами являются: опережающие темпы роста стоимости труда в развивающихся странах по сравнению с развитыми; посредственное качество продукции, произведенной в развивающихся странах; приближение производства к потребителю; оптимизация логистики; автоматизация процесса производства; доступ к квалифицированной рабочей силе; высокий уровень образования. Результаты терциаризации в наибольшей мере проявились в богатых странах, где на стороне спроса повышенная по сравнению с сельскохозяйственными и промышленными товарами эластичность услуг по доходу позволяет им доминировать в межсекторной конкуренции за потребителя. На стороне предложения лучшая обеспеченность человеческим капиталом при относительной бедности сырьевыми ресурсами во многом определила специализацию развитых стран преимущественно на создании неведущих благ, что привело к их лидерству в создании информационных технологий, в формировании цифровой экономики, в высокотехнологичных производствах.

Заключение

Неоднозначное содержание постиндустриального структурного сдвига в экономике предопределяет противоречивое содержание описывающей его понятийной базы. Отсутствие общепринятой трактовки дефиниции «терциаризация» проявляется в том, что наряду с ней используется понятие «сервисизация», тоже раскрывающее процесс экспансии услуг, но во всей экономике, а не только в специализирующемся на их создании секторе. Ошибочно и противопоставление терциаризации и реиндустриализации. Оба процесса служат становлению постиндустриальной экономики, способствуя формированию ее сбалансированной, эффективной структуры.

Если за рассмотренный период времени на глобальном уровне терциаризация отсутствовала, то в 6 крупнейших национальных экономиках она имела место. Настолько однозначное различие в отношении реиндустриализации не зафиксировано: ее не было на общемировом уровне, среди рассмотренных стран лишь в половине доля индустриального сектора немного увеличилась. В странах с доходом населения ниже среднего доля сектора услуг уменьшилась, а индустриального сектора возросла, чего не было в других странах мира.

Между терциаризацией и реиндустриализацией не только из-за разной направленности связанных с ними структурных изменений, но и вследствие присущей им приоритетности цели, в первом случае, продвижения инноваций и опережающего роста высокотехнологичных производств, а во втором – обеспечения экономической стабильности, существуют противоречия, преодолению которых в состоянии послужить соответствующая реальная постиндустриального развития структурная политика государства.

Список источников

1. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности / Организация Объединенных Наций. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_4rev4r.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
2. Оценки роли сферы услуг в экономике страны и тренды ее развития / Е.И. Макаров, М.В. Семенов, Р.М. Тайдаев, Е.А. Шубина // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2023. Т. 11, № 1 (60). С. 45–46.
3. Донскова Л.И. Сервисизация общества как процесс и результат: российский опыт // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 45–48.

4. Квасова Д.С. Теоретические подходы к определению понятия «терциаризация» // Весті БДПУ. Серія 2. 2019. № 3. С. 91–97.
5. Camacho E.A., Rodriguez M. Knowledge Intensive Services and R&D Diffusion: an Input-Output // Knowledge-Based Services, Internationalization and Regional Development / J.W. Harrington, P.W. Daniels (eds). Ashgate Publishing, 2006. 307 p.
6. Масютин С.А., Животовская А.Г. Реиндустриализация экономики как основа промышленной политики России // Экономика промышленности. 2019. № 12 (4). С. 416–425.
7. Тарханова М.А., Норкина Т.П. Деиндустриализация и реиндустриализация – закономерные этапы общественного развития // Экономика строительства и городского хозяйства. 2022. Т. 18, № 4. С. 239–247.
8. Савлов М.Е. Методика оценки третичного сектора стран мира // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 1. С. 21–30.

References

1. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities / United Nations. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_4rev4r.pdf (date of access: 25.02.2025).
2. Assessment of the role of the service sector in the country's economy and trends in its development / E.I. Makarov, M.V. Semenov, R.M. Taidaev, E.A. Shubina // Current areas of scientific research in the 21st century: theory and practice. 2023. Vol. 11, No. 1 (60). Pp. 45–46.
3. Donskova L.I. Servicization of society as a process and result: Russian experience // Bulletin of Tomsk State University. 2009. No. 320. Pp. 45–48.
4. Kvasova D.S. Theoretical approaches to defining the concept of "tertiarization" // Vesti BDPU. 2019. Series 2. No. 3. Pp. 91–97.
5. Camacho E.A., Rodriguez M. Knowledge Intensive Services and R&D Diffusion: an Input-Output // Knowledge-Based Services, Internationalization and Regional Development / J.W. Harrington, P.W. Daniels (eds). Ashgate Publishing, 2006. 307 p.
6. Masyutin S.A., Zhivotovskaya A.G. Reindustrialization of the economy as the basis of Russia's industrial policy // Industrial Economics. 2019. No. 12 (4). Pp. 416–425.
7. Tarkhanova M.A., Norkina T.P. Deindustrialization and reindustrialization – natural stages of social development // Economics of construction and urban economy. Vol. 18, No. 4. Pp. 239–247.
8. Savlov M.E. Methodology for assessing the tertiary sector of countries of the world // Izvestiya RAS. Geographical series. 2018. No. 1. Pp. 21–30.

Информация об авторах

В.А. Перепёлкин – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории Самарского государственного экономического университета;

Е.В. Перепёлкина – кандидат экономических наук, разработчик индексов Fund2index GmbH, г. Франкфурт-на-Майне, Германия.

Information about the authors

V.A. Perepelkin – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory of the Samara State University of Economics;

E.V. Perepelkina – Candidate of Economic Sciences, index developer Fund2index GmbH, Frankfurt am Main, Germany.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК 336.76:339.72

Функционирование международных криптовалютных бирж в условиях цифровой трансформации мировой экономики

Анна Геннадьевна Глебова¹, Екатерина Максимовна Строганова²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ nauka_rf@mail.ru

² kate.stroganoff@gmail.com

Аннотация. Современные международные криптовалютные биржи играют ключевую роль в цифровой трансформации мировой экономики, обеспечивая инфраструктуру для торговли, обмена и хранения цифровых активов. Однако их функционирование сопровождается рядом вызовов, включая высокую волатильность, регуляторную неопределенность, киберугрозы и различия в правовых подходах разных стран. Цель исследования – провести комплексный анализ функционирования международных криптовалютных бирж, определить ключевые факторы их конкурентоспособности, оценить влияние регулирования и технологических инноваций на их развитие. В статье выявлены различия между централизованными (CEX) и децентрализованными (DEX) биржами, исследуются факторы, определяющие конкурентоспособность криптобирж, включая размер комиссий, безопасность платформ и регуляторные барьеры. Особое внимание уделяется ликвидности активов, уровню комиссий, механизму ценообразования и регуляторным барьерам. В исследовании используются методы статистического анализа, сравнительного исследования платформ и нормативно-правового анализа. Рассматриваются современные технологические тренды, такие как блокчейн-решения для масштабируемости, смарт-контракты, Lightning Network и стейблкоины. На основе проведенного анализа сделан вывод о необходимости баланса между регуляторными мерами и технологическими инновациями для устойчивого развития криптобирж. Выявлены ключевые тенденции, влияющие на будущее рынка криптовалют, включая расширение международного регулирования, рост институциональных инвестиций и развитие цифровых финансовых инструментов.

Ключевые слова: криптовалютные биржи, цифровая трансформация, централизованные биржи (CEX), децентрализованные биржи (DEX), регулирование криптовалют, блокчейн, смарт-контракты, стейблкоины, инновации в криптовалютах

Основные положения:

- ♦ международные криптовалютные биржи обеспечивают ликвидность цифровых активов и развиваются за счет роста институциональных инвестиций;
- ♦ конкурентоспособность криптобирж определяется ликвидностью, комиссиями, безопасностью и соответствием регуляторным требованиям;
- ♦ различия в правовом регулировании криптовалют создают неопределенность, но усиливается глобальный контроль над цифровыми активами;
- ♦ технологические инновации (блокчейн-решения, смарт-контракты, Lightning Network) повышают эффективность бирж;
- ♦ устойчивое развитие крипторынка требует баланса между регулированием и технологическими инновациями.

Для цитирования: Глебова А.Г., Строганова Е.М. Функционирование международных криптовалютных бирж в условиях цифровой трансформации мировой экономики // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 18–30.

WORLD ECONOMY

Original article

The functioning of international cryptocurrency exchanges in the context of the digital transformation of the global economy

Anna G. Glebova¹, Ekaterina M. Stroganova²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ nauka_rf@mail.ru

² kate.stroganoff@gmail.com

Abstract. Modern international cryptocurrency exchanges play a key role in the digital transformation of the global economy, providing infrastructure for trading, exchanging, and storing digital assets. However, their operation is accompanied by a number of challenges, including high volatility, regulatory uncertainty, cyber threats, and differences in legal approaches across countries. The aim of this study is to conduct a comprehensive analysis of international cryptocurrency exchanges, identify key factors determining their competitiveness, and assess the impact of regulation and technological innovation on their development. This article identifies the differences between centralized (CEX) and decentralized (DEX) exchanges and examines the factors determining the competitiveness of crypto exchanges, including commission rates, platform security, and regulatory barriers. Particular attention is paid to asset liquidity, commission levels, pricing mechanisms, and regulatory barriers. The study utilizes statistical analysis, comparative platform research, and regulatory analysis. The article examines modern technological trends, such as blockchain scalability solutions, smart contracts, the Lightning Network, and stablecoins. Based on the analysis, it concludes that a balance between regulatory measures and technological innovation is essential for the sustainable development of crypto exchanges. Key trends influencing the future of the cryptocurrency market are identified, including the expansion of international regulation, the growth of institutional investment, and the development of digital financial instruments.

Keywords: cryptocurrency exchanges, digital transformation, centralized exchanges (CEX), decentralized exchanges (DEX), cryptocurrency regulation, blockchain, smart contracts, stablecoins, cryptocurrency innovations

Highlights:

- ◆ international cryptocurrency exchanges provide liquidity for digital assets and grow through increasing institutional investments;
- ◆ the competitiveness of crypto exchanges is determined by liquidity, fees, security, and regulatory compliance;
- ◆ differences in cryptocurrency regulation create uncertainty, but global oversight of digital assets is strengthening;
- ◆ technological innovations (blockchain scalability, smart contracts, Lightning Network) enhance exchange efficiency;
- ◆ sustainable development of the crypto market requires a balance between regulation and technological innovation.

For citation: Glebova A.G., Stroganova E.M. The functioning of international cryptocurrency exchanges in the context of the digital transformation of the global economy // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 18–30. (In Russ.).

Введение

Криптовалютная биржа представляет собой онлайн-платформу, предназначенную для обмена криптовалют и цифровых валют на другие активы, включая фиатные деньги и другие цифровые валюты [1]. В современной мировой экономике насчитывается более 800 криптовалютных бирж, на которых суммарно обращается порядка 9000 различных видов криптовалют и токенов. Эти показатели постоянно обновляются, демонстрируя устойчивую тенденцию роста их числа [2; 3]. Криптовиржи играют ключевую роль в развитии и распространении криптовалют, обеспечивая ликвидность рынка и возможность обмена между различными цифровыми валютами и традиционными валютами (например, доллар США, евро, японская иена и др.).

Можно выделить ряд основных характеристик криптовалютных бирж. Во-первых, происходит постоянное расширение возможностей и выбора торговых площадок: по мере роста популярности криптовалют увеличивается количество доступных для торговли бирж и торговых пар. Во-вторых, крупные криптовалютные биржи позволяют выводить цифровые активы на внешние электронные кошельки, обеспечивая доступ к широкому спектру виртуальных и традиционных валют. В-третьих, некоторые платформы обеспечивают относительную анонимность и конфиденциальность: пользователи могут совершать сделки без обязательной верификации и раскрытия личных данных. В-четвертых, криптовалютные биржи внедряют многоуровневые системы безопасности — от базовой защиты паролем до двухфакторной аутентификации. В-пятых, для многих бирж характерны высокие суточные объемы торгов, что обеспечивает рынку ликвидность и снижает риски проскальзывания ордеров. Наконец, ряд бирж предлагают дополнительные сервисы, такие как реферальные программы, маржинальная торговля и начисление процентов на хранящиеся криптоактивы. Все перечисленные особенности делают криптовалютные биржи важным элементом инфраструктуры рынка цифровых финансовых инструментов.

С момента появления биткоина в 2009 г. криптовалютный рынок развивается чрезвычайно динамично. Первые криптовалютные

биржи были немногочисленны и не обеспечивали достаточного уровня безопасности для хранения цифровых активов. Однако с развитием технологий и совершенствованием систем кибербезопасности криптовалютные биржи стали более надежными и функциональными. На данный момент наблюдается рост разнообразия криптовалютных бирж и усложнение предлагаемых ими финансовых инструментов. Существенной особенностью отрасли является наличие двух принципиально разных типов криптовалютных бирж: централизованных и децентрализованных. Централизованные биржи (CEX) представляют собой платформы, все операции на которых контролируются компанией-оператором; пользователи таких бирж не имеют прямого доступа к своим приватным ключам, которые хранятся на счетах биржи. Децентрализованные биржи (DEX), напротив, функционируют на основе распределенного реестра и не хранят средства или данные пользователей на своих серверах — они лишь сводят покупателей и продавцов напрямую (peer-to-peer), без участия финансовых посредников [4].

В настоящей работе проводится анализ функционирования международных криптовалютных бирж в современных условиях, включая рассмотрение структуры рынка, ключевых факторов эффективности их работы (ликвидность, комиссии, безопасность) и перспектив развития с учетом регулирования и технологических инноваций.

Методы

Исследование основывается на сочетании анализа актуальных статистических данных криптовалютного рынка и обзора современной научной и деловой литературы. Количественные показатели, такие как объемы торгов и рыночные доли крупнейших бирж, а также географическое распределение криптовалютных бирж, взяты из открытых источников и аналитических отчетов. В частности, данные о долях рынка спотовых криптовалютных бирж и совокупных объемах торгов были получены из отраслевых отчетов (например, сообщалось, что в четвертом квартале 2024 г. суммарный объем торгов на крупнейших биржах достиг 6,4 трлн долл.) [5]. Для сравнительного анализа платформ была составлена таблица с характеристиками

Топ-5 криптовалютных бирж и их основные характеристики

Биржа	Краткое описание	Преимущества	Недостатки
Binance.com	Крупнейшая централизованная биржа по объему торгов	Огромный выбор валютных пар; поддержка фиатных валют; низкая комиссия (0,1%); маржинальная торговля; удобное мобильное приложение	Трудности с выводом фиатных средств; периодические технические неполадки; отсутствие лицензии в ряде юрисдикций; высокие риски при операциях
Okex.com	Глобальная централизованная биржа, специализирующаяся на спотовой торговле, деривативах и фьючерсах	Большой выбор валютных пар; доступные комиссии (0,15%); удобное приложение; поддержка маржинальной торговли; широкий выбор торговых инструментов; высокая ликвидность	Сложная процедура верификации; нестабильная работа службы поддержки; отсутствие торговых пар с фиатными деньгами; ограниченный функционал для иностранных пользователей
Exmo.com	Европейская (испанская) централизованная биржа	Высокие требования к безопасности; фокус на основных криптовалютах; высокая скорость работы; простой интерфейс; низкая комиссия (0,2%)	Небольшое количество доступных валютных пар; сложности при регистрации новых пользователей; ограниченный выбор криптовалютных монет
Bithumb.pro	Южнокорейская централизованная биржа криптовалют	Поддержка операций с фиатными деньгами; отсутствие комиссий за депозит; вывод средств на банковскую карту; стандартная и продвинутая маржинальная торговля	Высокие комиссии при выводе средств; относительно небольшие торговые обороты по сравнению с лидерами рынка
Bitmex.com	Международная платформа, лидер по маржинальной торговле и хранению биткоинов	Высокие суточные обороты; удобная торговля без обязательной верификации (анонимная регистрация)	Отсутствие поддержки фиатных валют (только криптовалюта)

топ-5 ведущих криптобирж мира на основе рейтингов надежности, требований верификации и возможностей ввода/вывода средств пользователей (см. таблицу) [6]. При рассмотрении аспектов безопасности использованы сведения о наиболее крупных инцидентах с кражами криптоактивов на биржах, описанные в новостных и исследовательских источниках. Наконец, аналитический обзор нормативно-правовых актов и научных публикаций позволил оценить текущее состояние регулирования криптовалютного рынка и определить перспективные направления его развития. Такой комплексный подход (статистический анализ, сравнительное исследование и обзор литературы) обеспечивает всестороннее освещение функционирования международных криптобирж в современных условиях.

Результаты

Ведущие криптобиржи и структура рынка

По совокупности показателей надежности и популярности можно выделить 5 крупнейших

международных криптовалютных бирж и обобщить их основные преимущества и недостатки для пользователей. В таблице представлены эти биржи с краткой характеристикой, а также ключевые плюсы и минусы их использования.

Представленные платформы занимают лидирующие позиции по объемам торгов и количеству пользователей. Несмотря на доминирование Binance на мировом рынке (рис. 1), ее относительная доля постепенно снижается на фоне роста конкурентов.

Так, если в середине 2023 г. на Binance приходилось около 68% глобального объема спотовых торгов криптовалютами, то к концу 2024 г. эта доля уменьшилась примерно до 35%. При этом в 2020 г. две биржи – Binance и Huobi Global – держали первенство как на спотовом крипторынке, так и на рынке соответствующих производных инструментов [7]. Huobi Global (теперь известная как HTX после ребрендинга в 2023 г.) остается одной из крупнейших криптобирж в мире, но ее доля рынка сократилась в последние годы из-за усиления

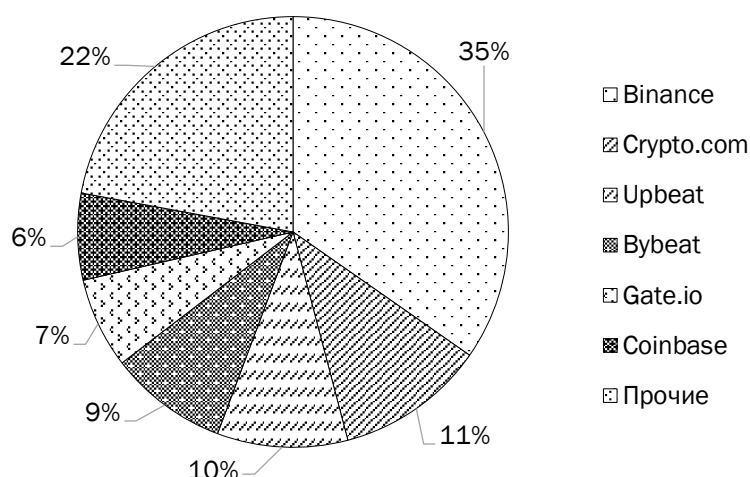

Рис. 1. Рыночная доля спотовых криптовалютных бирж по объемам торгов (конец 2024 г.)

конкуренции со стороны таких платформ, как Binance и Okex.com (после ребрендинга Okx.com). Это свидетельствует о повышении активности пользователей на других криптобиржах, об усилении их значимости и конкурентоспособности на мировом рынке, что выражается в росте совокупных объемов торгов.

Географическая структура криптовалютного рынка характеризуется тем, что наибольшее число бирж оперирует в Европе, которая является крупнейшим региональным рынком криптовалют. Вторым по значимости выступает Азиатско-Тихоокеанский регион. Что касается поддерживаемых валют, наиболее часто на криптобиржах используются доллар США (USD) и евро (EUR) в качестве базовых фиатных валют. Среди криптовалют по объемам торгов лидируют Биткойн (BTC) и Эфириум (ETH); следом по популярности идут Binance Coin (BNB) и Tether (USDT). В 2024 г. также зафиксирован значительный рост интереса к криптовалюте Solana (SOL) [8]. Таким образом, рынок криптовалют демонстрирует тенденцию к диверсификации как по географии бирж, так и по торгуемым активам.

Ликвидность и волатильность рынка

Ликвидность является одной из ключевых характеристик, определяющих эффективность функционирования любой биржи. Высокая ликвидность означает, что пользователи могут легко и быстро покупать или продавать криптовалюты по рыночной цене без существенного

влияния на цену актива. По состоянию на конец 2024 г. Северная Америка являлась крупнейшим рынком криптовалют в мире: годовой объем сделок с криптоактивами в этом регионе оценивается примерно в 1,2 трлн долл. США, что составляет более 24% от общего мирового объема транзакций с криптовалютами [9]. Эксперты полагают, что запуск в США биржевых инвестиционных фондов (ETF), привязанных к биткоину, может привести к дальнейшему увеличению ликвидности криптовалютного рынка (рис. 2).

Крупные финансовые посредники уже заявили о готовности обеспечивать ликвидность для биткоин-ETF (в частности, речь шла о продукте компании BlackRock), что свидетельствует о важности ликвидности как фактора, влияющего на стабильность рынка. Недостаток ликвидности аналитики называют одной из причин резких ценовых колебаний первой криптовалюты – биткоина.

Даже в периоды снижения рынка наиболее популярные криптовалюты (такие как Bitcoin, Ethereum и др.) сохраняют высокий объем торгов. Число активных трейдеров, оперирующих этими валютами, остается значительным, поскольку крупным инвесторам выгоднее работать с высоколиквидными активами – для них характерен небольшой спред (разница между ценой покупки и продажи) и низкие операционные издержки торговли. Напротив, если ликвидность того или иного актива низкая, получить прибыль от операций с

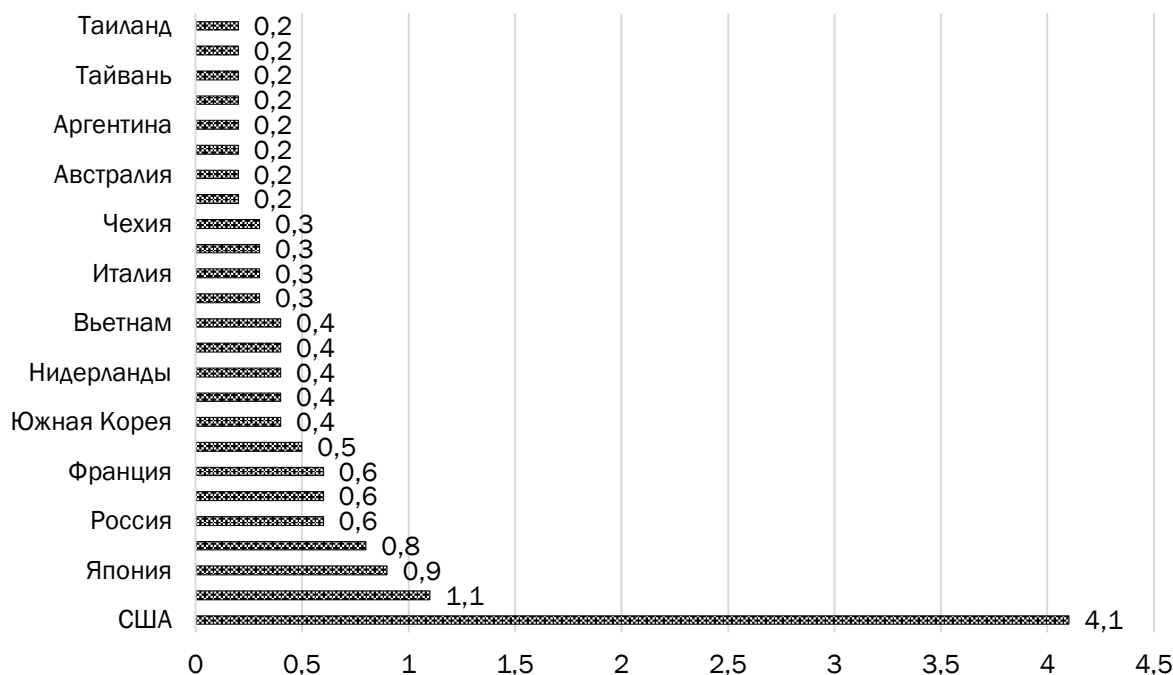

Рис. 2. Прирост прибыли от операций с Bitcoin в 2023 г. по странам, млрд долл. США

ним становится сложнее, так как затруднительно быстро найти контрагента для сделки по приемлемой цене. Поэтому более ликвидные криптоактивы предпочтительнее для большинства инвесторов и трейдеров.

Следует отметить, что рынок криптовалют также отличается высокой волатильностью. Цены на криптоактивы значительно зависят от информационного фона и новостных событий. Заявления публичных фигур и новости СМИ способны спровоцировать стремительный рост либо обвал курса. Например, колебания курса биткоина в 2021 г. связывались с высказываниями Илона Маска и компании Tesla относительно принятия либо отказа от приема биткоина в качестве оплаты за автомобили [10]. Более свежий пример: в начале февраля 2025 г. после заявления Дональда Трампа о введении новых торговых пошлин в отношении ряда стран (Китая, Мексики и Канады) совокупная капитализация мирового криптовалютного рынка упала на 7%, до уровня 3,12 трлн долл. США. Это событие спровоцировало одно из крупнейших однодневных падений рынка за последние годы. В частности, 3 февраля 2025 г. курс Ethereum снизился с более чем 3000 долл. до 2150 долл., проде-

монстрировав самое существенное дневное падение с 2021 г. (рис. 3) [11].

Помимо информационных факторов, значительное влияние на волатильность оказывают действия крупнейших игроков крипторынка, способных усиливать ценовые колебания. К примеру, совокупный объем активов под управлением крупнейших институциональных инвесторов в криптоиндустрии измеряется десятками миллиардов долларов (рис. 4).

При перераспределении таких объемов между активами может наблюдаться усиление волатильности котировок на рынке. В целом, показатель ликвидности часто используется для сравнения различных криптобирж, однако помимо ликвидности важны и другие характеристики – в первую очередь размер комиссий и уровень безопасности торговой платформы.

Комиссионные сборы на биржах

Большинство криптовалютных бирж взимают комиссионные сборы за предоставляемые услуги. Размеры этих комиссий могут различаться в зависимости от биржи и определяться рядом факторов: объемом торгов пользователя, типом криптовалюты, способом ввода или вывода средств и т.д. Как правило, при больших объемах торгов пользователь

Рис. 3. Падение курса Ethereum 3 февраля 2025 года

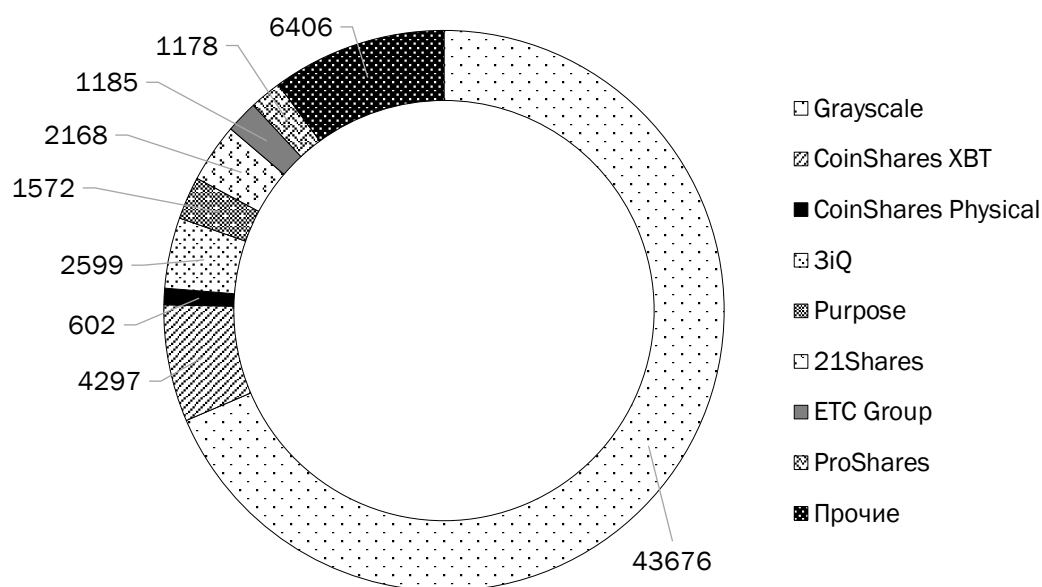

Рис. 4. Объем активов под управлением крупнейших институтов в сфере криптоиндустрии, млн долл. США

получает скидки и платит меньший процент комиссии.

В процессе торговли трейдер сталкивается с несколькими видами комиссий. Прежде всего, это комиссии за пополнение счета и за вывод средств. Пополнение депозита может осуществляться в криптовалюте (часто бесплатно или с минимальной комиссией со стороны биржи) либо в фиатной валюте через платежные системы (в последнем случае обычно

взимается комиссия платежной системой или банком). Аналогично, при выводе средств биржа устанавливает комиссии: вывод в криптовалюте обычно сопровождается меньшей комиссией, чем вывод фиатных денег на банковский счет.

Структура и размеры комиссий различаются у разных платформ. Например, на бирже Binance отсутствуют комиссии за пополнение депозита, однако взимается комиссия за вы-

вод средств – она устанавливается отдельно для каждой криптовалюты и имеет минимальные лимиты [12]. У биржи EXMO похожие условия (нет комиссии за ввод криптовалют), тогда как на платформе Bitfinex, напротив, введена комиссия за слишком малый депозит в случае внесения суммы менее 1000 долл. Последняя мера объясняется необходимостью борьбы с избыточным количеством мелких транзакций, перегружающих систему и вызывающих задержки в обработке операций вывода. Пользователям рекомендуется объединять мелкие депозиты в более крупные суммы для поддержания стабильной работы платформы. Торговые операции на бирже (совершение сделок купли/продажи) также облагаются комиссией – ее размер зависит от статуса трейдера (мейкер или тейкер) и месячного объема его торгов. Обычно мейкеры (предоставляющие ликвидность) платят меньшую комиссию, чем тейкеры (забирающие ликвидность из стакана ордеров).

Безопасность и риски

Обеспечение безопасности является одним из главных приоритетов для любой криптовалютной биржи. Биржи разрабатывают многоуровневые системы защиты, чтобы предотвратить взломы и кражи средств пользователей, а также создают фонды или механизмы компенсации на случай инцидентов. Тем не менее истории индустрии известны многочисленные случаи компрометации криптобирж, приводившие к утрате значительных сумм. Примечательно, что многие резонансные инциденты произошли на площадках, действовавших в странах с формирующимися рынками.

В качестве примера можно привести ситуацию с турецкой биржей Thodex: в апреле 2021 г. эта биржа внезапно приостановила операции, а руководство фактически исчезло, выведя криптоактивы клиентов. В результате мошеннических действий основателей Thodex инвесторы потеряли около 2 млрд долл. [13]. Другой случай – прекращение деятельности южноафриканской трейдинговой компании Mirror Trading International в 2020 г., повлекшее утрату инвесторами биткоинов на сумму около 1,2 млрд долл. Летом 2021 г. в ЮАР также закрылся доступ к платформе Africrypt –

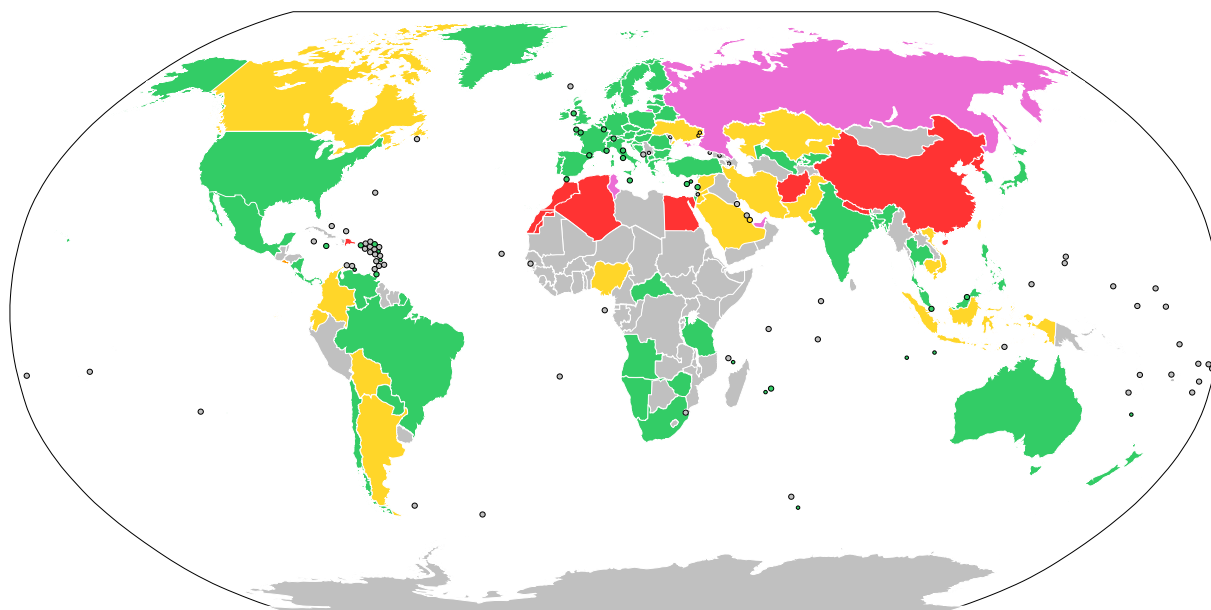
основатели этой криптобиржи заявили о хакерской атаке, после чего скрылись, а пользователи лишились порядка 3,6 млрд долл. в криптовалюте. Официально расследовать и вернуть похищенные средства не удалось, поскольку злоумышленники использовали специальные «миксер»-сервисы для анонимизации транзакций.

Даже более развитые рынки переживали подобные инциденты: так, японская биржа Mt. Gox в 2014 г. прекратила работу после кражи около 850 тыс. биткоинов из ее хранилищ [14]. Криптообменники также подвержены постоянным хакерским атакам, направленным на кражу средств как с горячих кошельков бирж, так и со счетов пользователей. По оценкам компании CipherTrace, в 2023 г. суммарный объем похищенных в результате взломов криптовалют достиг 5,52 млрд долл. США, что является значительным увеличением по сравнению с предыдущими годами (для сравнения, годом ранее объем украденных средств оценивался существенно ниже). Тем не менее, несмотря на существующие проблемы и риски, криптобиржи продолжают развиваться и адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, обеспечивая дальнейший рост экосистемы криптовалют.

Обсуждение

Совершенствование правового регулирования

Одним из решающих факторов дальнейшей эволюции криптовалютных бирж является государственное регулирование рынка криптовалют. В настоящее время во всем мире наблюдается неопределенность правового статуса криптовалют, и подходы разных стран существенно различаются. Можно ожидать усиления регулирования криптовалют в крупнейших экономиках, однако степень и направленность этого регулирования будут различаться от страны к стране в зависимости от местной политики и законодательства. В исследовании [15] проанализировано два сценария регулирования рынка криптовалют: (1) стимулирование развития и (2) полный или частичный запрет функционирования. В целом во многих государствах использование биткоина и других криптовалют разрешено на общих основа-

	Статус	Страны
	Разрешено использование биткоина	США, страны ЕС, Индия, Бразилия, ЮАР, Турция, Япония, Австралия, Великобритания, Мексика, Новая Зеландия и др.
	Ограничено (некоторые юридические ограничения)	Канада, Аргентина, Индонезия, Саудовская Аравия, Иран, Казахстан, Колумбия, Сирия и др.
	Спорный (интерпретация старых законов, но биткоин напрямую не запрещен)	Россия, Тунис
	Запрещено (полный или частичный запрет)	Китай, Алжир, Египет, Марокко, Афганистан и др.
	Законное платежное средство	Сальвадор
	Нет информации	Прочие страны Африки и др.

Рис. 5. Правовой статус биткоина по странам мира

ниях, тогда как отдельные страны вводят ограничения или запреты, опасаясь волатильности и децентрализованного характера криптовалют, воспринимая их как угрозу для национальных финансовых систем [16]. Географию правового статуса криптовалют можно проиллюстрировать на примере биткоина: большинство развитых стран (США, страны ЕС, Япония, Великобритания и др.) официально допускают его обращение, ряд стран вводят частичные ограничения, некоторые государства (например, Китай, Алжир, Египет) ввели прямой запрет, а в отдельных юрисдикциях (например, Россия) правовой статус криптовалют остается не до конца определенным (рис. 5) [17].

В Российской Федерации на текущий момент законодательство накладывает определенные ограничения на обращение криптовалют. Прямое использование криптовалют как платежного средства фактически не разрешено, однако предпринимаются шаги к легализации отдельных аспектов индустрии. В частности, с 1 января 2021 г. в РФ вступил в силу закон, частично определяющий статус цифровых финансовых активов, а с 1 ноября 2024 г. – закон о легализации майнинга криптовалют. В последнем документе даны определения майнинга, криптовалютного кошелька и других связанных понятий, описаны правила работы для майнеров и определены лица и

организации, имеющие право заниматься майнингом. Введение этого закона призвано вывести майнинговую деятельность из «серой зоны» и придать ей легальный статус [18]. Подобные шаги по урегулированию криптовалютного рынка способны повысить доверие инвесторов и привлечь дополнительный капитал, что ведет к росту объемов торгов, снижению юридических рисков и общей стабильности рынка.

Впоследствии можно ожидать дальнейшей проработки нормативной базы как в России, так и в других странах, чтобы обеспечить баланс между контролем над рисками и стимулированием инноваций в сфере криптовалют.

Технологические инновации в блокчейне

Постоянный прогресс технологий блокчейн напрямую влияет на развитие криптобирж и рынка криптовалют. Одно из направлений инноваций – расширение функциональности блокчейнов за счет интеграции смарт-контрактов. Изначально платформа биткоина не поддерживает сложные смарт-контракты, однако в последние годы предпринимаются усилия по увеличению ее возможностей. Смарт-контракт представляет собой программируемый контракт, хранящийся в блокчейне и автоматически исполняемый при наступлении заданных условий без участия третьих лиц. Смарт-контракты уже играют важную роль в индустрии блокчейна, лежа в основе децентрализованных финансов (DeFi), децентрализованных приложений (DApps) и децентрализованных бирж (DEX). Их ключевые преимущества включают неизменяемость третьими лицами, гарантированное выполнение условий, отсутствие необходимости в доверии между сторонами и прозрачность [19]. Расширение поддержки смарт-контрактов (например, за счет развития дополнительных протоколов поверх существующих блокчейнов) может открыть для криптовалют новых пользователей и увеличить спрос на услуги криптобирж, способствуя росту рынка в целом.

Другой важный вектор технологического развития – решение проблем масштабируемости блокчейн-сетей. По мере роста числа пользователей и транзакций нагрузки на сети первой генерации (такие как биткоин и эфир) возросли, что привело к повышению комиссий

и замедлению подтверждения транзакций. Для преодоления этих ограничений предложены такие технологии, как сайдчейны и сеть Lightning Network. Сайдчейн – это отдельная блокчейн-сеть, связанная с основным («родительским») блокчейном посредством двусторонней привязки (two-way peg). Сайдчейны позволяют переносить цифровые активы между собой и основным блокчейном, имея при этом собственные алгоритмы консенсуса, что может повысить масштабируемость, конфиденциальность и функциональность экосистемы [20]. В свою очередь, Lightning Network представляет собой «второй слой» поверх блокчейна биткоина, позволяющий проводить практически мгновенные и практически бесплатные микроплатежи между пользователями за счет использования смарт-контрактов для открытия платежных каналов. Эта децентрализованная сеть обеспечивает высокую скорость транзакций (от миллисекунд до секунд) и низкие комиссии, что делает возможными новые сценарии использования биткоина, например повседневные платежи и микроплатежи [21]. Таким образом, внедрение решений второго уровня и других технических улучшений постоянно повышает безопасность, скорость и эффективность операций с криптовалютами. Эти инновации имеют решающее значение для адаптации криптобирж к растущим требованиям рынка и пользователей в цифровой экономике.

Рост популярности стейблкоинов

Еще одним заметным трендом является быстрое распространение стейблкоинов – криптовалют, привязанных к ценности резервного актива (чаще всего к доллару США) и предназначенных для минимизации волатильности. В условиях инфляционных рисков и нестабильности традиционных валют стейблкоины становятся популярным инструментом сохранения стоимости и осуществления быстрых расчетов. Такие стейблкоины, как Tether (USDT) и USD Coin (USDC), позволяют преодолеть проблему резких ценовых колебаний на рынке криптовалют, делая цифровые активы более привлекательными для повседневных транзакций и долгосрочных инвестиций. Для криптобирж наличие стейблкоинов в листинге дает «тихую гавань» – активы с относительно

стабильной ценой, на которые трейдеры могут переходить во время высокой волатильности рынка. Стейблкоины повышают общую ликвидность торгов, поскольку упрощают вход новых участников на рынок (не нужно сразу конвертировать фиат в волатильные криптоактивы) и позволяют легко перемещать капитал между биржами. В результате рост эмиссии и использования стейблкоинов способствует увеличению объема торгов на международных криптобиржах и расширению пользовательской базы платформ.

Заключение

Международные криптовалютные биржи являются неотъемлемым элементом экосистемы цифровой экономики, играя важную роль в распространении и практическом использовании криптовалют. Они предоставляют инфраструктуру для торговли, обмена, хранения криптоактивов, а также инструменты для мониторинга рынка и анализа цен. Особое значение криптовалюты приобретают в контексте развития глобального рынка прямых

иностранных инвестиций [22]. Проведенный анализ показал, что современный этап развития криптобирж характеризуется увеличением их числа и объемов операций, диверсификацией предоставляемых услуг, но одновременно сопровождается рядом вызовов – от киберугроз до регуляторной неопределенности. Тем не менее перспективы дальнейшего роста рынка криптовалют и расширения деятельности бирж остаются высокими. Их реализация во многом будет зависеть от прогресса в совершенствовании правового регулирования и внедрения инноваций в сфере блокчейн-технологий. Повышение прозрачности и надежности нормативной среды, усиление мер безопасности, а также развитие технологических решений для повышения производительности и масштабируемости [23] сделают криптовалютные биржи более устойчивыми и эффективными. В свою очередь, это позволит в полной мере реализовать потенциал криптовалют на мировом уровне, интегрируя их в глобальную финансовую систему и удовлетворяя потребности растущего числа пользователей.

Список источников

1. Верига А.В. Современное состояние мирового криптовалютного рынка // Экономика. 2023. С. 41.
2. More than 9,000 cryptocurrencies on the market in 2023. 04.10.2024. URL: <https://www.techcentral.ie/more-than-9000-cryptocurrencies-on-the-market-in-2023/> (дата обращения: 19.03.2025).
3. CoinMarketCap. Top Cryptocurrency Exchanges Ranked by Volume. URL: <https://coinmarketcap.com/rankings/exchanges/> (дата обращения: 19.03.2025)
4. Белов К. Криптобиржи DEX и CEX: В чем разница? URL: <https://b2broker.com/ru/news/dex-vs-cex-crypto-exchanges-whats-the-difference/> (дата обращения: 08.02.2025).
5. Крупнейшие криптовалютные биржи удвоили объем торгов в четвертом квартале, достигнув \$6,4 трлн. URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/19340178150809> (дата обращения: 08.02.2025).
6. Дулатова Н.В. Цифровая валюта: перспективы и анализ рынка криптовалютных бирж России и зарубежных стран // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 150–163.
7. Лукашенко И.В., Глебова А.Г., Ивановская Ж.В. Обзор состояния децентрализованных цифровых валют и анализ биржевого сектoра // Банковские услуги. 2021. № 11. С. 15–24. doi:10.36992/2075-1915_2021_11_15.
8. Top 50 Cryptocurrencies 2024 Summary – Final List. URL: <https://www.nytimes-se.com/en/podsumowanie-50-najlepszych-kryptowalut-2024-ostateczna-lista/> (дата обращения: 08.02.2025).
9. 2023 Cryptocurrency Gains by Country. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/cryptocurrency-gains-by-country-2023/> (дата обращения: 09.02.2025).
10. Анализ криптовалюты, риски, тренды и меры регулирования. URL: <https://strah.shop/анализ-криптовалюты-меры-регулирова/> (дата обращения: 09.02.2025).
11. График и курс Эфириума. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/ETHUSD/> (дата обращения: 09.02.2025).
12. Шилов К.Д. Криптовалюты: тенденции рынка и санкции // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, № 2. С. 43–50.

13. Гендиректор турецкой криптобиржи Thodex пропал вместе с \$2 млрд средств пользователей. 23.04.2021. URL: <https://vc.ru/crypto/238038-gendirektor-tureckoi-kriptobirzhi-thodex-propal-vmeste-s-2-mld-sredstv-polzovatelei> (дата обращения: 19.03.2025).

14. Никитина Н.В. Категоризация токенов на финансовом рынке // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 43–47.

15. Вебер А.М., Матерова Е.С. Российская и зарубежная практика развития рынка криптовалюты // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 2 (232). С. 51–58.

16. Михайлов С.С. Законодательное регулирование криптовалют в разных странах: преимущества и недостатки различных подходов // Вестник науки. 2023. Т. 5, № 7 (64). С. 175–179.

17. Bitcoin's Legality Around The World. URL: https://www.researchgate.net/figure/Bitcoins-legality-around-the-world_fig2_378468770 (дата обращения: 09.02.2025).

18. Кабмин РФ утвердил требования к майнерам и операторам майнинговой инфраструктуры. URL: <https://www.interfax.ru/russia/989831> (дата обращения: 09.02.2025).

19. Масцеева Т.С. Инновации в мире криптовалют: от скоростных сетей до смарт-контрактов // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 1 (70). С. 674–678.

20. Рокицкая Ю. Чем сайдчейны отличаются от блокчейнов Layer 2? URL: <https://gncrypto.news/ru/news/how-are-sidechains-different-from-layer-2-blockchains/> (дата обращения: 10.02.2025).

21. Schteringard N. Lightning Network: сеть, которая делает биткоин быстрее молнии. URL: <https://incrypted.com/kak-lightning-network-rasshiryayet-vozmozhnosti-bitcoina/> (дата обращения: 10.02.2025).

22. Орлова Д.Р., Ушакова Е.С. Глобальный рынок прямых иностранных инвестиций и перспективы его развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 7 (237). С. 26–36.

23. Innovative transformation of the Russian industry in the framework of digital technologies / M.Ya. Veselovsky, Yu.V. Gnezdova, A.G. Glebova [et al.] // Espacios. 2018. Vol. 39, No. 41. P. 35.

References

1. Veriga A.V. Current State of the Global Cryptocurrency Market // Economics. 2023. P. 41.
2. More than 9,000 cryptocurrencies on the market in 2023. 04.10.2024. URL: <https://www.techcentral.ie/more-than-9000-cryptocurrencies-on-the-market-in-2023/> (date of access: 19.03.2025).
3. CoinMarketCap. Top Cryptocurrency Exchanges Ranked by Volume. URL: <https://coinmarketcap.com/rankings/exchanges/> (date of access: 19.03.2025).
4. Belov K. DEX and CEX Crypto Exchanges: What's the Difference? URL: <https://b2broker.com/ru/news/dex-vs-cex-crypto-exchanges-whats-the-difference/> (date of access: 08.02.2025).
5. Largest Cryptocurrency Exchanges Double Trading Volume in Q4, Reaching \$6.4 Trillion. URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/19340178150809> (date of access: 08.02.2025).
6. Dulatova N.V. Digital Currency: Prospects and Analysis of the Cryptocurrency Exchange Market in Russia and Abroad // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. No. 46. Pp. 150–163.
7. Lukashenko I.V., Glebova A.G., Ivanovskaya Zh.V. Review of the State of Decentralized Digital Currencies and Analysis of the Cryptocurrency Exchange Sector // Banking Services. 2021. No. 11. Pp. 15–24. doi:10.36992/2075-1915_2021_11_15.
8. Top 50 Cryptocurrencies 2024 Summary – Final List. URL: <https://www.nytimes-se.com/en/podsumowanie-50-najlepszych-kryptowalut-2024-ostateczna-lista/> (date of access: 08.02.2025).
9. 2023 Cryptocurrency Gains by Country. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/cryptocurrency-gains-by-country-2023/> (date of access: 09.02.2025).
10. Cryptocurrency Analysis, Risks, Trends, and Regulatory Measures. URL: <https://strah.shop/анализ-криптовалюты-меры-регулирова/> (date of access: 09.02.2025).
11. Ethereum Chart and Exchange Rate. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/ETHUSD/> (date of access: 09.02.2025).
12. Shilov K.D. Cryptocurrencies: Market Trends and Sanctions // Economic Development of Russia. 2023. Vol. 30, No. 2. Pp. 43–50.
13. CEO of Turkish Cryptocurrency Exchange Thodex Disappears with \$2 Billion of User Funds. 23.04.2021. URL: <https://vc.ru/crypto/238038-gendirektor-tureckoi-kriptobirzhi-thodex-propal-vmeste-s-2-mld-sredstv-polzovatelei> (date of access: 19.03.2025).

14. Nikitina N.V. Categorization of Tokens in the Financial Market // Fundamental Research. 2024. No. 3. Pp. 43–47.
15. Weber A.M., Materova E.S. Russian and Foreign Practices in the Development of the Cryptocurrency Market // Vestnik of Samara State University of Economics. 2024. No. 2 (232). Pp. 51–58.
16. Mikhailov S.S. Legislative Regulation of Cryptocurrencies in Different Countries: Advantages and Disadvantages of Various Approaches // Bulletin of Science. 2023. Vol. 5, No. 7 (64). Pp. 175–179.
17. Bitcoin's Legality Around The World. URL: https://www.researchgate.net/figure/Bitcoins-legality-around-the-world_fig2_378468770 (date of access: 09.02.2025).
18. Russian Government Approves Requirements for Miners and Mining Infrastructure Operators. URL: <https://www.interfax.ru/russia/989831> (date of access: 09.02.2025).
19. Mastsevaya T.S. Innovations in the World of Cryptocurrencies: From High-Speed Networks to Smart Contracts // Bulletin of Science. 2024. Vol. 2, No. 1 (70). Pp. 674–678.
20. Rokitskaya Yu. How Are Sidechains Different from Layer 2 Blockchains? URL: <https://gncrypto.news/ru/news/how-are-sidechains-different-from-layer-2-blockchains/> (date of access: 10.02.2025).
21. Schteringard N. Lightning Network: The Network That Makes Bitcoin Faster Than Lightning. URL: <https://incrypted.com/kak-lightning-network-rasshiryet-vozmozhnosti-bitcoina/> (date of access: 10.02.2025).
22. Orlova D.R., Ushakova E.S. The Global Market of Foreign Direct Investments and Prospects for Its Development // Vestnik of Samara State University of Economics. 2024. No. 7 (237). Pp. 26–36.
23. Innovative transformation of the Russian industry in the framework of digital technologies / M.Ya. Veselovsky, Yu.V. Gnezdova, A.G. Glebova [et al.] // Espacios. 2018. Vol. 39, No. 41. P. 35.

Информация об авторах

А.Г. Глебова – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Е.М. Строганова – обучающийся магистратуры по направлению «Международный финансовый рынок» кафедры мировой экономики и мировых финансов факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

A.G. Glebova – Doctor of Economics, Professor of the Department of World Economy and Global Finance, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation;

E.M. Stroganova – undergraduate student in International Financial Market at the Department of World Economy and Global Finance, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 31–39.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 31–39.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК 378:614.2

Модель инновационной инфраструктуры медицинского университета

Кирилл Борисович Герасимов¹, Артем Александрович Колсанов²

^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

¹ 270580@bk.ru

² aakolsanov@mail.ru

Аннотация. Повышение качества управления инновационной деятельностью медицинского университета и обеспечение системной генерации инноваций требуют наличия в вузе развитой инновационной инфраструктуры, поддерживающей исследователей и инноваторов. Несмотря на выраженный общественный запрос на новые медицинские продукты и технологии, в том числе в аспекте достижения технологического суверенитета, медицинские вузы в основной своей части характеризуются слабой инновационной активностью, связанной с неразвитой инфраструктурой ее поддержки. В статье предлагается модель инновационной инфраструктуры медицинского университета, направленная на устранение указанного противоречия.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, медицинский университет, Университет 3.0, Университет 4.0

Основные положения:

- ♦ в настоящее время слабо развиты теоретические основы построения инновационной инфраструктуры в медицинском вузе;
- ♦ модель инновационной инфраструктуры медицинского вуза необходимо выстраивать на анализе лучших практик и ориентации на модели Университета 3.0 и Университета 4.0;
- ♦ предлагаемая модель инновационной инфраструктуры медицинского университета выстроена по блочному принципу, позволяющему внедрять ее как частями, так и целиком в соответствии с достигнутым уровнем и возможностями конкретного медвуза.

Для цитирования: Герасимов К.Б., Колсанов А.А. Модель инновационной инфраструктуры медицинского университета // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 31–39.

Original article

Model of innovative infrastructure of a medical university

Kirill B. Gerasimov¹, Artem A. Kolsanov²

^{1,2} Samara National Research University, Samara, Russia

¹ 270580@bk.ru

² aakolsanov@mail.ru

Abstract. Improving the quality of management of innovative activities of a medical university and ensuring systemic generation of innovations requires the presence of a developed innovative infrastructure in the university that supports researchers and innovators. Despite the expressed public demand for new medical products and technologies, including in terms of achieving technological sovereignty, medical universities are mostly characterized by weak innovative activity associated with an underdeveloped infrastructure to support it. The article proposes a model of innovative infrastructure of a medical university aimed at eliminating this contradiction.

Keywords: innovative infrastructure, medical university, University 3.0, University 4.0

Highlights:

- ♦ currently, the theoretical foundations for building an innovative infrastructure in a medical university are poorly developed;
- ♦ the model of an innovative infrastructure for a medical university must be built on the basis of an analysis of best practices and orientation toward the University 3.0 and University 4.0 models;
- ♦ the proposed model of an innovative infrastructure for a medical university is built on a block principle, allowing it to be implemented both in parts and in its entirety in accordance with the achieved level and capabilities of a particular medical university.

For citation: Gerasimov K.B., Kolsanov A.A. Model of innovative infrastructure of a medical university // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 31–39. (In Russ.).

Введение

Инновационная деятельность имманентна организациям, занимающимся научными изысканиями, так как инновации есть закономерный этап развития научной разработки, обладающей потенциалом для формирования продукта. Как следствие, ведущие университеты выступают важными субъектами инновационной деятельности, реагируя на общественный запрос в различных его проявлениях – со стороны бизнеса, социума, государства.

Современное государственное регулирование науки и высшего образования в Российской Федерации характеризуется выраженным акцентом на стимулирование инновационной активности университетов посредством инструментария федеральных проектов и программ: в их числе «Приоритет 2030», ПИШ (пе-

редовые инженерные школы), ряд иных ФНТП (федеральных научно-технических программ). При этом инновациям в области медицины и смежных наук уделяется особое внимание.

Исторически в России сложилась система высшего медицинского образования преимущественно на базе самостоятельных отраслевых учреждений высшего образования. Такая ситуация обуславливает их конкуренцию с крупными универсальными и инженерно-техническими вузами за инновационные ресурсы, в том числе предоставляемыми централизованно на конкурсной основе. Поэтому важным вопросом выступает формирование в медицинских университетах инновационной инфраструктуры, которая сможет содействовать эффективному освоению привлекаемых средств независимо от их источников, дости-

жению высоких значений показателей инновационной деятельности.

Хотя проблематике формирования инновационной инфраструктуры университетов посвящено множество научных работ российских авторов [1–3 и др.] и зарубежных исследователей [4–6 и др.], практически отсутствуют за некоторым исключением [7; 8] публикации, посвященные специфике организации инновационной деятельности в отраслевом медицинском университете, тем более построению инновационных инфраструктур в них. Во многом это определено тем, что в большинстве стран самостоятельные медицинские университеты, представляющие собой крупные научно-исследовательские центры, мало распространены.

Целью исследования выступает формирование модели инновационной инфраструктуры медицинского университета, отвечающей глобальным вызовам и тенденциям развития высшего образования с учетом специфики государственного регулирования научной и инновационной деятельности университетов в Российской Федерации.

Задачи:

- ♦ провести анализ лучших практик организации инновационной инфраструктуры в российских медицинских университетах;
- ♦ рассмотреть влияние ключевых глобальных тенденций на управление инновационной деятельностью в ведущих мировых университетах по направлению медицины;
- ♦ сформировать базовую модель инновационной инфраструктуры медицинского университета.

Методы

Формирование инновационной инфраструктуры современного медицинского университета предполагает ориентацию на передовые модели функционирования университета, к которым относятся типы 3.0, или технологический (инновационный) университет, и 4.0, или биоцифровой университет [9]. Обе модели имеют выраженную ориентацию на инновационную компоненту деятельности, но в различных парадигмах общественного развития, соответствующих в первом случае – постиндустриальному обществу, а во втором – четвер-

той промышленной революции и тотальной цифровизации.

Хотя некоторые авторы [10] придерживаются позиции, согласно которой модель Университета 3.0 можно считать сформированной, в то время как модель Университета 4.0 пока прослеживается лишь «эскизно», применение метода наблюдения свидетельствует в пользу мнения о параллельном генезисе признаков обеих моделей в ведущих медицинских вузах.

Для учета в предлагаемой к обсуждению модели инновационной инфраструктуры медицинского университета важных и работоспособных компонентов обеих упомянутых выше моделей применен анализ лучших практик организации поддержки инновационной деятельности в ведущих российских и зарубежных медицинских университетах. Дополнительно исследованы перспективы развития медицинской науки и практики на основе техник форсайт и дорожного картирования, в том числе учтена консолидированная позиция врачебного сообщества по глобальным тенденциям развития системы здравоохранения до 2050 г., представленная в третьем отчете комиссии журнала Lancet, опубликованном в октябре 2024 г. [11].

Результаты

В рамках исследования эмпирической базой послужили практики и результаты управления инновационной деятельностью 15 ведущих медицинских университетов Российской Федерации – участников программы академического лидерства «Приоритет 2030» и топ-20 международных университетов – лидеров рейтинга QS по направлению «Медицина».

Медицинские университеты Российской Федерации, имеющие наиболее высокие значения по показателю внебюджетных доходов, связанных с выполнением НИР и ОКР, оказанием услуг на их основе, характеризуют некоторые общие черты. Среди них можно отметить:

- ♦ специализированные управляющие структурные подразделения, ответственные за работу с инновациями в университете, имеющие сложную структуру и высокий статус в административной иерархии;
- ♦ представленность структур, таргетированных на генерацию инноваций, например,

инжиниринговых центров, технопарков, кластеров, и обособленных от подразделений создания научного задела;

♦ использование проектного подхода к управлению инновациями, когда каждая разработка с потенциалом коммерциализации либо масштабируемая на рынке рассматривается как проект с необходимым ресурсным обеспечением, в том числе кадровой и финансовой поддержкой;

♦ большое количество специализированных сервисных подразделений, содействующих инновационному развитию университета.

В целом преобладающей точкой зрения на развитие университетского управления в России выступает констатация перехода с модели 2.0 на модель 3.0, что отмечается и в трудах авторов с постсоветского пространства [7]. Проверим эту гипотезу, сопоставив лучшие наработки российских медицинских университетов в организации ими инновационной инфраструктуры с характеристиками моделей Университета 3.0 и 4.0 (см. таблицу).

Можно отметить, что в большей степени лучшие практики вписываются в характеристики модели Университета 3.0, однако, несмотря на высокий уровень консерватизма си-

Лучшие практики российских медицинских университетов в организации инновационной инфраструктуры

№ п/п	Наименование	Краткое содержательное описание	Относимость к моделям Университета 3.0 и 4.0	Практикующие университеты (примеры)
1	Специализированная координирующая управляющая структура (подразделение)	Подразделение, координирующее деятельность инновационного сектора университета, со значительными полномочиями и ресурсным обеспечением	Университет 3.0	РосУниМед СамГМУ
2	Разветвленная сеть специализированных сервисных подразделений	В университете существует три и более специализированных сервисных подразделения: центры трансфера технологий, технопарки, бизнес-инкубаторы и пр., каждый из которых освобожден от общего руководства инновационным процессом	Университет 3.0	СамГМУ Первый МГМУ
3	Проектный подход к управлению инновационными продуктами	Каждая инновационная разработка со значимым коммерческим потенциалом рассматривается как проект и управляется на принципах проектного подхода	Университет 3.0	РосУниМед СамГМУ
4	МИП и /или производственные подразделения	При университете работает несколько МИП, осуществляющих производство и реализацию товаров и услуг, либо есть производственные площадки, контролируемые университетом	Университет 3.0	СамГМУ СибГМУ
5	Междисциплинарные кластеры	Высокотехнологические и наукоемкие кластеры, включающие внешних акторов	Университет 3.0 Университет 4.0	СамГМУ Первый МГМУ
6	Высокий уровень цифровизации сервисов и создание медицинских продуктов с применением цифровых технологий	Развитый сектор IT-медицины, позволяющий создавать конкурентоспособные биоцифровые продукты	Университет 3.0 Университет 4.0	СамГМУ Первый МГМУ
7	Система акселерации стартапов, в том числе студенческих	Наличие акселерационной программы, направленной на создание инновационных продуктов с участием внешних заказчиков и партнеров	Университет 3.0 Университет 4.0	Кубанский ГМУ

стемы медицинского образования, проявляют себя и отдельные параметры биоцифрового университета. Этот процесс объективно обусловлен повышенным вниманием к когнитивным возможностям человека, в том числе в рамках удаленного и группового взаимодействия как особенности построения Университета 4.0. Медицинские же вузы имеют наилучший потенциал для развития когнитивных технологий ввиду отраслевой специфики.

Также важна цифровая составляющая модели, и здесь ведущие российские медицинские вузы прикладывают большие усилия к формированию цифровой экосистемы, позволяющей интегрировать биологические и информационные технологии как для создания инновационных продуктов, так и для повышения качества сопровождающих инновационную деятельность процессов.

Анализ лучших зарубежных практик формирует дополнительные параметры модели, отвечающие на вызовы четвертой промышленной революции.

Так, в медицинской школе Гарварда (1-е место QS по направлению) инновационная деятельность базируется на большом количестве (более 100) работающих в коллаборации с бизнесом и государственными структурами лабораторий, ориентированных на определенный фокусный тип исследований. В качестве примера можно указать лабораторию по исследованию женского здоровья Apple, созданную по проблематике менструальных циклов и гинекологических состояний, в том числе под влиянием глобальных факторов внешней среды, в которую входят Apple, а также Национальный институт наук о здоровье и окружающей среде в Северной Каролине – один из 27 институтов и центров в составе Национального института здравоохранения США, подведомственного Министерству здравоохранения и социальных служб США.

Лаборатория работает как биоцифровая платформа (что является признаком Университета 4.0), вовлекающая в себя усилия исследователей со всего мира, а также взаимодействующая с большим количеством добровольцев, которые передают свои обезличенные медицинские данные ученым посредством iPhone и/или Apple Watch.

Также ориентация медицинской школы Гарварда на взаимодействие исследователей без границ выражается в применении инструмента глобальных хакатонов, по итогам которых формируются программы венчурной инкубации.

В целом к подходу в организации и поддержке инновационной деятельности, реализованному в Гарварде, в большей степени приблизился Российский университет медицины, делающий ставку на работу по конкретным проектам с рыночным потенциалом.

Медицинский дивизион Оксфорда – второй по рейтингу QS – предлагает исследователям и инноваторам услуги ряда специализированных сервисов, преимущественно относящихся к компонентам модели Университета 4.0, в том числе компьютерный центр ARC, производящий высокоскоростные вычисления; офис делового партнерства, выстраивающий стратегические исследовательские альянсы между промышленностью и академическими кругами; Oxford Science Enterprises – экосистема науки и бизнеса, инвестирующая в университетские спин-ауты (значительный объем стартапов относится к MedTech).

Наиболее высоко стоящий в рейтинге QS профильный медицинский вуз – шведский Каролинский университет в целях развития инновационной деятельности сформировал единую интегрированную среду для исследователей – ANA Futura, в рамках которой взаимодействуют специалисты разных профилей. Другим инструментом в поддержку междисциплинарных исследований в университете стал Neo – центр биомедицинских технологий, объединяющий фундаментальные и клинические исследования в целях формирования творческой и открытой среды для ученых и инноваторов. При этом в Каролинском университете активно функционируют и элементы инновационной инфраструктуры, которые можно отнести к компонентам модели 3.0, например бизнес-инкубатор KI Innovations.

Отдельно хочется отметить создание Каролинским университетом в коллаборации с тремя другими ведущими шведскими вузами Scilifelab – формы академического сотрудничества между шведскими университетами и национальной исследовательской инфраструктурой.

турой с фокусом на науку о жизни. Scilifelab повышает эффективность прикладной исследовательской деятельности и конкурентоспособность всех участников партнерства, так как позволяет интегрировать компетенции в рамках продуктов и технологий, предлагаемых рынку. Для российских медицинских университетов такая форма взаимодействия с универсальными и техническими вузами могла бы стать дополнительным и весьма важным фактором улучшения качества разработок.

При формировании модели инновационной инфраструктуры медицинского университета считаем важным учитывать как глобальные тенденции и вызовы, так и применять луч-

шие практики зарубежных и российских медицинских университетов. На ее содержание влияют целевые установки государственного регулирования науки и высшего образования и актуальные запросы бизнес-сообщества как основного потребителя инновационных решений, в том числе в партнерских форматах.

Схематично модель инновационной инфраструктуры современного медицинского университета, отвечающая обозначенным выше требованиям, представлена на рисунке.

Основу инновационной инфраструктуры медицинского университета формируют три блока.

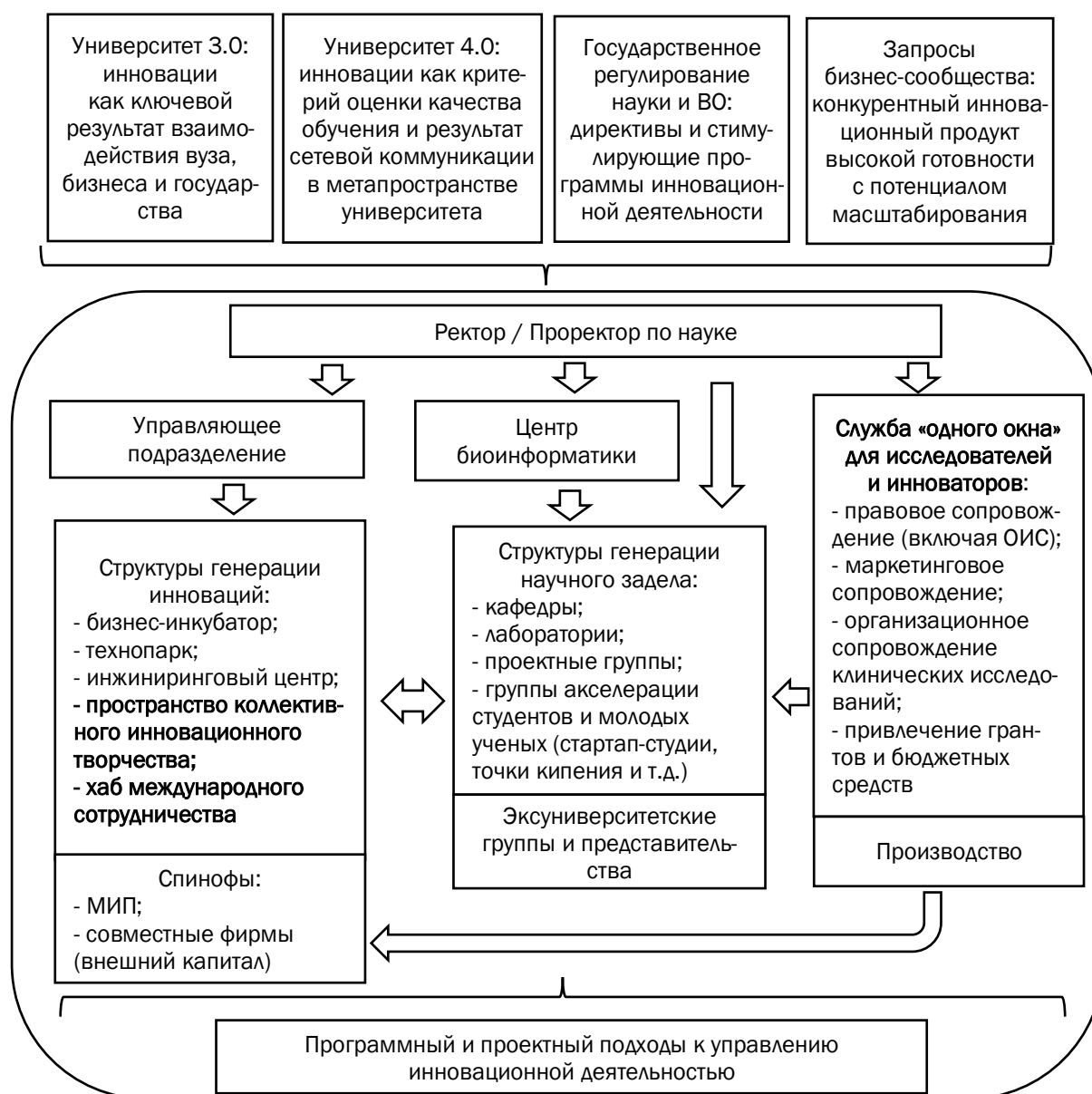

Рис. Базовая модель инновационной инфраструктуры медицинского университета

Первый, и ключевой из них, возглавляет координирующее и реализующее инновационную политику управляющее подразделение с прямым подчинением руководителю университета или его профильному заместителю. Эффективная работа данного подразделения потребует наличия развернутой системы структур генерации инноваций, примеры которых показаны на рисунке. При этом жирным шрифтом обозначены относимые к модели Университета 4.0 подразделения, которые пока еще не представлены в практике функционирования ведущих российских медицинских вузов.

Второй блок – структуры генерации научного задела, они должны быть дополнены проектными группами с активным вовлечением бизнес-структур, а также группами акселерации, которые в настоящее время если и представлены в медицинских университетах, то функционируют довольно ограниченно и не представляют важного ресурса для последующей генерации рыночных инноваций.

В рамках третьего блока предлагается реализовать новаторскую для отечественных медицинских вузов идею формирования службы «одного окна» для исследователей и инноваторов, которая позволит снизить административную нагрузку на научные коллективы и группы инноваторов, аккумулируя все необходимые внутренние сервисные функции.

Центр биоинформатики вынесен как самостоятельная структурная единица в прямое подчинение ректору или проректору, принимая во внимание его сложность и многофункциональность. Необходимо отметить, что в последние годы многие российские медвузы создали данные структуры и постепенно происходит их развитие, в том числе в аспекте материально-технической базы, позволяющей решать задачи поддержки создания конкурентоспособных инновационных продуктов.

Базовым подходом к функционированию инновационной инфраструктуры медицинского университета должен стать проектный, когда каждая разработка с потенциалом успешной коммерциализации выделяется в отдельный проект с необходимым сопровождением. В отечественной и зарубежной науке и практике накоплен значительный объем успешных кейсов применения как программ-

ного и проектного подходов к управлению инновационной деятельностью в целом, так и использования конкретных инструментов и методик, преимущественно заимствованных из бизнес-среды [12].

Обсуждение

Медицинское высшее образование во всем мире считается более консервативным в сравнении с гуманитарным и даже инженерно-техническим. Однако современный этап общественного развития характеризуется выраженным запросом на активизацию инновационной деятельности именно в области медицинских наук и наук о человеке как ответа на нарастающие глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

Ведущие медицинские университеты обладают высоким потенциалом создания востребованных и коммерчески успешных продуктов и технологий, однако для его реализации необходимо формирование соответствующей среды, практическим воплощением которой выступает инновационная инфраструктура.

Как следствие, возникает потребность в создании управленческих моделей, которые могут быть целиком или в основной своей части применены в медицинских университетах для формирования эффективной инновационной инфраструктуры, отвечающей запросам общества и содействующей реализации государственной политики. Считаем важным продолжать работу в данном направлении, развивая теоретические основы организации инновационной инфраструктуры в медицинских университетах.

Заключение

В разработанной авторами модели инновационной инфраструктуры медицинского университета учтены текущие факторы внешней среды, а также перспективные тенденции развития медицинской науки и практики, отраженные в отечественных и зарубежных исследованиях и документах.

Модель представляется устойчивой в среднесрочной перспективе (до 2050 г.), но при этом является открытой к адаптации в условиях высокого динамизма внешней среды.

В настоящее время не более 5 ведущих медицинских вузов России приближены к ней в организации инновационной деятельности, в то время как в остальных, в том числе участниках программы академического лидерства «Приоритет 2030», инновационная инфраструктура носит вырожденный характер, и практически отсутствуют структурные подразделения и управленческие технологии, спо-

собствующие системной генерации инноваций. В данной связи предлагаем всем медицинским университетам, ориентированным на развитие инновационного сектора, а также преследующим цели перехода на модели Университета 3.0 и Университета 4.0, рассмотреть возможность применения изложенной в статье модели в практике своей деятельности.

Список источников

1. Белокрылова О.С., Погосян Н.В. Инновационная инфраструктура университета : монография. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2021. 162 с.
2. Екшикеев Т.К., Обухова И.А., Айжуткина Ж.А. Формирование инновационной сетевой инфраструктуры университета // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 45–50.
3. Миролюбова Т.В., Соломатова Л.О. Методические подходы к анализу факторов, влияющих на развитие инновационной системы университета // Фундаментальные исследования. Экономические науки. 2012. № 11. С. 1004–1011.
4. AlQhtani F.M. Knowledge Management for Research Innovation in Universities for Sustainable Development: A Qualitative Approach // Sustainability. 2025. No. 17 (6). P. 2481.
5. Arboleda G., Plazas A. Innovation Management in University Research Groups // Journal of technology management & innovation. 2024. No. 19 (2). Pp. 16–27.
6. Yang Q. Distributed Leadership, Collaborative Management Strategies and Innovation in Chinese Universities // Asia Pacific Journal of Management and Sustainable Development. 2024. No. 2 (3). Pp. 96–108.
7. Койков В.В. Стратегия трансформации медицинского вуза в исследовательский университет // Journal of Health Development. 2021. № 4 (44). С. 24–41.
8. Khayatan M., Mousavi S.A. The Role of Medical Sciences Universities in Innovation Ecosystem and Knowledge Based-Economy // Quarterly Journal of Management Strategies in Health System. 2023. No. 8 (1).
9. Неборский Е.В. Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0 // Мир науки. 2017. Т. 5, № 4. С. 1–11.
10. Ефимов В.С., Лаптев А.В. Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1. С. 16–29.
11. Глобальное здравоохранение 2050: путь к сокращению преждевременной смертности вдвое к середине века. URL: <https://globalhealth2050.org/files/2024/10/Lancet2050.pdf> (дата обращения: 25.05.2025).
12. Miralbes R. Adaptation of the SCRUM methodology to management of university innovation projects in industry 4.0 // Dyna Management. 2022. No. 10 (1). P. 12.

References

1. Belokrylova O.S., Pogosyan N.V. Innovative infrastructure of the University : monograph. Rostov-on-Don : Publishing House of the Southern Federal University, 2021. 162 p.
2. Yekshikeev T.K., Obukhova I.A., Aizhutkina Zh.A. Formation of innovative network infrastructure of the university // Business. Education. Right. 2022. No. 4 (61). Pp. 45–50.
3. Miroyubova T.V., Solomatova L.O. Methodological approaches to the analysis of factors influencing the development of the University's innovation system // Fundamental Research. Economic sciences. 2012. No. 11. Pp. 1004–1011.
4. AlQhtani F.M. Knowledge Management for Research Innovation in Universities for Sustainable Development: A Qualitative Approach // Sustainability. 2025. No. 17 (6). P. 2481.
5. Arboleda G., Plazas A. Innovation Management in University Research Groups // Journal of technology management & innovation. 2024. No. 19 (2). Pp. 16–27.
6. Yang Q. Distributed Leadership, Collaborative Management Strategies and Innovation in Chinese Universities // Asia Pacific Journal of Management and Sustainable Development. 2024. No. 2 (3). Pp. 96–108.

7. Koikov V.V. Strategy of transformation of a medical university into a research university // Journal of Health Development. 2021. No. 4 (44). Pp. 24–41.
8. Khayatan M., Mousavi S.A. The Role of Medical Sciences Universities in Innovation Ecosystem and Knowledge Based-Economy // Quarterly Journal of Management Strategies in Health System. 2023. No. 8 (1).
9. Neborsky E.V. Reconstructing the University model: transition to the 4.0 format // The world of Science. 2017. Vol. 5, No. 4. Pp. 1–11.
10. Efimov V.S., Laptev A.V. University 4.0: philosophical and methodological analysis // University management: practice and analysis. 2017. Vol. 21, No. 1. Pp. 16–29.
11. Global Health 2050: the path to halving premature mortality by the middle of the century. URL: <https://globalhealth2050.org/files/2024/10/Lancet2050.pdf> (date of access: 25.05.2025).
12. Miralbes R. Adaptation of the SCRUM methodology to management of university innovation projects in industry 4.0 // Dyna Management. 2022. No. 10 (1). P. 12.

Информация об авторах

К.Б. Герасимов – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;
 А.А. Колсанов – ассистент кафедры экономики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Information about the authors

K.B. Gerasimov – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics of the Samara National Research University;
 A.A. Kolsanov – assistant of the Department of Economics of the Samara National Research University.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025; одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 25.05.2025; approved after reviewing 05.06.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Научная статья
УДК 330.34:630

Анализ инновационных проектов предприятий лесной промышленности Российской Федерации

Павел Павлович Кравченко¹, Елена Сергеевна Гаврилюк²

^{1,2} Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

¹ ppkravchenko@itmo.ru

² gavrilyukes@gmail.com

Аннотация. В работе проанализированы инновационные проекты на предприятиях лесной промышленности Российской Федерации. Обоснована выборка респондентов опроса. Проведен опрос 30 экспертов, связанных с лесопромышленной отраслью. Выделены 10 ключевых типов проектов предприятий лесной промышленности. На основании опроса проекты предприятий лесопромышленного комплекса были оценены по трем параметрам: частота реализации проекта, уровень технологической сложности проекта, а также уровень финансовых затрат на реализацию проекта. Проведен сравнительный анализ частоты реализации инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации. Проведен двухфакторный анализ инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации. Сформирована карта инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации с 4 областями в зависимости от сложности: простые проекты, сложные по организации проекты, технически сложные проекты, комплексно сложные проекты. Сделан вывод о том, что большинство проектов в лесной промышленности являются комплексно сложными.

Ключевые слова: инновационный проект, инновации, инновационная деятельность, лесная промышленность, лесопромышленный комплекс, лесотехнический комплекс

Основные положения:

- ♦ в лесной промышленности Российской Федерации выделяется 10 основных типов инновационных проектов;
- ♦ наиболее часто в лесопромышленном комплексе Российской Федерации встречаются проекты, связанные с автоматизацией, роботизацией и сбором данных. С наименьшей частотой встречаются маркетинговые проекты и проекты в области новых материалов и продукции;
- ♦ проекты в области обучения и повышения квалификации сотрудников, а также проекты в области маркетинга обладают как наименьшим уровнем технологической сложности, так и низким уровнем финансовых затрат на лесопромышленных предприятиях Российской Федерации. Наиболее затратными с финансовой точки зрения являются проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки, но они не обладают таким же высоким уровнем технологической сложности, как проекты в области автоматизации, роботизации и сбора данных;
- ♦ большинство проектов в лесной промышленности Российской Федерации являются комплексно сложными.

Для цитирования: Кравченко П.П., Гаврилюк Е.С. Анализ инновационных проектов предприятий лесной промышленности Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 40–55.

Analysis of innovative projects of enterprises of the forestry industry of the Russian Federation

Pavel P. Kravchenko¹, Elena S. Gavrilyuk²

^{1,2} ITMO University, St. Petersburg, Russia

¹ ppkravchenko@itmo.ru

² gavrilyukes@gmail.com

Abstract. The work investigates innovative projects at enterprises of the forest industry of the Russian Federation. The sample of respondents to the survey is substantiated. A survey of 30 experts related to the forestry industry was conducted. Ten key types of forestry enterprise projects were identified. Based on the survey, forestry enterprise projects were assessed according to three parameters: project implementation frequency, project technological complexity, and project implementation cost. A comparative analysis of the frequency of innovative project implementation at forestry enterprises in the Russian Federation was conducted. A two-factor analysis of innovative projects at forestry enterprises in the Russian Federation was conducted. A map of innovative projects at forestry enterprises in the Russian Federation was created, divided into four areas based on complexity: simple projects, organizationally complex projects, technically complex projects, and complex projects. It is concluded that most projects in the forestry industry are complex.

Keywords: innovative project, innovation, innovative activity, forestry industry, forestry complex, forestry complex

Highlights:

- ◆ there are 10 main types of innovation projects in the forestry industry of the Russian Federation;
- ◆ the most common projects in the forestry complex of the Russian Federation are those related to automation, robotics, and data collection. Marketing projects and projects related to new materials and products are the least common;
- ◆ projects related to employee training and professional development, as well as marketing projects, have both the lowest level of technological complexity and low financial costs at forestry enterprises in the Russian Federation. Projects related to logging machinery and equipment are the most costly, but they do not have the same high level of technological complexity as projects related to automation, robotics, and data collection;
- ◆ most projects in the forestry industry of the Russian Federation are complex in nature.

For citation: Kravchenko P.P., Gavrilyuk E.S. Analysis of innovative projects of enterprises of the forestry industry of the Russian Federation // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 40–55. (In Russ.).

Введение

Лесная промышленность является одной из ключевых отраслей мировой экономики, обеспечивая сырьем множество секторов, включая строительство, энергетику, целлюлозно-бумажную промышленность и биохимию. В последние десятилетия отрасль столкнулась с вызовами, связанными с изменением климата, истощением ресурсов и необходимостью повышения экологической устойчивости.

Это стимулировало развитие инновационных проектов, направленных на повышение эффективности, снижение экологического воздействия и создание новых продуктов на основе древесины. За последние 10 лет исследования в лесопромышленной отрасли стали более востребованы. Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) как в области целлюлозно-бумажной промышленности (рис. 1), так и в об-

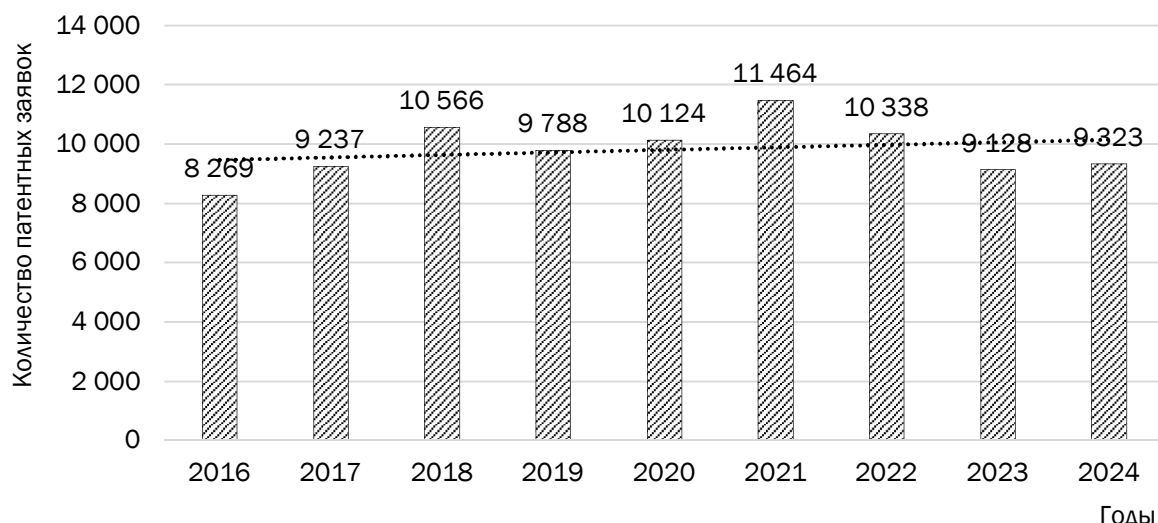

Рис. 1. Патентная активность в целлюлозно-бумажной промышленности (Код МПК – IC:D21 (производство бумаги; производство целлюлозы)), ед.*

* Составлено по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/advancedSearch.jsf> (дата обращения: 03.02.2025).

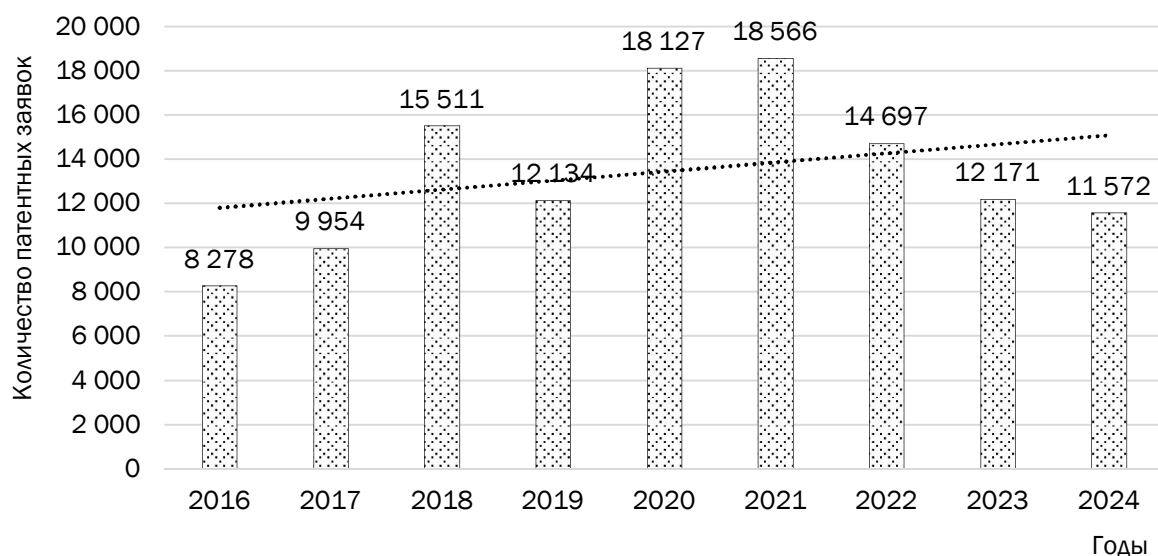

Рис. 2. Патентная активность в деревообрабатывающей промышленности (Код МПК – IC:B27 (обработка и консервирование древесины и подобных материалов)), ед.*

* Составлено по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/advancedSearch.jsf> (дата обращения: 03.02.2025).

ласти деревообрабатывающей промышленности (рис. 2) наблюдается положительная динамика роста патентной активности [1].

Кроме этого, анализ публикационной активности наукометрической базы ScienceDirect [2] показывает, что в период с 2014 по 2024 г. наблюдается стремительный рост публикационной активности на тематику инновационной проектной деятельности в лесной про-

мышленности. Так, число публикаций в год по запросу «Innovative project in forestry» («инновационный проект в лесной промышленности») выросло в 2024 г. по сравнению с 2014 г. более чем в 7 раз – с 453 до 3400 публикаций за год (рис. 3).

Для лесной промышленности Российской Федерации за последние 10 лет основным вызовом стала неустойчивая геополитическая

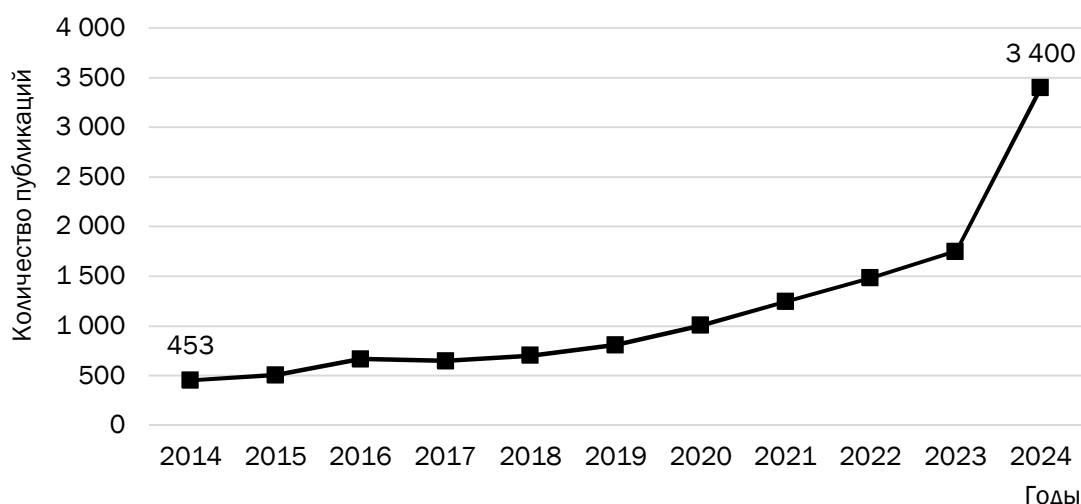

Рис. 3. Динамика количества публикаций в наукометрической базе ScienceDirect с ключевыми словами «Innovative project in forestry» («инновационный проект в лесной промышленности») за 2014–2024 гг., ед.*

* Составлено по данным наукометрической базы ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=innovative%20project%20in%20forestry> (дата обращения: 03.02.2025).

обстановка, выраженная в первую очередь санкционным давлением со стороны стран коллективного Запада. В результате санкционного воздействия отрасли пришлось проводить переориентацию рынков сбыта произведенной продукции и переориентацию импорта инновационных решений для совершенствования технологии производства. Помимо поиска новых рынков технологических решений предприятия стали предпринимать активный поиск таких решений на внутреннем рынке, организуя собственные научные исследования и разработки или привлекая партнеров в лице университетов и научно-исследовательских центров, тем самым формируя технологический суверенитет отрасли.

Однако стоит отметить, что доля предприятий лесной промышленности, активно внедряющих инновации, за весь период наблюдений находится на относительно низком уровне по сравнению с другими отраслями промышленности. Несмотря на это, согласно данным, представленным на рис. 4, лесопромышленная отрасль улучшила свое положение: в 2023 г. доля компаний, внедряющих инновации, повысилась до 14% по сравнению с 12,4% в 2022 г. [3].

Таким образом, инновационные проекты в лесопромышленном комплексе становятся более востребованными, однако реализуются

в меньшей степени в сравнении с другими отраслями промышленности Российской Федерации. По мнению авторов, как у научного сообщества, так и у малых и средних предприятий лесопромышленной отрасли Российской Федерации возникает необходимость более четкого представления о типах реализуемых проектов, уровне их финансовых затрат, уровне их технологической сложности, а также частоте их реализации на предприятиях лесной промышленности.

Инновационные проекты в лесной промышленности рассматривали в своих работах такие российские авторы, как Т.С. Королева, О.А. Полянская, Ю.В. Кузминых, Е.Н. Попова, Л.И. Проняева, А.В. Павлова, О.А. Федотенкова, М.В. Макаров, М.Ж. Дабаева.

Согласно исследованию Т.С. Королевой [4], маркетинговые инновации занимают наименьшую долю в реализуемых проектах, а технологические инновационные решения являются наиболее актуальными и внедряемыми на практике в рамках инновационных проектов отрасли. О.А. Полянская [5] делает вывод о том, что наибольшее число инвестиций осваивается в области технологической обработки лесоматериалов, в первую очередь в проектах целлюлозно-бумажного производства. Ю.В. Кузминых и Е.Н. Попова в своей работе [6] отмечают, что реализация инноваци-

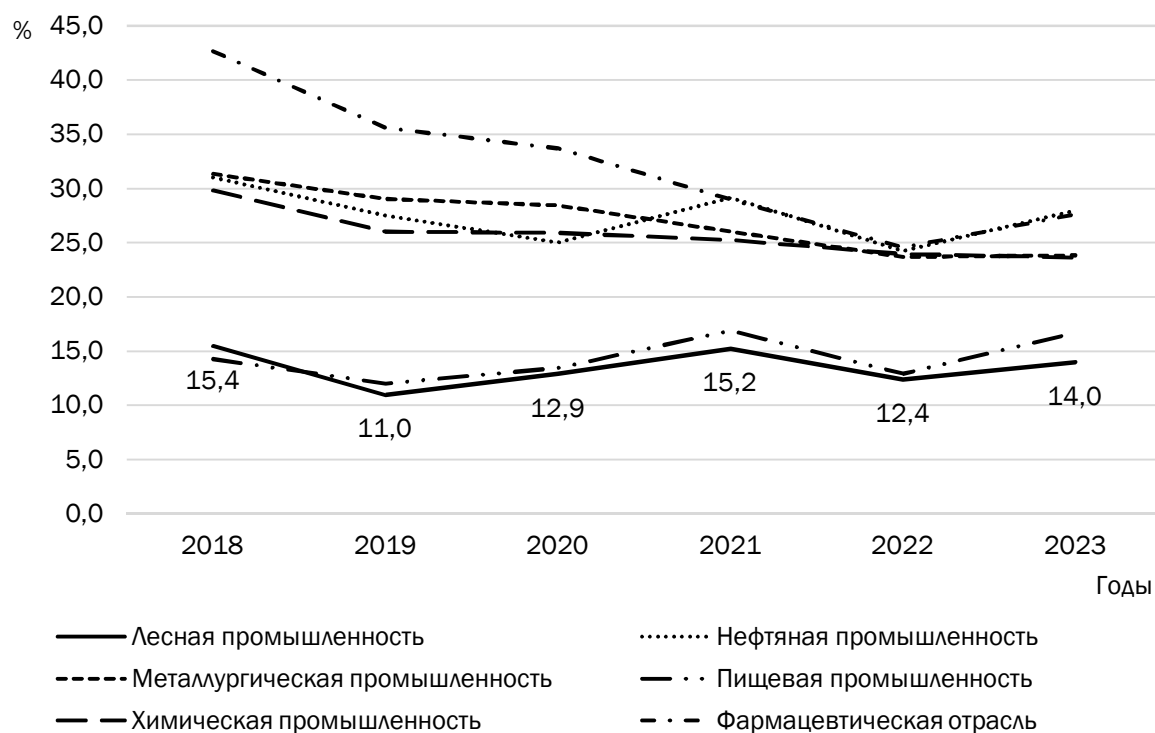

Рис. 4. Динамика уровня инновационной активности предприятий отраслей промышленности Российской Федерации за период 2018–2023 гг.*

* Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 04.02.2025).

онных проектов в области энергетики и энергосбережения, а также проектов освоения новой продукции позволяет повысить рентабельность предприятий лесопромышленной отрасли. Л.И. Проняева и др. [7] сходятся на том, что лесопромышленной отрасли необходимо реализовывать проекты, связанные с диверсификацией и разработкой новой продукции. М.В. Макаров и М.Ж. Дабаева [8] проводят анализ реализации предприятием АО «Группа "Илим"» инновационного проекта, относящегося к инновационным проектам в области машин и оборудования для лесозаготовки, и делают вывод о том, что ввод инновационной техники на производстве позволил предприятию оптимизировать процесс переработки древесных отходов.

Следует отметить, что российские авторы не дают конкретики касательно таких параметров, как уровень технологической сложности и уровень финансовых затрат на реализацию инновационных проектов в отрасли, в том числе отсутствует расширенная аналитика относительно типов инновационных проектов и

частоты их реализации в лесной промышленности на практике.

Если обратиться к зарубежным публикациям о практике реализации инновационных проектов в лесной промышленности, то можно отметить работы таких зарубежных авторов, как А. Уайз, Х. Паркер, С. А. Али, А. Таллу, Д. Ло Приоре, Г.А. Вивальди, С. Кампозео, И.Н. Вогиатзакис, Д. Санези, Й. Айсинг, К. Сандстрем, У. Лидберг, Ф. Базиле, Л. Пилотти, М. Уголини, Д. Лозза, Д. Манзолини, Р.Г. Сильва, К. Пиментел, Р. Гомеш, А.Л. Рамос, Ж. Матиас.

Коллеги из Университета Кейптауна А. Уайз и Х. Паркер [9] выделяют области биоматериалов и биоэнергии в качестве наиболее перспективных направлений реализации инновационных проектов в лесной промышленности, ввиду их актуальности в области устойчивого развития предприятий. Итальянские исследователи С.А. Али и др. [10] делают акцент на разработке новых продуктов на биологической основе и реализации связанных с ними инновационных проектов, поскольку новая продукция лесопромышленного ком-

плекса вносит свой вклад в развитие биоэкономики, которая представляет собой ответ Европейского союза на различные экологические, энергетические, продовольственные и климатические вызовы, снижая зависимость общества от ископаемого топлива. Шведские ученые Й. Айсинг и др. [11] заявляют о важности реализации инновационных проектов в области производственных процессов лесопромышленного комплекса: они выделяют машинное обучение как инструмент интеграции процессов на различных уровнях принятия решений предприятия. Итальянские исследователи Ф. Базиле и др. [12], а также португальские ученые Р.Г. Сильва др. [13] отмечают реализацию инновационных проектов в области логистики в лесной промышленности как ключевой элемент оптимизации цепочки поставок биотоплива на рынок стран Евросоюза.

В целом, зарубежные исследователи согласны в одном: у научного сообщества отсутствует понимание того, как отдельные предприятия реализуют инновационные проекты, связанные с внедрением технологических решений. Также проблемным видится отсутствие понимания типов проектов в отрасли и оценки их реализации на практике в связи с запросами как малого и среднего бизнеса, активно заинтересованных в реализации инновационных проектов, так и научного сообщества, проявляющего интерес к проведению научных исследований и разработок в рамках реализации совместных инновационных проектов с предприятиями лесопромышленного комплекса.

Таким образом, анализ российских и зарубежных работ показал, что существует пробел в области знаний, связанный с отсутствием ис-

следований относительно конкретизации проектов в лесной промышленности: определении их типов, оценки частоты реализации, оценки уровня финансовых затрат и оценки уровня технологической сложности, что совпадает с ранее высказанной позицией авторов данного исследования.

В рамках данной работы была поставлена следующая цель – проанализировать и выделить основные инновационные проекты в лесной промышленности Российской Федерации, провести экспертный опрос на основе выделенных типов проектов и разработать карту инновационных проектов отрасли с целью формирования более четкого представления об инновационных проектах и составляющих уровнях затрат, технологической сложности реализации и частоте реализации в лесопромышленном комплексе на практике как для научной среды, так и для бизнеса.

Научная новизна исследования заключается в следующем: определены типы инновационных проектов на предприятиях лесной промышленности Российской Федерации, выделены наиболее часто встречающиеся инновационные проекты в отрасли, определены наиболее комплексные инновационные проекты в отрасли, сформирована карта инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации.

Методы

В работе использованы следующие методы исследования: анализ научных работ российских и зарубежных авторов, анализ годовых отчетов российских и зарубежных предприятий лесной промышленности, анализ

Таблица 1

Обоснование выборки респондентов опроса

Критерий выборки	Обоснование критерия
Характеристика экспертов	Практики и теоретики в ЛПК Российской Федерации – исследователи, научные сотрудники, а также эксперты, имеющие опыт работы или взаимодействия с предприятиями лесной промышленности
Количество экспертов в выборке	30 человек
Тип выборки	Неслучайная квотная
Принцип отбора экспертов	Высокий уровень компетентности в ЛПК, наличие опыта в проектной деятельности предприятий ЛПК, приоритетно наличие ученой степени, наличие опыта взаимодействия с предприятиями ЛПК, рекомендации компетентных лиц

Таблица 2

Выборка экспертов

№ п/п	Аффилиация	Должность, ученое звание, ученая степень
1	АО «Группа "Илим"»	Директор по развитию цифровых технологий
2	Университет ИТМО, ПАО «Газпромнефть»	Старший аналитик программ развития, доцент, кандидат сельскохозяйственных наук
3	ПАО «Сегежа Групп»	Старший менеджер проектов
4	ПАО «Сегежа Групп»	Старший менеджер проектов
5	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, кандидат сельскохозяйственных наук
6	ООО «ЛесЛандшафтПроект»	Эксперт в области природопользования, кандидат биологических наук
7	ООО «КВС. УН»	Контролер управления экологической безопасности, кандидат биологических наук
8	Центр защиты леса Новгородской области	Руководитель отдела мониторинга лесовосстановления
9	Forest Street Co.	Генеральный директор
10	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, доктор технических наук
11	Научно-техническое общество целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, Арктический государственный агротехнологический университет	Заместитель председателя правления, доктор технических наук, профессор
12	Natural Resources Institute Finland (Luke), Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, кандидат биологических наук
13	Северо-Западный филиал Рослесинфорга	Начальник отдела ЕГАИС
14	Федеральное агентство лесного хозяйства	Начальник управления земельных отношений и лесоустройства
15	ФБУ ВНИИЛМ	Заведующий отделом экономики лесного хозяйства, доктор экономических наук
16	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, кандидат сельскохозяйственных наук
17	-	Ученый, писатель, эксперт по ГИС
18	Группа «Свежа»	Менеджер проекта «Цифровая Свежа»
19	Ассоциация по сертификации «Русский Регистр»	Начальник департамента лесной сертификации, ведущий аудитор по сертификации цепочки поставок, лесоуправления и контролируемой древесины (FSC CoC/CW, FM), кандидат биологических наук
20	Ассоциация «Лестех»	Руководитель, доктор технических наук
21	ПАО «Сегежа Групп»	Директор по устойчивому развитию
22	Сибирский федеральный университет	Доцент, доктор технических наук
23	Министерство природных ресурсов и лесопромышленного комплекса	Начальник отдела использования лесов и договорных отношений
24	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Профессор, доктор технических наук
25	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, кандидат экономических наук
26	Лесотехнический университет имени С.М. Кирова	Доцент, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, учета и анализа хозяйственной деятельности СПбГЛТУ
27	Ассоциация «Лестех»	Координатор Ресурсного центра, кандидат технических наук
28	ООО «ЕнисейПромАвтоматика»	Генеральный директор
29	«Опти-Софт»	Директор, кандидат технических наук
30	ПАО «Сегежа Групп»	Заместитель руководителя дивизиона «Деревообработка» по производству, кандидат технических наук

отчетов устойчивого развития российских и зарубежных предприятий лесной промышленности, анализ аналитических исследований российской ассоциации лесопромышленных предприятий «Лестех», патентный анализ данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), анализ публикационной активности наукометрической базы ScienceDirect, экспертный опрос, конструктор опросов «Yandex Forms».

В ходе исследования проведен экспертный опрос 30 респондентов, связанных с лесопромышленным комплексом. Порядок проведения экспертного опроса был следующим:

1. Обоснован принцип формирования выборки респондентов (табл. 1) – отражены критерии выборки, дано обоснование данных критериев.

2. Сформирован список экспертов (табл. 2) – представлены 30 экспертов, их аффилиация, а также должность, ученое звание и ученая степень – при наличии.

3. Приведены результаты экспертного опроса по 10 разделам, отражающим типы проектов в лесной промышленности, в каждом разделе – три вопроса: В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли; В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов; В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа. Оценка проводилась по 5-балльной шкале от 1 до 5, где 1 – минимальный уровень, 5 – максимальный уровень. Таким образом, для 10 типов инновационных проектов каждым респондентом было выставлено 30 оценок. На основе полученных данных для каждой оценки было рассчитано среднее значение. Экспертный опрос формировался при помощи конструктора опросов «Yandex Forms» [14] и проводился с 5 по 20 марта 2025 г.

Результаты

Лесная промышленность на фоне других отраслей, как известно, отличается неоднородной спецификой деятельности. Ввиду этого направления проектной деятельности на бизнес-единицах могут значительно отличаться друг от друга – например, для предприятий лесозаготовки и предприятий деревообработки в

большинстве случаев будут реализовываться отличные друг от друга проекты, то же самое в некоторой степени можно сказать и про целлюлозно-бумажные комбинаты и лесохимические предприятия. Однако, если рассматривать лесопромышленный комплекс в целом, то на основе исследования годовых отчетов, отчетов устойчивого развития предприятий российского и зарубежного лесопромышленного комплекса, а также анализа аналитических исследований российской ассоциации лесопромышленных предприятий «Лестех» представляется возможным выделить 10 основных типов инновационных проектов [15–25]:

1. Проекты в области энергетики и энергосбережения – проекты по внедрению возобновляемых источников энергии, биоэнергетики и технологий снижения энергопотребления на всех этапах производства (использование биотоплива, модернизация энергосистем).

2. Проекты в области водных ресурсов – проекты, направленные на эффективное использование, переработку и снижение потребления воды в технологических процессах лесопромышленного комплекса (системы водоочистки, повторное использование воды).

3. Проекты в области автоматизации, роботизации и сбора данных – проекты по внедрению систем автоматизации и роботизации производственных и бизнес-процессов, а также технологий сбора, обработки и анализа данных в реальном времени (цифровые двойники, дроны для мониторинга).

4. Проекты в области логистики – проекты по оптимизации транспортных и логистических цепочек для перевозки древесины и продукции, включая альтернативные решения для сложных условий (внедрение мультимодальной логистики, GPS-навигация для лесовозов).

5. Проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки – проекты по разработке, приобретению и внедрению современных лесозаготовительных комплексов и оборудования для подготовки сырья (харвестеры, форвардеры).

6. Проекты в области производственных процессов – проекты по технологическому совершенствованию процессов лесопиления, производства фанеры и других изделий,

Таблица 3

Результаты экспертного опроса

Вопросы	Средняя оценка на основе ответов 30 экспертов
Раздел 1. Проекты в области энергетики и энергосбережения	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	2,67
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,33
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,67
Раздел 2. Проекты в области водных ресурсов	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	2,67
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,33
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	4,00
Раздел 3. Проекты в области автоматизации, роботизации и сбора данных	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	4,17
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,67
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,83
Раздел 4. Проекты в области логистики	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,83
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,17
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,17
Раздел 5. Проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,83
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,00
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	4,17
Раздел 6. Проекты в области производственных процессов	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,50
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,33
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,67
Раздел 7. Проекты в области управления сырьевыми ресурсами	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,67
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,33
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,50
Раздел 8. Проекты в области новых материалов и продукции	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,17
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	3,50
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	3,50
Раздел 9. Проекты в области маркетинга	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	2,17
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	1,83
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	2,33
Раздел 10. Проекты в области обучения и повышения квалификации сотрудников	
В.1 Оцените, насколько часто данные типы проектов реализуются в отрасли	3,67
В.2 Оцените уровень технологической сложности данных проектов	2,00
В.3 Оцените уровень финансовых затрат на реализацию проектов данного типа	2,50

направленные на повышение качества продукции и снижение затрат (линии глубокой переработки древесины, высокоточные пилы).

7. Проекты в области управления сырьевыми ресурсами – проекты по улучшению процессов таксации, сортировки и оптимизации использования лесных ресурсов с применением современных технологий (геоинформационные системы, лазерное сканирование лесов).

8. Проекты в области новых материалов и продукции – проекты по разработке новых материалов, улучшению характеристик полуфабрикатов и готовой продукции, включая трудногорючесть, влагостойкость и другие свойства (древесно-полимерные композиты, биоупаковка).

9. Проекты в области маркетинга – проекты, направленные на позиционирование

продукции предприятий лесопромышленного комплекса.

10. Проекты в области обучения и повышения квалификации – проекты, направленные на развитие профессиональных компетенций сотрудников, включая обучение цифровым навыкам и современным технологиям ЛПК (курсы работы с GIS-системами, тренинги по эксплуатации оборудования).

Перейдем к результатам экспертного опроса на основе выделенных ранее типов проектов в лесной промышленности. В табл. 3 приведена средняя оценка на основе ответов 30 экспертов по 10 разделам, в каждом из которых 3 вопроса.

Обсуждение

На рис. 5 представлены результаты опроса, связанные с оценкой уровня частоты реализации проектов в отрасли, и приведена лепестковая диаграмма сравнительного анализа проектов.

Рисунок 5 показывает, что наиболее часто в лесопромышленном комплексе Российской

Федерации встречаются проекты, связанные с автоматизацией, роботизацией и сбором данных. В то же время с наименьшей частотой встречаются маркетинговые проекты и проекты в области новых материалов и продукции.

На рис. 6 представлены результаты опроса, связанные с оценкой проектов по двум факторам – уровень технологической сложности проекта и уровень финансовых затрат проекта, приведена лепестковая диаграмма сравнительного анализа проектов.

Согласно двухфакторному анализу, отраженному на рис. 6, можно сделать вывод о том, что проекты в области обучения и повышения квалификации сотрудников, а также проекты в области маркетинга обладают как наименьшим уровнем технологической сложности, так и низким уровнем финансовых затрат. При этом наиболее затратными с финансовой точки зрения являются проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки, но они не обладают таким же высоким уровнем технологической сложности, как проекты в

Рис. 5. Сравнительный анализ частоты реализации инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации

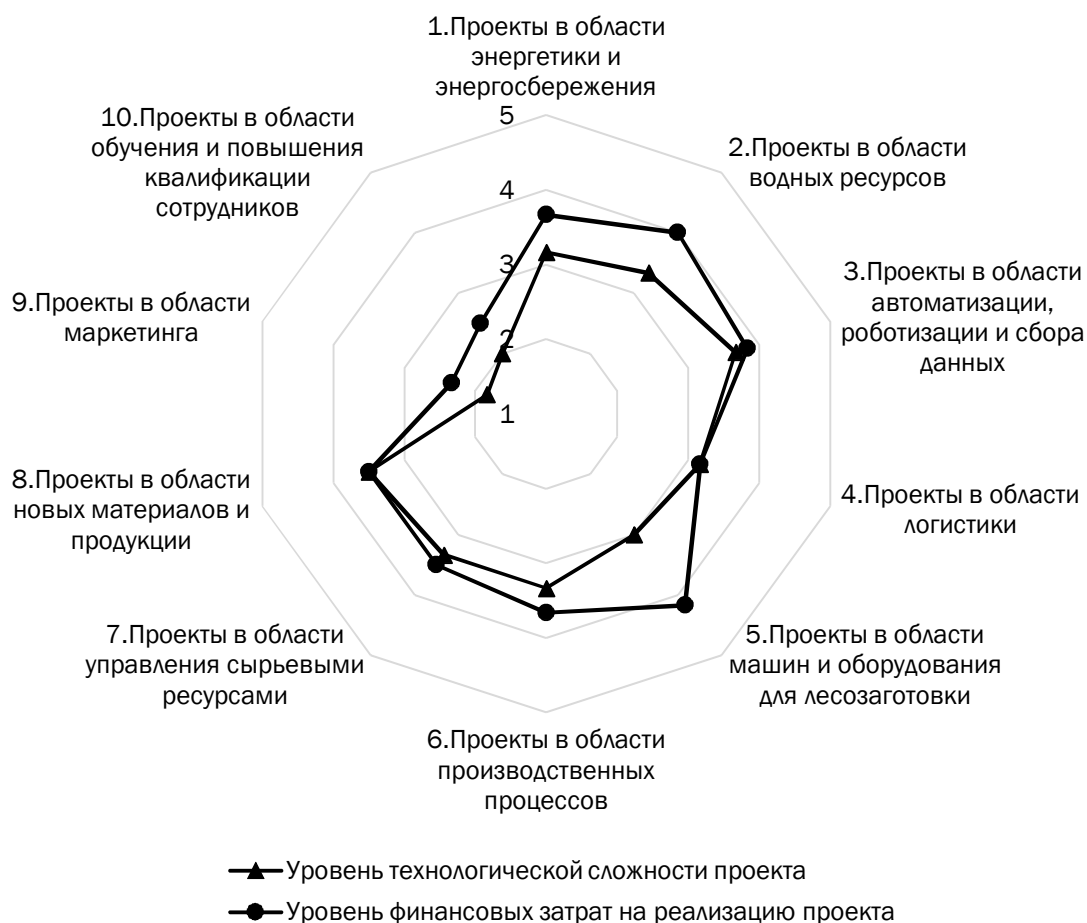

Рис. 6. Двухфакторный анализ инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации

Таблица 4

Типы инновационных проектов в лесной промышленности

Тип проекта	Масштаб (по объему инвестиций)	Срок реализации	Совокупность проектов (число реализуемых проектов)
Простые	Малые (до 50 млн руб.)	Краткосрочные (до 1 года)	Монопроектные (1 проект)
Сложные по организации	Средние (50–500 млн руб.)	Среднесрочные (1–3 года)	Монопроектные (1 проект)
Технически сложные	Средние (50–500 млн руб.)	Среднесрочные (1–3 года)	Мультипроектные/инвестиционная программа (2 и более проекта)
Комплексно сложные	Крупные (свыше 500 млн руб.)	Долгосрочные (3+ года)	Мультипроектные/инвестиционная программа (2 и более проекта)

области автоматизации, роботизации и сбора данных.

На основе рассмотренного ранее двухфакторного анализа составим карту инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации. Прин-

цип формирования карты следующий: ось X отражает уровень технологической сложности проекта, ось Y – уровень финансовых затрат на реализацию проекта. На карте отражены 4 области типов проектов – простые проекты, сложные по организации проекты, технически

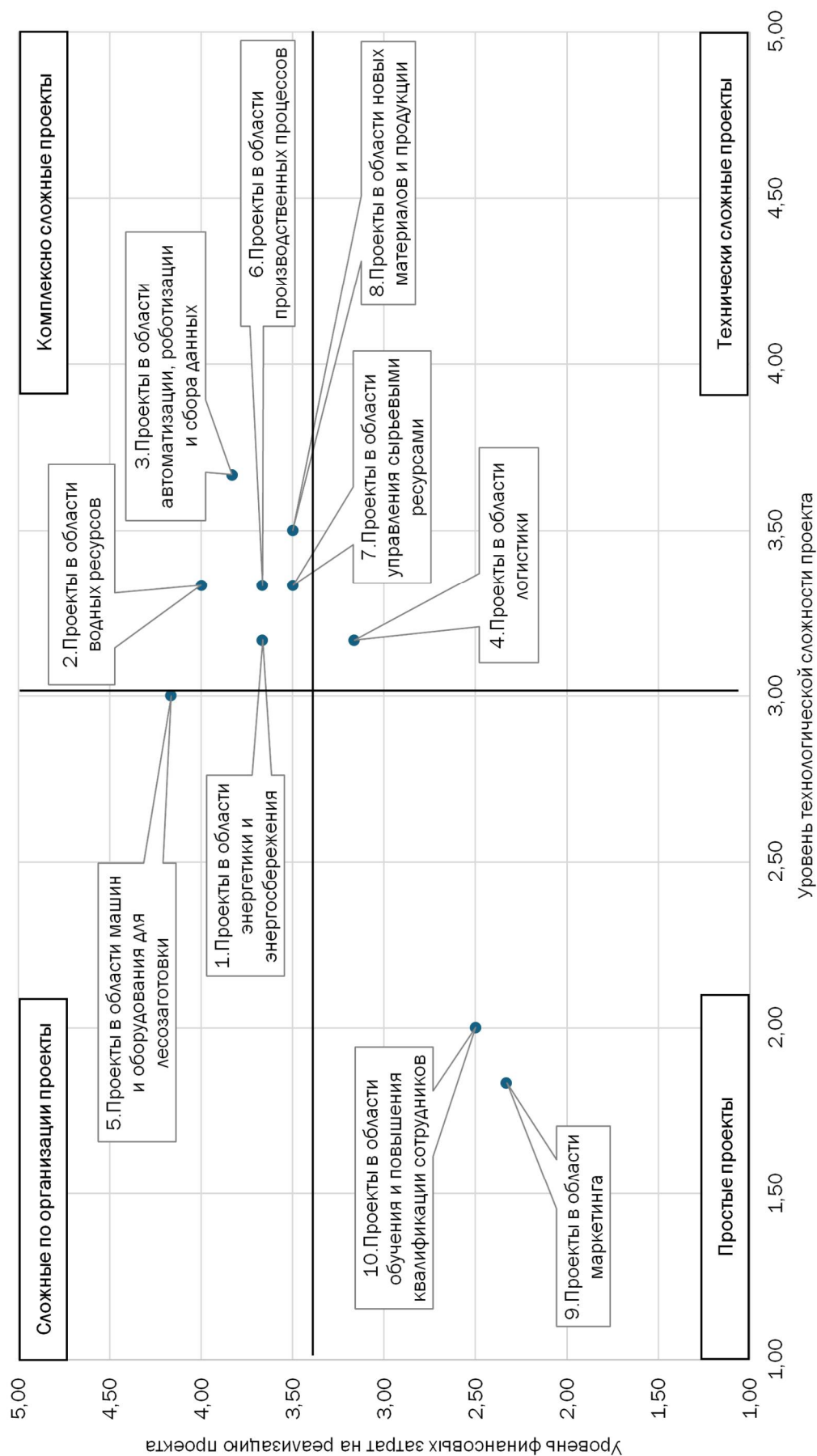

Рис. 7. Карта инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации

сложные проекты и комплексно сложные проекты. Подробное описание данных проектов представлено в табл. 4 [26].

Принцип формирования 4 областей следующий: рассчитаны средние для X (полученное значение – 3,03) и Y (полученное значение – 3,43), затем эти точки зафиксированы на осях, далее от них проведены две перпендикулярные данным осям прямые, которые и стали границей полученных областей. Полученная карта инновационных проектов предприятий лесопромышленного комплекса Российской Федерации представлена на рис. 7.

Согласно рис. 7, большинство проектов в лесной промышленности являются комплексно сложными, что подтверждает ранее сформулированную в работе гипотезу.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования лесной промышленности Российской Федерации можно сделать вывод о том, что наиболее часто в лесопромышленном комплексе встречаются инновационные проекты, связанные с автоматизацией, роботизацией и сбором данных. В то же время с наименьшей частотой встречаются маркетинговые проекты и проекты в области новых материалов и продукции. Проекты в области обу-

чения и повышения квалификации сотрудников, а также проекты в области маркетинга обладают как наименьшим уровнем технологической сложности, так и низким уровнем финансовых затрат. При этом наиболее затратными с финансовой точки зрения являются проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки, но они не обладают таким же высоким уровнем технологической сложности, как проекты в области автоматизации, роботизации и сбора данных.

Простыми проектами являются проекты в области маркетинга, а также проекты в области обучения и повышения квалификации сотрудников. Сложными по организации являются проекты в области машин и оборудования для лесозаготовки. Технически сложными – проекты в области логистики. Проекты в области управления сырьевыми ресурсами, проекты в области новых материалов и продукции, проекты в области энергетики и энергосбережения, проекты в области производственных процессов, проекты в области водных ресурсов, а также проекты в области автоматизации, роботизации и сбора данных предъявляют наибольшие требования к предприятиям лесной промышленности и представляют группу комплексно сложных проектов.

Список источников

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/advancedSearch.jsf> (дата обращения: 03.02.2025)
2. ScienceDirect. Innovative project in forestry. URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=innovative%20project%20in%20forestry> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Уровень инновационной активности организаций (с 2010 г.) / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Королева Т.С. Виды инновационных продуктов для реализации государственной политики в области лесного хозяйства и оценка их использования // Труды Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. 2022. № 2. С. 4–17.
5. Полянская О.А. Краудфандинг как способ финансирования инновационных проектов ЛПК в России // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2018. № 14. С. 18–22.
6. Кузминых Ю.В., Попова Е.Н. Риски реализации инновационных проектов в лесной промышленности Российской Федерации и способы их минимизации // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 113–117.
7. Проняева Л.И., Павлова А.В., Федотенкова О.А. Развитие лесного комплекса страны: тенденции и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16, № 10 (391). С. 1834–1856.
8. Макаров М.В., Дабаева М.Ж. Экономическая эффективность инновационного проекта в лесной отрасли // Молодежный вестник ИрГТУ. 2021. Т. 11, № 1. С. 156–161.

9. Wise A., Parker H. Innovation in global forestry: Evolution towards a diversified industry // Journal of Business Research. 2025. Vol. 189. doi:10.1016/j.jbusres.2024.115140.
10. A review on the role of living labs in advancing sustainable practices in rural areas: Insights from agriculture, forestry, and agroforestry systems / S.A.j Ali, A. Tallou, G. Lopriore [et al.] // Italian Journal of Agronomy. 2025. Vol. 20, Issue 2. doi:10.1016/j.ijagro.2025.100033.
11. Wising J., Sandström C., Lidberg W, Forest owners' perceptions of machine learning: Insights from swedish forestry // Environmental Science & Policy. 2024. Vol. 162. doi:10.1016/j.envsci.2024.103945.
12. Supply chain optimization and GHG emissions in biofuel production from forestry residues in Sweden // F. Basile, L. Pilotti, M. Ugolini [et al.] // Renewable Energy. 2022. Vol. 196. Pp. 405–421. doi:10.1016/j.renene.2022.06.095.
13. Sustainable Harvest/Collection Optimization of Residual Agro-Forestry Biomass including Wildfire Risk / R.G. Silva, C. Pimentel, R. Gomes [et al.] // Procedia Computer Science. 2025. Vol. 253. Pp. 3037–3048. doi:10.1016/j.procs.2025.02.028.
14. Конструктор опросов / Yandex Forms. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/> (дата обращения: 04.03.2025).
15. Ассоциация производителей машин и оборудования лесопромышленного комплекса / Ассоциация «Лестех». URL: <https://alestech.ru/?ysclid=m8osnnzigi713698508> (дата обращения: 25.02.2025).
16. Годовой отчет 2023 / ПАО «Сегежа Групп». URL: <https://segezha-group.com/investors/reports/annual-reports/> (дата обращения: 25.02.2025).
17. Годовой отчет за 2023 год / АО «Группа «Илим». URL: <https://www.ilimgroup.ru/aktsioneram/raskrytie-informatsii/godovji-otchet/> (дата обращения: 25.02.2025).
18. Устойчивое развитие / Архангельский ЦБК. URL: <https://www.appm.ru/press-center/reports/> (дата обращения: 26.02.2025).
19. Отчет за 2022 / Группа «Свежа». URL: <https://reports.svezagroup.ru/2023ru/> (дата обращения: 26.02.2025).
20. Отчет по устойчивому развитию за 2022/2023 гг. / ЭГГЕР. URL: <https://egger-russia.ru/about-us/environment-sustainability/sustainability-reports/> (дата обращения: 26.02.2025).
21. Sustainability report 2023 / Interfor. URL: <https://interfor.com/wp-content/uploads/2024/05/2023-Interfor-Sustainability-Summary-Report.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).
22. 2023 Sustainability Report / Conifex. URL: https://conifex.com/sustainability/#forest_management_condensed (дата обращения: 02.03.2025).
23. Sustainability / Weyerhaeuser. URL: <https://www.weyerhaeuser.com/sustainability/> (дата обращения: 02.03.2025).
24. Sustainability highlights / Boise Cascade. URL: <https://communications.bc.com/view/959975619/6/> (дата обращения: 03.03.2025).
25. Sustainability Report 2023 / West Fraser. URL: <https://www.westfraser.com/sustainability/sustainability-report> (дата обращения: 03.03.2025).
26. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSeOM0bgNpm5hSavTdIxID77KCTL.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

References

1. World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/advancedSearch.jsf> (date of access: 03.02.2025)
2. ScienceDirect. Innovative project in forestry. URL: <https://www.sciencedirect.com/search?q=innovative%20project%20in%20forestry> (date of access: 03.02.2025).
3. The level of innovation activity of organizations (since 2010) / Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (date of access: 04.02.2025).
4. Koroleva T.S. Types of innovative products for the implementation of state policy in the field of forestry and assessment of their use // Proceedings of the St. Petersburg Scientific Research Institute of Forestry. 2022. No. 2. Pp. 4–17.
5. Polyanskaya O.A. Crowdfunding as a way of financing innovative LPC projects in Russia // Current problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience. 2018. No. 14. Pp. 18–22.

6. Kuzminykh Yu.V., Popova E.N. The risks of implementing innovative projects in the forestry industry of the Russian Federation and ways to minimize them // Problems of modern economics. 2018. No. 1 (65). Pp. 113–117.
7. Pronyaeva L.I., Pavlova A.V., Fedotenkova O.A. Development of the country's forest complex: trends and prospects // National interests: priorities and security. 2020. Vol. 16, No. 10 (391). Pp. 1834–1856.
8. Makarov M.V., Dabaeva M.J. Economic efficiency of an innovative project in the forest industry // Youth Bulletin of IrSTU. 2021. Vol. 11, No. 1. Pp. 156–161.
9. Wise A., Parker H. Innovation in global forestry: Evolution towards a diversified industry // Journal of Business Research. 2025. Vol. 189. doi:10.1016/j.jbusres.2024.115140.
10. A review on the role of living labs in advancing sustainable practices in rural areas: Insights from agriculture, forestry, and agroforestry systems / S.A.J Ali, A. Tallou, G. Lopriore [et al.] // Italian Journal of Agronomy. 2025. Vol. 20, Issue 2. doi:10.1016/j.ijagro.2025.100033.
11. Wising J., Sandström C., Lidberg W. Forest owners' perceptions of machine learning: Insights from Swedish forestry // Environmental Science & Policy. 2024. Vol. 162. doi:10.1016/j.envsci.2024.103945.
12. Supply chain optimization and GHG emissions in biofuel production from forestry residues in Sweden // F. Basile, L. Pilotti, M. Ugolini [et al.] // Renewable Energy. 2022. Vol. 196. Pp. 405–421. doi:10.1016/j.renene.2022.06.095.
13. Sustainable Harvest/Collection Optimization of Residual Agro-Forestry Biomass including Wildfire Risk / R.G. Silva, C. Pimentel, R. Gomes [et al.] // Procedia Computer Science. 2025. Vol. 253. Pp. 3037–3048. doi:10.1016/j.procs.2025.02.028.
14. Survey Constructor / Yandex Forms. URL: <https://forms.yandex.ru/admin/> (date of access: 04.03.2025).
15. Association of manufacturers of machinery and equipment of the timber industry / Association "Le-steh". URL: <https://alestech.ru/?ysclid=m8osnnzigi713698508> (date of access: 25.02.2025).
16. Annual Report 2023 / PJSC Segezha Group. URL: <https://segezha-group.com/investors/reports/annual-reports/> (date of access: 25.02.2025).
17. Annual report for 2023 / JSC "Ilim Group". URL: <https://www.ilingroup.ru/aktsioneram/raskrytie-informatsii/godovji-otchet/> (date of access: 25.02.2025).
18. Sustainable development / Arkhangelsk Pulp and Paper Mill. URL: <https://www.appm.ru/press-center/reports/> (date of access: 26.02.2025).
19. Report for 2022 / Sveza Group. URL: <https://reports.svezagroup.ru/2023ru/> (date of access: 26.02.2025).
20. Sustainability Report for 2022/2023 / EGGER. URL: <https://egger-russia.ru/about-us/environment-sustainability/sustainability-reports/> (date of access: 26.02.2025).
21. Sustainability report 2023 / Interfor. URL: <https://interfor.com/wp-content/uploads/2024/05/2023-Interfor-Sustainability-Summary-Report.pdf> (date of access: 27.02.2025).
22. 2023 Sustainability Report / Conifex. URL: https://conifex.com/sustainability/#forest_management_condensed (date of access: 02.03.2025).
23. Sustainability / Weyerhaeuser. URL: <https://www.weyerhaeuser.com/sustainability/> (date of access: 02.03.2025).
24. Sustainability highlights / Boise Cascade. URL: <https://communications.bc.com/view/959975619/6/> (date of access: 03.03.2025).
25. Sustainability Report 2023 / West Fraser. URL: <https://www.westfraser.com/sustainability/sustainability-report> (date of access: 03.03.2025).
26. Strategy for the development of the forest complex of the Russian Federation until 2030. URL: <http://static.government.ru/media/files/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdlxID77KCTL.pdf> (date of access: 22.05.2025).

Информация об авторах

П.П. Кравченко – аспирант Университета ИТМО;

Е.С. Гаврилюк – кандидат экономических наук, доцент, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО.

Information about the authors

P.P. Kravchenko – postgraduate student at ITMO University;

E.S. Gavrilyuk – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Faculty of Technology Management and Innovation at ITMO University.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Научная статья
УДК 332.1:339.138

Модели территориального бренда: компаративный анализ

Надежда Юрьевна Лесных¹, Анастасия Андреевна Созинова², Ольга Васильевна Фокина³

^{1,2,3} Вятский государственный университет, Киров, Россия

¹ usr23575@vyatsu.ru

² aa_sozinova@vyatsu.ru

³ fokina@vyatsu.ru

Аннотация. Цель исследования – проанализировать теоретические работы в области моделей территориальных брендов, разработанные отечественными и зарубежными учеными, и на их основе предложить интегрированную модель регионального бренда. В ходе исследования проведен контент-анализ научной литературы, компаративный анализ существующих моделей территориального бренда, а также применен метод моделирования. В результате исследования разработана интегративная модель регионального бренда, отражающая сущностную основу бренда региона, а также элементы процесса формирования бренда и управления им. В представленной интегративной модели регионального бренда учтены ключевые особенности и недостатки более ранних моделей, а также влияние территориального бренда на социально-экономическое развитие региона. Исследование имеет перспективы для дальнейших изысканий, в том числе с точки зрения верификации интегрированной модели регионального бренда и ее практического применения.

Ключевые слова: территориальный бренд, бренд региона, геобренд, интегративная модель регионального бренда, модель территориального бренда, социально-экономическое развитие

Основные положения:

- ♦ проведен компаративный анализ моделей территориального бренда;
- ♦ разработана интегративная модель регионального бренда;
- ♦ проиллюстрирована взаимосвязь бренда региона с факторами его социально-экономического развития и внешними факторами.

Для цитирования: Лесных Н.Ю., Созинова А.А., Фокина О.В. Модели территориального бренда: компаративный анализ // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 56–70.

Territorial brand models: comparative analysis

Nadezhda Yu. Lesnykh¹, Anastasia A. Sozinova², Olga V. Fokina³

^{1,2,3} Vyatka State University, Kirov, Russia

¹ usr23575@vyatsu.ru

² aa_sozinova@vyatsu.ru

³ fokina@vyatsu.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze theoretical works on place brand models developed by domestic and international scholars and, based on these studies, propose an integrated model of the regional brand. This study included a content analysis of the scientific literature, a comparative analysis of existing place brand models, and a modeling method. As a result, an integrative model of the regional brand was developed that reflects the essential foundation of a region's brand, as well as elements of the brand formation and management process. This integrative model of the regional brand takes into account the key features and shortcomings of earlier models, as well as the influence of the place brand on the socioeconomic development of the region. This study holds promise for further research, including the verification of the integrated model of the regional brand and its practical application.

Keywords: territorial brand, regional brand, geobrand, integrative model of a regional brand, territorial brand model, socio-economic development

Highlights:

- ♦ a comparative analysis of territorial brand models was conducted;
- ♦ an integrative model of a regional brand was developed;
- ♦ the relationship between a regional brand and the factors of its socio-economic development and external factors was illustrated.

For citation: Lesnykh N.Yu., Sozinova A.A., Fokina O.V. Territorial brand models: comparative analysis // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 56–70. (In Russ.).

Введение

Исследование стратегического развития регионов является одним из ключевых направлений в современной российской науке. В последние годы все больше внимания уделяется изучению взаимосвязи между формированием территориального бренда и благополучием региона, в частности – использованию брендинга как инструмента для социально-экономического развития региона. При этом отечественные ученые указывают на хаотичность подходов к брендингу в России [1].

Ключевым тезисом представленного исследования выступает предположение о необходимости разработки интегративной модели регионального бренда, способной отразить сущностную структуру бренда, а также процесс формирования и управления брендом региона.

Основная цель исследования – разработать на основе общепризнанных моделей территориальных брендов интегрированную модель регионального бренда, учитывающую основные ключевые преимущества и фрагментарность более ранних моделей.

Для достижения поставленной задачи был сформирован перечень задач: провести обзор и контент-анализ отечественной и зарубежной научной литературы по тематике моделирования территориальных брендов, провести сравнительный анализ моделей территориального бренда, рассмотреть основные типологии моделей территориального бренда, продемонстрировать наличие связи между региональным брендом и социально-экономическим развитием региона, а также разработать интегративную модель регионального бренда.

В настоящей статье (1) содержится описание и обоснование методологии исследования, (2) представлен контент-анализ научной литературы и компаративный анализ моделей территориального бренда, (3) описаны результаты исследования в виде разработанной интегративной модели регионального бренда. В заключении подведены итоги исследования, отмечена практическая значимость результатов, а также высказаны предложения по дальнейшему направлению исследований.

Методы

По теме моделирования территориального бренда научных публикаций немного. Поисковый запрос по базе научной электронной библиотеки Elibrary.ru выдал 53 источника, опубликованных начиная с 2020 г. Контент-анализ полученной выборки источников позволил отобрать также более ранние исследования зарубежных и отечественных ученых по данной теме на основании цитирования их в проанализированных источниках, что свидетельствует об их актуальности и в настоящее время.

Кроме того, в ходе исследования проведен компаративный анализ моделей территориального бренда, который позволил выделить ключевые особенности каждой модели, а также общие недостатки. На основе результатов компаративного анализа авторы статьи разработали интегративную модель территориального бренда.

Необходимо отметить, что в работе использованы также материалы исследований, посвященных изучению и выявлению связи между брендом и развитием территории, с целью обоснования актуальности и практической значимости разработки интегративной модели регионального бренда.

Таким образом, ведущим методом представленного исследования является моделирование. Выбор основного метода обусловлен преимуществами визуализации результатов исследования. Территория как объект брендинга представляет собой сложную систему многоуровневых отношений, а построение моделей территориального бренда позволяет упорядочить и взаимно соотнести как факторы территориального брендинга, так и этапы, и

инструменты формирования и трансляции бренда целевым аудиториям, а также доступно отразить сложность и многообразность исследуемой системы.

Результаты

Моделирование структуры региональных брендов действительно играет ключевую роль в систематизации процессов территориального брендинга. Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к вопросу построения модели территориального бренда. Рассмотрим основные существующие модели территориальных брендов и некоторые их типологии.

Одной из наиболее часто упоминаемых типологий моделей территориального бренда в отечественной науке (по данным научной библиотеки Elibrary.ru, общее количество цитирований в РИНЦ равно 31) стала типология, предложенная исследователями А.М. Бритвиным, И.Б. Бритвиной и Л.Э. Старостовой [2]. Они предложили разделить все разработанные зарубежными и отечественными учеными модели на четыре типа: 1) базисные, раскрывающие сущностную структуру бренда; 2) модели второго типа, отражающие алгоритмизацию процесса создания территориального бренда; 3) модели третьего типа, сконцентрированные на управлении брендингом (бренд-менеджменте); 4) интегративные модели, которые включают в себя моделирование содержания структуры самого бренда, моделирование алгоритма процесса разработки и продвижения бренда (т.е. собственно брендинга), а также моделирование процесса управления брендингом (т.е. бренд-менеджмента). Данная типология отражает эволюцию представлений о брендинге места, модели предшествующего типа становятся составной частью последующего.

С целью более подробного изучения моделей территориального бренда приведем описание и анализ основных моделей, разработанных отечественными и зарубежными учеными в рамках данной типологии.

Для начала рассмотрим модели первого типа, которые детально описывают содержательные и структурные аспекты формирования региональной идентичности. Они служат кон-

цептуальной основой для систематизации ключевых элементов бренда, включая ценности, ресурсы и уникальные характеристики территории. Наибольшее распространение такие модели получили в контексте разработки брендов туристских дестинаций, где требуется комплексный учет природного, культурного и инфраструктурного потенциала. Примеры моделей в рамках данного исследования будем приводить по порядку их усложнения. Ярким примером ресурсно-ориентированного подхода к пониманию структуры бренда служит модель, разработанная специалистами в области маркетинга территорий С.Б. Хассаном, М.С.А. Хамидом и Х. Аль Бохайри [3]. В своем исследовании ученые предложили многоуровневый подход к формированию туристского бренда Александрии, акцентируя внимание на интеграции ее исторического наследия, средиземноморского колорита и современных урбанистических ресурсов. Модель предполагает анализ материальных (архитектура, объекты туризма) и нематериальных (культурные традиции, обычаи) активов, что позволяет создать дифференцированный образ города в конкурентной среде. Ключевая роль базисных моделей заключается в их адаптивности: они могут быть модифицированы с учетом специфики различных типов территорий — от мегаполисов до малых исторических городов. Кроме того, подобные модели, способствуют согласованию интересов стейкхолдеров, обеспечивая баланс между коммерческими целями и сохранением аутентичности места.

Схожий ресурсно-ориентированный подход к анализу структуры территориального бренда представлен в более поздних моделях, например, в модели, разработанной отечественным ученым М.С. Каганом [4]. Концепция М.С. Кагана основывается на интегративном восприятии образа территории, который формируется через синтез трех ключевых аспектов культуры: материального (инфраструктура, объекты наследия), духовного (ценности, традиции, идентичность) и художественного (эстетические практики, творческие индустрии). В рамках предложенной ученым модели территориальный бренд интерпретируется как динамический синтез ресурсов, рас-

пределенных по четырем взаимосвязанным подсистемам:

- 1) природно-географической (ландшафты, климат, биоресурсы);
- 2) статусно-производственной (экономический потенциал, специализация, символический капитал территории);
- 3) пространственно-пластической (архитектурная среда, планировочные решения, визуальная идентичность);
- 4) художественной (культурные артефакты, локальное творчество, нарративы).

М.С. Каган подчеркивает, что устойчивость бренда достигается за счет баланса между этими элементами, где каждая подсистема не только сохраняет автономность, но и усиливает другие компоненты путем получения синергетического эффекта. Такой подход актуален для стратегий позиционирования территорий, требующих учета как объективных ресурсов, так и субъективных восприятий целевых аудиторий.

Среди моделей первого типа также присутствуют модели, фокусирующиеся на идентичности территории. К этой категории относится модель конкурентной идентичности Саймона Анхольта [5], получившая название «шестиугольник Анхольта». Данная модель визуализирует взаимосвязь шести равнозначных компонентов национального бренда. В отличие от ресурсно-ориентированного подхода, акцент здесь смещается с материальных аспектов на репутационные и конкурентные преимущества по каждому из элементов. Анализируются имиджевые характеристики в сферах туризма, экспортных товаров, внутренней и внешней политики, инвестиционной привлекательности, восприятия населения, а также культурного наследия и традиций территории. Модель Анхольта получила международное признание благодаря своей универсальности и практической применимости. Она была развита в работах исследователей, таких как М. Урде [6], послужила основой для сравнительных исследований национального брендинга Японии и Южной Кореи [7]. Кроме того, сам Анхольт использовал ее в консультационных проектах для правительств разных стран, включая разработку бренда Чили [8].

Среди моделей, основанных на принципах идентичности, также выделим модель М. Конечик-Рузир и Л. де Чернатони, которая была создана для Словении [9]. Она структурирует идентичность бренда через шесть ключевых элементов: видение, ценности, личность, миссия, выгоды и дифференцирующие преимущества, которые служат основой для позиционирования среди стейкхолдеров — аудиторий, влияющих на формирование бренда или участвующих в его разработке. Интересно, что данная модель является в определенной мере базой для более поздней модели территориального бренда, разработанной отечественными учеными М.А. Беляевой и Т.А. Ладыгиной [1].

В своих трудах М.А. Беляева и Т.А. Ладыгина указывают на хаотичность подходов к брендингу в России и подчеркивают необходимость согласованности между концептуальной основой бренда и его визуальными, функциональными воплощениями. В качестве инструмента структурирования они предлагают радиальную схему, где центральным элементом выступает концепция бренда. Эта идея требует систематизации знаний о территории, их популяризации и материализации через культурные практики, осуществляемые посредством градостроительных, дизайнерских, туристических, гастрономических и управленческих инструментов в рамках культурного пространства региона. Таким образом, авторы расширяют традиционное понимание территориального бренда: акцент смещается не только на идентификацию уникальных ресурсов территории, но и на механизмы их операционализации. Предложенная модель интегрирует стратегический аспект (формирование идеи) с практической реализацией, что позволяет рассматривать брендинг как динамичный процесс преобразования потенциала территории в устойчивые конкурентные преимущества.

Таким образом, модели, разработанные М. Конечик-Рузир, Л. де Чернатони и М.А. Беляевой, Т.А. Ладыгиной, подчеркивают, что ядро бренда — это не абстрактная идея, а концепция, подкрепленная материально-технической базой и практической реализацией. Например, словенская модель, как и радиальная, акцентирует необходимость трансляции ценностей через конкретные действия и ре-

сурсы, обеспечивая функциональность бренда в различных сферах — от управления до культурных практик. Обе модели объединяет подход, где идентичность бренда формируется не только через символическое наполнение, но и через его воплощение в реальных проектах и инфраструктуре, что усиливает доверие стейкхолдеров и устойчивость позиционирования.

Внимание моделей следующего типа фокусируется на алгоритмизации процесса создания территориального бренда, предлагая четкую последовательность шагов — от разработки до продвижения, с учетом целевых аудиторий и стейкхолдеров. Стоит отметить, что модели второго типа нередко интегрируют модели первого базисного типа в свою структуру. Это объяснимо, поскольку концептуальная основа бренда (описываемая базисным типом) служит содержательным фундаментом для одного из ключевых этапов брендинга — его разработки.

Ко второму типу принадлежит коммуникативная модель территориального имиджа М. Каваратзиса [10]. В ее основе лежит трактовка имиджа как комплексного образа территории, возникающего в сознании аудитории под влиянием трех типов коммуникаций:

1) первичной — связанной с базовыми, не направленными напрямую на коммуникацию аспектами территории: ее ландшафтом, инфраструктурой, повседневными практиками жителей;

2) вторичной — целенаправленных маркетинговых действий (реклама, PR, продвижение);

3) третичной — стихийного распространения информации через «сарафанное радио», отзывы, личный опыт.

М. Каваратзис акцентирует дихотомию контролируемых (вторичных) и неконтролируемых (первичных и третичных) коммуникаций. Последние, несмотря на отсутствие управления, играют ключевую роль в формировании имиджа, особенно через третичный канал, который становится доминантой при слабом контроле со стороны управляющих структур. Таким образом, имидж территории предстает как синтез всех трех коммуникационных потоков, где неконтролируемые факторы могут как усиливать, так и нивелировать эффект от маркетинговых усилий.

Динамическая модель К. Динни [11] дополняет этот подход, определяя территориальный бренд как интеграцию ожиданий всех социальных акторов (жителей, бизнеса, туристов, власти). Автор представляет процесс брендинга как циклический механизм, включающий четыре взаимосвязанных компонента:

- 1) идентичность (сущностные характеристики территории);
- 2) целеполагание (стратегические ориентиры);
- 3) коммуникации (каналы взаимодействия с аудиториями);
- 4) согласованность (гармонизация интересов стейкхолдеров).

Цикличность подчеркивает необходимость постоянного мониторинга и корректировки бренда в ответ на меняющиеся запросы аудиторий и контекст.

Можно выделить смысловой мост между моделями: М. Каваратзис фокусируется на механизмах формирования образа через коммуникации, выделяя их типы и степень управляемости, а К. Динни смещает акцент на динамику взаимодействия между ожиданиями акторов и адаптацией бренда, подчеркивая итеративность процесса. Обе модели, несмотря на различия, подчеркивают многокомпонентность и нелинейность территориального брендинга, где успех зависит от баланса между управляемыми действиями и реакцией на стихийные факторы.

Модели третьего типа концентрируются на управлении брендингом (бренд-менеджменте), акцентируя внимание на системной организации процесса: от планирования до оценки результатов. Они описывают этапы работы с брендом, роли участников (стейкхолдеры, управленческие группы, эксперты), а также взаимосвязи между ними.

Ярким примером служит модель городского бренд-менеджмента Х. Гаджиотти и соавторов [12], направленная на достижение устойчивого экономического роста через стратегическое целеполагание. Алгоритм управления территориальным брендом, проиллюстрированный в модели Х. Гаджиотти, включает в себя анализ текущего состояния (материальные и нематериальные ресурсы, сильные/слабые стороны территории, вовлеченные ак-

торы), определение возможных стратегических альтернатив, формулировку долгосрочного видения и разработку конкретных планов действий. Данная модель отличается гибкостью, так как подходит как для стратегий развития отдельных городов, так и для национальных стратегий по развитию. Модель предусматривает постоянную корректировку планов на основе обратной связи и вовлекает в процесс управления широкий круг стейкхолдеров, обеспечивая согласованность интересов. В общем и целом, модель Х. Гаджиотти демонстрирует, как управленческий подход к брендингу трансформирует абстрактные концепции в конкретные действия, связывая экономические цели с коммуникативными практиками. Ученый подчеркивает необходимость перехода от создания образа к системному управлению репутационным капиталом.

Однако ученые считают, что «будущее территориального брендинга в разработке и развитии моделей четвертого типа – или иначе – интегрированных моделей, которые включают в себя моделирование содержания и структуры самого бренда, моделирование алгоритма процесса разработки и продвижения бренда (то есть собственно брендинга) и моделирование процесса управления брендингом – то есть бренд-менеджмента» [2]. Одним из первых шагов к построению такой модели можно считать интегративную модель С. Ханны и Дж. Роули.

С. Ханна и Дж. Роули [13] предложили интегративную модель, синтезирующую все предыдущие подходы. Ученые критиковали фрагментарность существующих моделей, которые фокусировались на отдельных аспектах – ретроспективном анализе, управлении отношениями, коммуникациях или стратегическом планировании, но игнорировали системность.

В качестве особенностей модели С. Ханны и Дж. Роули можно выделить:

- ♦ во-первых, многогранность процесса: бренд территории формируется через взаимодействие множества факторов (управляемых и стихийных), независимо от степени их осознанности участниками;

- ♦ во-вторых, комплексный характер инфраструктуры: сочетание материальных (физи-

ческая среда, объекты) и нематериальных (культура, репутация, эмоциональные связи) компонентов;

♦ в-третьих, цикличность оценки: анализ бренда выступает не только стартовой точкой, но и непрерывным элементом всего процесса, обеспечивая адаптацию к изменениям;

♦ в-четвертых, ключевой инновацией модели стал отказ от линейного подхода в пользу динамической системы, где этапы брендинга взаимосвязаны и переплетены, что позволяет учитывать влияние стейкхолдеров, контекстные сдвиги и обратную связь от аудиторий.

Так, работа С. Ханна и Дж. Роули демонстрирует, что интеграция разноуровневых подходов – не абстракция, а практический инструмент для создания устойчивых брендов в условиях неопределенности.

Компаративный анализ вышеописанных моделей территориальных брендов представлен в табл. 1.

Материалы табл. 1 демонстрируют фрагментарность существующих моделей территориального бренда, а также отражают существующую тенденцию по движению современного территориального брендинга в сторону интегративных моделей, которые будут сочетать в

Таблица 1

Компаративный анализ моделей территориального бренда

Тип модели	Авторы	Ключевые особенности и недостатки	
Первый тип: сущностная структура бренда	Ресурсная модель С.Б. Хассана, М.С.А. Хамида и Х. Аль Бохайри Модель М.С. Кагана	Ресурсно-ориентированный подход	Фрагментарность
	Модель конкурентной идентичности С. Анхольт Модель М. Конечик-Рузир и Л. де Чернатони	В отличие от ресурсно-ориентированного подхода, акцент здесь смещается с материальных аспектов на <i>репутационные и конкурентные преимущества территории</i> . В модели М. Конечик-Рузир и Л. де Чернатони присутствуют элементы операционализма и преимуществ территории	
	Радиальная модель территориального бренда М.А. Беляевой и Т.А. Ладыгиной	Акцент смещается не только на идентификацию преимуществ территории, но и на <i>механизмы их операционализации</i>	
Второй тип: процесс создания территориального бренда	Коммуникативная модель территориального имиджа М. Каваратзиса	Имидж территории трактуется как комплексный образ территории, возникающий в сознании аудитории под влиянием трех типов коммуникаций, часть из которых являются <i>неуправляемыми</i>	
	Динамическая модель К. Динни	Бренд – интеграция ожиданий всех социальных акторов. Процесс создания бренда <i>циклический</i> ввиду быстро меняющихся запросов аудитории	
Третий тип: управление брендингом	Модель городского бренд-менеджмента Х. Гаджиотти и соавторов	Модель направлена на достижение устойчивого экономического роста через <i>стратегическое целеполагание</i> и демонстрирует, как управленческий подход к брендингу трансформирует абстрактные концепции в конкретные действия, связывая экономические цели с коммуникативными практиками	
Четвертый тип: сущностная структура бренда, а также процесс создания бренда и управления им	Модель С. Ханна и Дж. Роули	Брендинг понимается как <i>многогранный динамический и циклический процесс</i>	

Таблица 2

**Организационные модели территориального бренда по М.А. Баяндину с примерами,
а также выделенными преимуществами и слабыми сторонами**

Название		Инициатор	Цель	Примеры	Преимущества и слабые стороны
Административная модель		Государственные или муниципальные органы власти	Формирование имиджа города для повышения его конкурентоспособности, привлечения туристов, улучшения качества жизни населения	Лондон («London is Open») – кампания, запущенная мэрией для подчеркивания открытости города после Brexit. Париж – продвижение культурного наследия через государственные программы	<i>Преимущества:</i> централизованное управление, доступ к бюджету, согласованность с стратегией развития. <i>Слабые стороны:</i> риск бюрократизации, недостаточный учет мнения местных сообществ
Бизнес-модель	экспортные	Инициатива исходит от компаний, корпораций или бизнес-ассоциаций	Продвижение местных товаров и услуг на внешних рынках	Тоскана (Италия) – акцент на вине, оливковом масле и гастрономии для увеличения экспорта. Мюнхен – брендинг через пивной фестиваль «Октоберфест», стимулирующий продажи местной продукции	<i>Преимущества:</i> ориентация на экономическую выгоду, гибкость. <i>Слабые стороны:</i> риск коммерциализации в ущерб социальным или экологическим аспектам
	импортные		Привлечение инвестиций, бизнеса, талантов	Дубай – создание имиджа глобального делового хаба через свободные экономические зоны. Сингапур – бренд «Smart Nation» для привлечения IT-компаний	
Гражданская модель		НКО, активисты, местные сообщества	Формирование аутентичного бренда, отражающего идентичность жителей	Берлин – граффити-культура и креативные пространства, развитые усилиями горожан. Портленд (США) – акцент на устойчивости и локальных инициативах, продвигаемых активистами	<i>Преимущества:</i> высокая вовлеченность населения, уникальность. <i>Слабые стороны:</i> децентрализация, нехватка ресурсов, сложности в масштабировании

себе преимущества моделей других типов. Тем не менее следует отметить, что интегративные модели, в частности модель С. Ханна и Дж. Роули [13], также не идеальны. В качестве одного из существенных недостатков данной модели можно выделить отсутствие уточнения источников инициативы по применению брендинговых технологий в региональном развитии.

Так, отечественный ученый М.А. Баяндин [14] предложил типологию моделей территориальных брендов по организационному признаку. Изучение различных организационных моделей территориальных брендов (табл. 2) позволит улучшить понимание сути процесса

брендинга территории, а также углубит разделение моделей второго и последующих типов моделей территориальных брендов, предложенных А.М. Бритвиным, И.Б. Бритвиной и Л.Э. Старостовой [2].

В дополнение к табл. 2 необходимо отметить, что на практике модели территориального бренда часто комбинируются (например, администрация и бизнес совместно продвигают туризм), а итоговый успех зависит от контекста: административная модель эффективна в стабильных условиях, гражданская – в креативных городах с активным сообществом. Критический фактор – баланс между интересами

власти, бизнеса и жителей. Эти модели помогают структурировать подход к брендингу, но их адаптация требует учета уникальных особенностей каждой территории.

Обсуждение

Представим интегративную модель регионального бренда, разработанную авторами статьи с целью усиления устранения выявленной фрагментарности в моделировании территориальных брендов.

Необходимость развития и доработки моделей регионального бренда обусловлена потенциалом территориального бренда влиять на социально-экономическое развитие региона. Научные работы по исследованию связи между брендом территории и социально-эко-

номическим развитием региона в период с 2020 г. по настоящее время опубликовали такие авторы, как А.А. Созинова, Н.Н. Воробьев, И.Ю. Глинская, Д.С. Готов, М.А. Жаркова, К.В. Логинов, П.Ю. Макаров и др. [15–21]. Общее количество и многообразие исследований на данную тему позволяют констатировать стабильный интерес у научного сообщества к исследованию влияния территориальных брендов на социально-экономическое развитие регионов. Все исследования последних лет доказывают наличие как минимум двухсторонней связи между территориальным брендом и развитием региона. Отражим взаимосвязи между брендом региона, факторами его социально-экономического развития, а также факторами внешнего окружения на рис. 1.

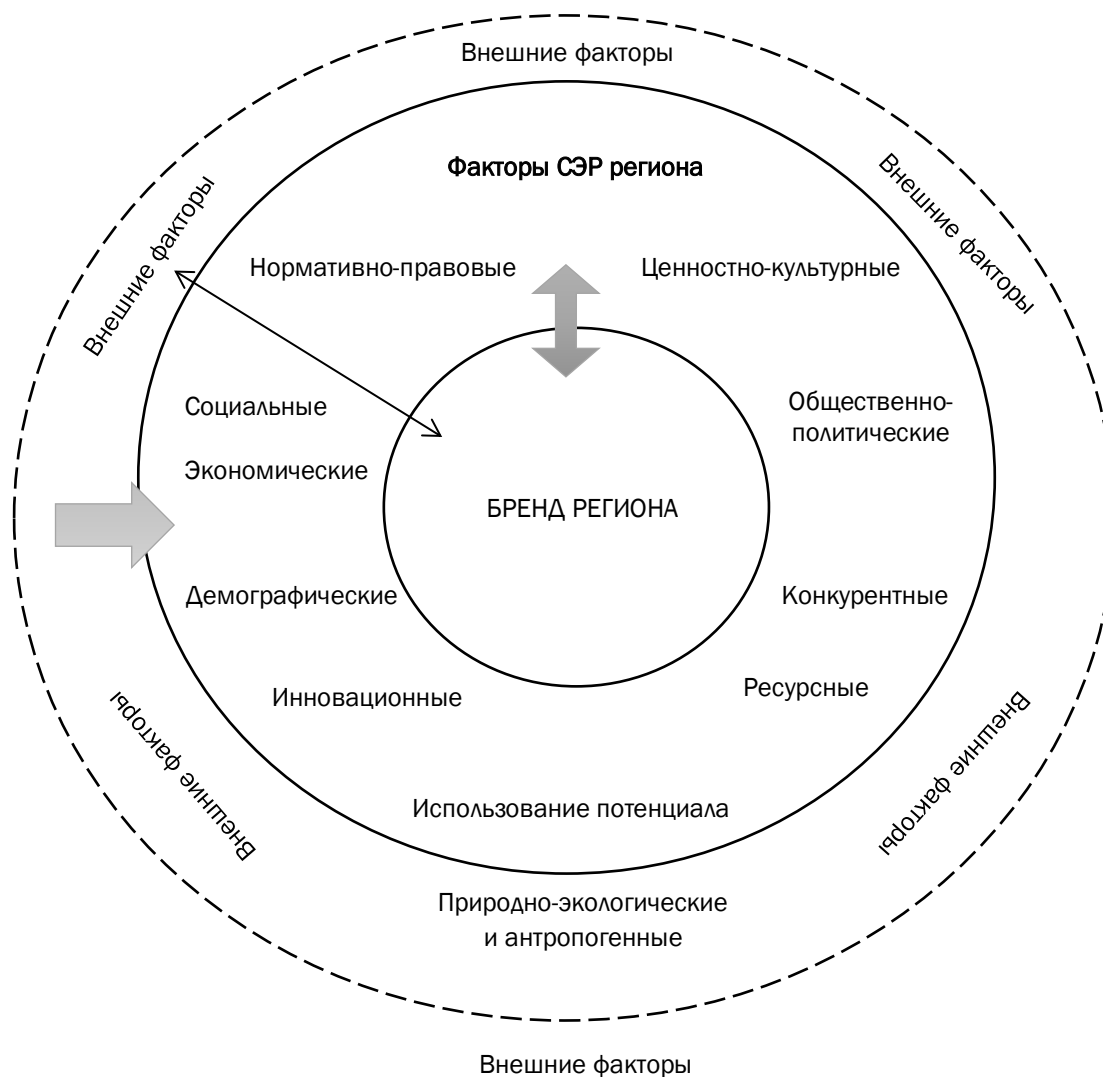

Рис. 1. Взаимосвязь бренда региона с факторами его социально-экономического развития и внешними факторами

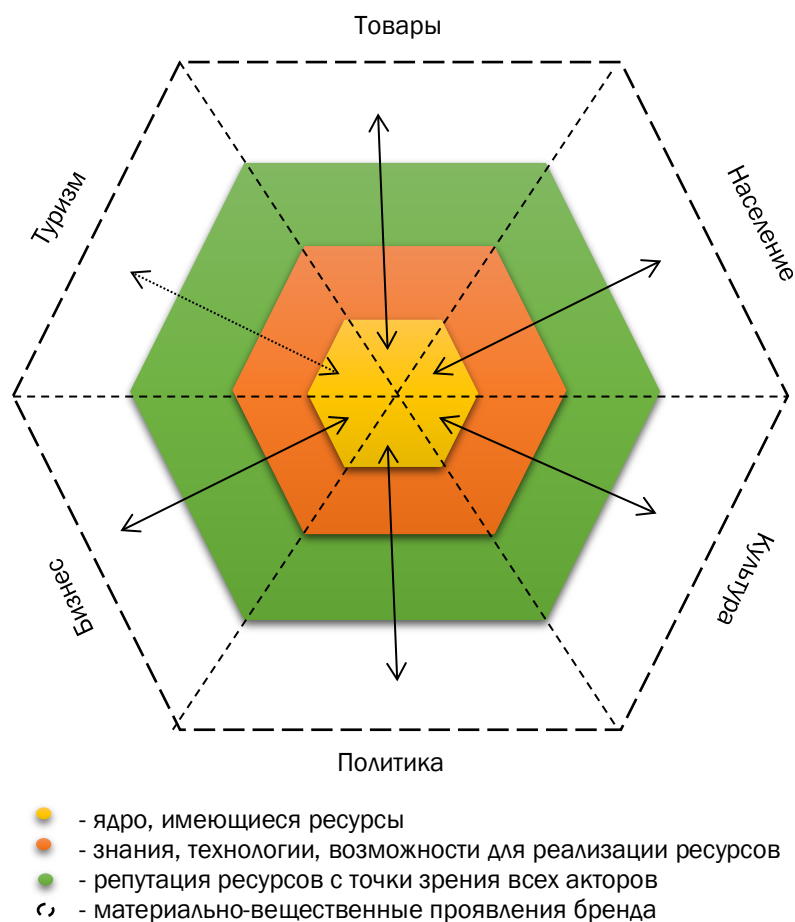

Рис. 2. Структура территориального бренда

Рисунок 1 демонстрирует наличие как прямой двухсторонней связи между брендом и социально-экономическим развитием региона, так и косвенной через влияние бренда на внешние факторы. Таким образом, можно заключить, что территориальный бренд имеет потенциал влиять на развитие региона через проиллюстрированную связь, а значит, формирование, а также управление брендом региона становится важной стратегической задачей регионального развития, объясняющей практическую значимость разработки представленной далее интегративной модели регионального бренда.

В результате компаративного анализа существующих моделей территориального бренда, представленного в статье, выявлены ключевые особенности каждой из рассмотренных моделей. Данные ключевые особенности стали основой для разработанной авторами статьи интегративной модели регионального бренда. Для начала рассмотрим более по-

дробно часть модели, иллюстрирующую саму сущностную структуру регионального бренда (рис. 2).

Представленная на рис. 2 модель объединяет в себе значимые элементы вышеописанных и общепризнанных сущностных моделей территориальных брендов и представляет собой сумму взаимосвязанных элементов: уникальных ресурсов территории, технологий, позволяющих сохранить, развить и использовать их, а также восприятие этих ресурсов различными целевыми аудиториями и, как итог, материально-вещественные проявления бренда региона. Общую сумму всех элементов предполагается делить на 6 взаимосвязанных секторов, коррелирующих с концепцией конкурентной идентичности Анхольта [5]: туризм, товары, население, бизнес, культура и политика. Важно особо отметить, что данные сектора не являются замкнутыми, т.е. должны сочетаться и в определенной степени иметь взаимодействие друг с другом. Таким образом, представ-

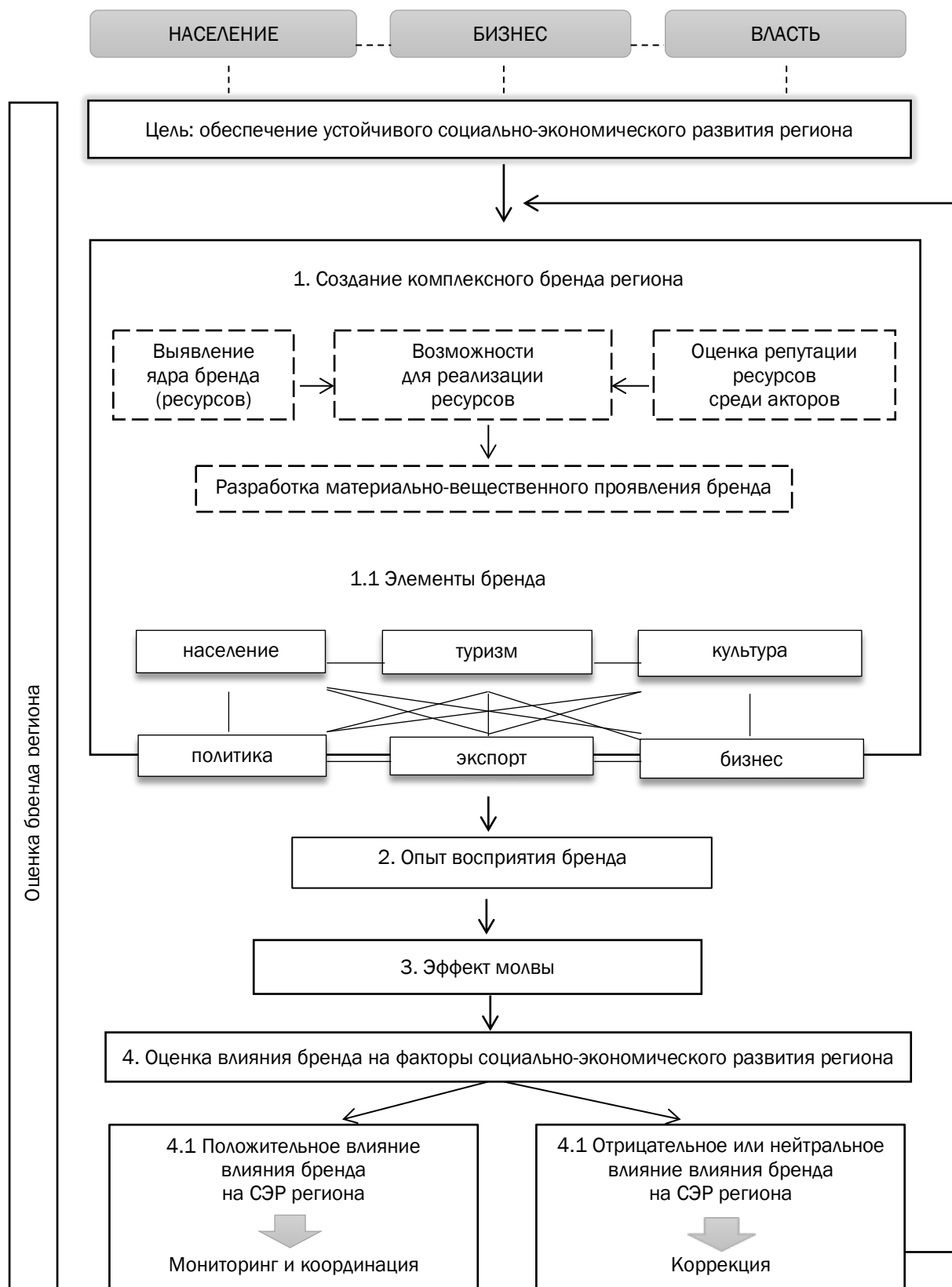

Рис. 3. Авторская интегративная модель регионального бренда

ленная структура отражает необходимый многоаспектный, комплексный характер регио-

нального бренда, а также содержит указание на необходимость применения механизмов

операционализации ресурсов, согласно моделям, разработанным М. Конечик-Рузир, Л. де Чернатони [9] и М.А. Беляевой, Т.А. Ладыгиной [1].

Далее представим разработанную авторами модель сущностной структуры бренда в рамках интегрированной модели, отражающей также процесс формирования бренда и управление им (рис. 3).

Модель, проиллюстрированная на рис. 3, демонстрирует необходимость кооперации региональных властей, представителей бизнеса и населения с целью успешного брендинга территории, эффективность которого будет проявляться в виде устойчивого развития социально-экономического развития региона.

Модель также учитывает важность опыта восприятия разработанного бренда, т.е. формирования прочной эмоциональной и когнитивной связи между целевыми аудиториями и территорией, которые в свою очередь создают «эффект молвы», органичное распространение информации о бренде.

После формирования устойчивого восприятия сформированного бренда проводится качественная и количественная оценка влияния бренда на социально-экономическое развитие региона. В случае выявления положительного влияния работа с брендом не прекращается, но переходит в фазу мониторинга и координации. Если же оценка показала отрицательное или нейтральное влияние, то возникает необходимость коррекционных мероприятий, происходит возвращение к этапу формирования самого бренда.

Важно также отметить, что оценка бренда происходит как на первых этапах, так и во время всего процесса, в качестве текущего контроля за осуществлением брендинга.

Заключение

В ходе представленного исследования проведен контент-анализ отечественной и зарубежной литературы, связанной с моделиро-

ванием территориального бренда. Для анализа наиболее известных и признанных в научных кругах моделей территориального бренда применен компаративный метод, позволивший выделить ключевые особенности каждой из моделей, а также обратить внимание на основной их недостаток – фрагментарность.

В статье рассмотрены два варианта типологии исследуемых моделей, а также предложено объединить их с целью большего углубления типологизации, облегчающей изучение представленного многообразия моделей.

В качестве результата исследования авторы статьи разработали интегративную модель регионального бренда, обобщающую ключевые особенности более ранних моделей. Кроме того, авторами проиллюстрирована взаимосвязь бренда региона с факторами его социально-экономического развития и внешними факторами, и подчеркнута наличие как прямой двухсторонней связи между брендом и социально-экономическим развитием региона, так и косвенной связи через влияние бренда на внешние факторы.

Доказанный факт, что бренд влияет на развитие региона, позволяет сделать вывод, что формирование, а также управление брендом региона становится важной стратегической задачей регионального развития, объясняющей практическую значимость разработки в данном исследовании интегративной модели территориального бренда регионального уровня.

Представленная в данной статье интегративная модель регионального бренда может использоваться для формирования документов стратегического планирования органами государственной власти с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов.

В качестве направлений для дальнейших исследований может быть запланирован эксперимент с целью апробирования разработанной модели регионального бренда и проверки ее практической эффективности.

Список источников

1. Беляева М.А. Структура территориального бренда // Управление культурой. 2023. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-territorialnogo-brenda-1> (дата обращения: 02.02.2025).

2. Бритвин А.М., Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Интегративная модель бренда российского города: региональный аспект : монография / под общей редакцией А.М. Бритвина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 172 с.
3. Hassan S.B., Hamid M.S.A., Al Bohairy H. Perception of Destination Branding Measures: A Case Study of Alexandria Destination Marketing Organizations // International Journal of EuroMediterranean Studies. 2010. Vol. 3, No. 2. Pp. 271–288.
4. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры : учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 515 с.
5. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 134 p.
6. Urde M., Greyser S.A., Balmer J.M.T. Corporate brands with a heritage // Journal of Brand Management. 2007. Vol. 15, No. 1. Pp. 4–19.
7. Cha H., Rhee Y., Chung J. Comparative nationbranding analysis of Big Data: Focusing on Korea and Japan // Journal of Global Information Technology Management. 2017. Vol. 20, No. 4. Pp. 276–295.
8. Jiménez-Martínez C. Making Chile Visible: Purposes, Operationalisation and Audiences from the Perspective of Nation Branding Practitioners // Geopolitics. 2017. Vol. 22, No. 3. Pp. 502–524.
9. Konecnik Ruzzier M., de Chernatony L. Developing and applying a place brand identity model: The case of Slovenia // Journal of Business Research. 2013. No. 66. Pp. 45–52.
10. Kavaratzis M. From City Marketing to City Branding: toward a theoretical framework for developing city brands // Place Branding. 2004. Vol. 1, No. 1. Pp. 58–73.
11. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под редакцией К. Динни. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2013.
12. City Brand Management (CBM): The Case of Kazakhstan / H. Gaggiotti, K. Low, C. Patrick, O. Yunak // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. No. 4. Pp. 115–123.
13. Hanna S., Rowley J. Towards a Strategic Place Brand Management Model // Journal of Marketing Management. 2011. Vol. 27, No. 5/6. Pp. 458–476.
14. Баяндин М.А., Оспанов А.А. Зарубежный опыт формирования моделей брендинга // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2017. № 1 (65). С. 25–29.
15. Actualization of the “green” image for territorial development / A.A. Sozinova, V.A. Bondarenko, M. Smokova, N.G. Rummyantsev // Theoretical and Applied Ecology. 2022. No. 2. Pp. 228–233. doi:10.25750/1995-4301-2022-2-228-233.
16. Воробьев Н.Н., Воробьева И.В., Уваров И.П. Экономический механизм управления местными ресурсами как сбалансированность национальной экономики // Kant. 2023. № 3 (48). С. 14–20. doi:10.24923/2222-243X.2023-48.3.
17. Глинская И.Ю. Территориальный брендинг как инструмент развития региона // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 32. С. 10–26. doi:10.24412/2949-2513-2023-32-10-26.
18. Глотов Д.С. Анализ функций бренда территорий // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2023. № 4 (101). С. 212–219. doi:10.21295/2223-5639-2023-4-212-219.
19. Жаркова М.А. Территориальный брендинг как инструмент в развитии технологий искусственного интеллекта в регионе (на примере Санкт-Петербурга) // Экономический вектор. 2024. № 2 (37). С. 121–132. doi:10.36807/2411-7269-2024-2-37-121-132.
20. Логинов К.В. Стратегические основы развития бренда Пермского края // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 12. С. 4797–4812. doi:10.18334/ce.17.12.119715.
21. Макаров П.Ю., Чуб А.А. Социально-экономические характеристики региона как основание успеха брендинга территорий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-harakteristiki-regiona-kak-osnovanie-uspeha-brendinga-territoriy> (дата обращения: 04.09.2024).
22. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. Москва : Добрая книга, 2010.
23. Бурцева Т.А., Кузнецова А.В., Ворожцов С.Н. Управление региональным брендом // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 115–126.
24. Глотов Д.С., Толстяков Р.Р., Гучетль Р.Г. Архитектура бренда территорий // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 4 (86). С. 57–70. doi:10.17277/voprosy.2022.04.pp.057-070.
25. Родькин П.Е. Универсальная модель территориального бренда в контексте проблемы его репрезентации // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2021. № 4-2. С. 20–29. doi:10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29.

References

1. Belyaeva M.A. Structure of a territorial brand // Culture Management. 2023. No. 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-territorialnogo-brenda-1> (date of access: 02.02.2025).
2. Britvin A.M., Britvina I.B., Starostova L.E. Integrative model of the Russian city brand: regional aspect : monograph / ed. by A.M. Britvin. Ekaterinburg : Publishing house of Ural University, 2016. 172 p.
3. Hassan S.B., Hamid M.S.A., Al Bohairy H. Perception of Destination Branding Measures: A Case Study of Alexandria Destination Marketing Organizations // International Journal of EuroMediterranean Studies. 2010. Vol. 3, No. 2. Pp. 271–288.
4. Kagan M.S. Grad Petrov in the history of Russian culture : textbook for universities. Moscow : Yurait, 2020. 515 p.
5. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 134 p.
6. Urde M., Greyser S.A., Balmer J.M.T. Corporate brands with a heritage // Journal of Brand Management. 2007. Vol. 15, No. 1. Pp. 4–19.
7. Cha H., Rhee Y., Chung J. Comparative nationbranding analysis of Big Data: Focusing on Korea and Japan // Journal of Global Information Technology Management. 2017. Vol. 20, No. 4. Pp. 276–295.
8. Jiménez-Martínez C. Making Chile Visible: Purposes, Operationalisation and Audiences from the Perspective of Nation Branding Practitioners // Geopolitics. 2017. Vol. 22, No. 3. Pp. 502–524.
9. Konecnik Ruzzier M., de Chernatony L. Developing and applying a place brand identity model: The case of Slovenia // Journal of Business Research. 2013. No. 66. Pp. 45–52.
10. Kavaratzis M. From City Marketing to City Branding: toward a theoretical framework for developing city brands // Place Branding. 2004. Vol. 1, No. 1. Pp. 58–73.
11. Territory branding. Best global practices / ed. by K. Dinnie. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2013.
12. City Brand Management (CBM): The Case of Kazakhstan / H. Gaggiotti, K. Low, C. Patrick, O. Yunak // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. No. 4. Pp. 115–123.
13. Hanna S., Rowley J. Towards a Strategic Place Brand Management Model // Journal of Marketing Management. 2011. Vol. 27, No. 5/6. Pp. 458–476.
14. Bayandin M.A., Ospanov A.A. Foreign experience in forming branding models // Bulletin of the Innovative University of Eurasia. 2017. No. 1 (65). Pp. 25–29.
15. Actualization of the “green” image for territorial development / A.A. Sozinova, V.A. Bondarenko, M. Smokova, N.G. Rumyantsev // Theoretical and Applied Ecology. 2022. No. 2. Pp. 228–233. doi:10.25750/1995-4301-2022-2-228-233.
16. Vorobyov N.N., Vorobyova I.V., Uvarov I.P. Economic mechanism for managing local resources as a balance of the national economy // Kant. 2023. No. 3 (48). Pp. 14–20. doi:10.24923/2222-243X.2023-48.3.
17. Glinskaya I.Yu. Territorial branding as a tool for regional development // Russian School of Public Relations. 2024. No. 32. Pp. 10–26. doi:10.24412/2949-2513-2023-32-10-26.
18. Glotov D.S. Analysis of territorial brand functions // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2023. No. 4 (101). Pp. 212–219. doi:10.21295/2223-5639-2023-4-212-219.
19. Zharkova M.A. Territorial branding as a tool in the development of artificial intelligence technologies in the region (on the example of St. Petersburg) // Economic vector. 2024. No. 2 (37). Pp. 121–132. doi:10.36807/2411-7269-2024-2-37-121-132.
20. Loginov K.V. Strategic foundations for the development of the Perm Territory brand // Creative Economy. 2023. Vol. 17, No. 12. Pp. 4797–4812. doi:10.18334/ce.17.12.119715.
21. Makarov P.Yu., Chub A.A. Socio-economic characteristics of the region as the basis for successful branding of territories // Issues of public and municipal administration. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-harakteristiki-regiona-kak-osnovanie-uspeha-breninga-territoriy> (date of access: 04.09.2024).
22. Anholt S., Hildreth D. Brand America: the mother of all brands. Moscow : Dobraya kniga, 2010.
23. Burtseva T.A., Kuznetsova A.V., Vorozhtsov S.N. Regional brand management // Marketing in Russia and abroad. 2009. No. 1. Pp. 115–126.
24. Glotov D.S., Tolstyakov R.R., Guchetl R.G. Architecture of the brand of territories // Issues of modern science and practice. 2022. No. 4 (86). Pp. 57–70. doi:10.17277/voprosy.2022.04.pp.057-070.

25. Rodkin P.E. Universal model of territorial brand in the context of the problem of its representation // Decorative art and subject-spatial environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2021. No. 4-2. Pp. 20–29. doi:10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29.

Информация об авторах

Н.Ю. Лесных – старший преподаватель Института экономики и менеджмента Вятского государственного университета;

А.А. Созинова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной деятельности, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента Вятского государственного университета;

О.В. Фокина – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента Вятского государственного университета.

Information about the authors

N.Yu. Lesnykh – Senior Lecturer at the Institute of Economics and Management of Vyatka State University;

A.A. Sozinova – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Scientific Activities, Professor of the Department of Management and Marketing at the Institute of Economics and Management of Vyatka State University;

O.V. Fokina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management and Marketing at the Institute of Economics and Management of Vyatka State University.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 29.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 29.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 71–78.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 71–78.

Научная статья
УДК 65.012.12:67.05

Анализ рынка промышленного оборудования Российской Федерации и Самарской области в условиях макроэкономической нестабильности

Сергей Иванович Макаров¹, Максим Александрович Лукьянов²,

Дмитрий Владимирович Иванов³, Илья Львович Сандлер⁴

^{1,2} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

¹ matmaks@yandex.ru

² max16391@yandex.ru

³ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, dvi85@list.ru

^{3,4} Приволжский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия

⁴ i.sandler@samgups.ru

Аннотация. С начала 2020-х гг. началась полоса нестабильности мировой экономики, которая негативно влияет на бизнес-климат, усиливая риски и затрудняя планирование предпринимательской деятельности. В данной работе изучаются основные тенденции, которые в последнее время прямо или косвенно влияют на «самочувствие» сектора оптовой торговли – как в целом, так и в категории промышленного оборудования. Предприятия рынка оптовой торговли должны понимать, в какую сферу деятельности смещаются основные потоки товаров и капитала, где ожидается очередной технологический прорыв. Рассмотрены основные тенденции российского масштаба для этого рынка, важнейшей из которых является переориентация на новых торговых партнеров. Произведена оценка роста рентабельности розничной торговли в России и, как следствие, роста масштабов этого бизнеса. Сделан вывод о том, что современные глобальные рыночные тенденции касаются не только российской экономики в целом, но и отдельных субъектов Федерации, в частности Самарской области.

Ключевые слова: экономико-статистическое моделирование, промышленное оборудование, меж-территориальный анализ, оптовый рынок, показатели рынка оптовой торговли

Основные положения:

- ♦ произведена оценка роста рентабельности розничной торговли в России и Самарской области, как следствие, роста масштабов этого бизнеса;
- ♦ выделены основные тенденции, которые прямо или косвенно влияют на состояние сектора оптовой торговли – как в целом, так и в категории промышленного оборудования;
- ♦ определены сферы деятельности, в которые смещаются основные потоки товаров и капитала на рынке оптовой торговли; где ожидается очередной технологический прорыв.

Для цитирования: Анализ рынка промышленного оборудования Российской Федерации и Самарской области в условиях макроэкономической нестабильности / С.И. Макаров, М.А. Лукьянов, Д.В. Иванов, И.Л. Сандлер // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 71–78.

Analysis of the industrial equipment market of the Russian Federation and the Samara region in the conditions of macroeconomic instability

Sergey I. Makarov¹, Maxim A. Lukianov², Dmitriy V. Ivanov³, Ilya L. Sandler⁴

^{1,2} Samara State University of Economics, Samara, Russia

¹ matmaks@yandex.ru

² max16391@yandex.ru

³ Samara National Research University, Samara, Russia, dvi85@list.ru

^{3,4} Volga State Transport University, Samara, Russia

⁴ i.sandler@samgups.ru

Abstract. Since the early 2020s, a period of global economic instability has begun, negatively impacting the business climate, increasing risks and complicating business planning. This paper examines the key trends that have recently directly or indirectly affected the health of the wholesale trade sector—both overall and specifically in the industrial equipment category. Wholesale trade companies must understand the area of activity to which the main flows of goods and capital are shifting, where the next technological breakthrough is expected. Key trends for this market on a Russian scale are examined, the most important of which is the reorientation toward new trading partners. An assessment is made of the growth in retail profitability in Russia and, consequently, the growth of this business. It is concluded that current global market trends affect not only the Russian economy as a whole but also individual constituent entities of the Russian Federation, in particular the Samara Region.

Keywords: economic and statistical modeling, forecasting, industrial equipment, inter-territorial analysis, wholesale market, wholesale trade market indicators

Highlights:

- ♦ an assessment was made of the growth in retail profitability in Russia and the Samara region, and consequently, the growth in the scale of this business;
- ♦ the main trends that directly or indirectly influence the state of the wholesale trade sector – both in general and in the industrial equipment category – were identified;
- ♦ the areas of activity toward which the main flows of goods and capital in the wholesale trade market are shifting were identified, and where the next technological breakthrough is expected.

For citation: Analysis of the industrial equipment market of the Russian Federation and the Samara region in the conditions of macroeconomic instability / S.I. Makarov, M.A. Lukianov, D.V. Ivanov, I.L. Sandler // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 71–78. (In Russ.).

Введение

Начиная с 2020 г. мир вступил в череду нестабильности, которая постепенно приняла характер геополитической. Она негативно влияет на бизнес-климат, усиливая риски и затрудняя планирование предпринимательской деятельности. Существенное воздействие на макроэкономические показатели оказали следующие события:

- ♦ принятие санкционных мер, которые начали действие в отношении России с 2014 г. и усугубились с 2022 г.;

♦ разрастание пандемии COVID-19, замедлившее деловую активность и изменившее структуру экономики;

- ♦ фактическое закрытие границ с западным миром, уход многих иностранных компаний и брендов.

Все вышесказанное привело к разрыву логистических цепочек, замедлению оборота оптовой торговли и связанных с ней секторов транспортировки и хранения на фоне сокращения объемов внешнеторгового оборота.

Методы

В этих условиях важно выделить основные тенденции, которые в последнее время прямо или косвенно влияют на «самочувствие» сектора оптовой торговли – как в целом, так и в категории промышленного оборудования (рис. 1).

Первая тенденция носит общемировой характер – снижение деловой активности из-за пандемии COVID-19. Дело не только в общем

снижении объемов производства и торговли. Не секрет, что в годы пандемии были активно развивающиеся отрасли – в сфере фармацевтики, производства медицинского инструментария, информационных технологий. Однако, как пишут R. Matthews, B.N. Rutherford, D. Edmondson и L. Matthews, компании, производящие средства индивидуальной защиты, столкнулись с большим спросом на это оборудование, запасы которого закончились, как

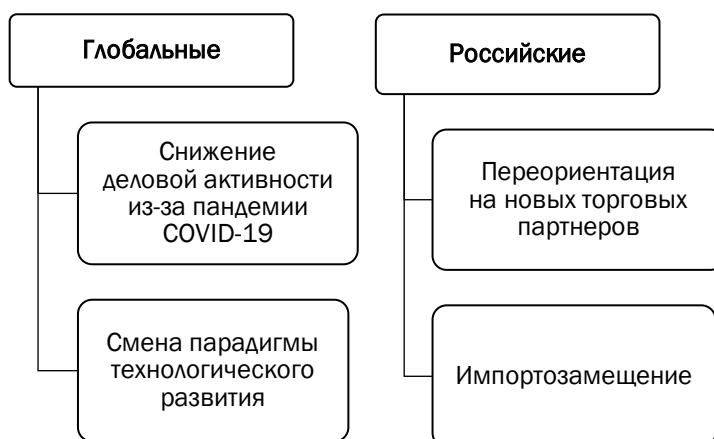

Рис. 1. Основные тенденции рынка оптовой торговли промышленным оборудованием

Рис. 2. Ключевые проблемы организаций оптовой торговли РФ в период пандемии (по результатам опроса), %*

* Шишкова Т.В. Ключевые условия и особенности функционирования оптовых торговых организаций на рынке промышленного насосного оборудования в России // Современная наука, общество, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2022 г. Пенза, 2022. С. 99–102.

только началась пандемия [1]. По данным американской статистики, 65% предприятий из числа ограничивших свою деятельность во время локдауна, в итоге не вернулись на экономическую арену. Есть основания считать, что такая статистика была актуальной для многих развитых стран.

Тем не менее, по результатам опросов руководителей организаций оптовой торговли Российской Федерации, в период пандемии дефицит оборудования не был главной проблемой. Более того, это вообще являлось одной из самых несущественных причин в условиях ограничительных мер эпидемиологического характера. Основными проблемами являлись финансовые (как самих организаций, так и их контрагентов), например, нехватка финансовых ресурсов, дорогой кредит, высокие накладные расходы. На первом месте в рейтинге проблем руководителями организаций была названа неплатежеспособность клиентов (покупателей).

Результаты опроса показаны на рис. 2. Респонденты могли выбирать более одного варианта ответа, поэтому итоговая сумма долей превышает 100%.

В этих условиях есть шанс для выживших предприятий провести рестарт своей деятельности. По мнению А. Широга, М. Гусева и А. Колпакова, такой хороший шанс есть у российской энергетики [2], что позволит активно развивать торговлю соответствующим оборудованием.

Вторая тенденция – так же общемирового характера – это смена парадигмы технологического развития. Этот общий тренд имеет свои подтренды (субтренды): цифровизация (диджитализация) экономики, развитие нанотехнологий и интернета вещей, переход к «зеленой» экономике, создание новых видов материалов и т.д.

Результаты

Инновационное развитие экономики подразумевает изменения как в производственной сфере, так и в торгово-логистической. Предприятия рынка оптовой торговли должны понимать, в какую сферу деятельности смещаются основные потоки товаров и капитала; где ожидается очередной технологический прорыв.

Среди таких сфер мы выделим следующие.

1) Рынок промышленных тепловых насосов.

В Европейском союзе особое внимание уделяется декарбонизации энергоносителей, снижению выбросов парниковых газов и – как следствие – снижению энергоемкости экономики. Насосы нового поколения являются прогрессивным решением в вопросах энергоэффективности. По мнению исследователей A. Marina, S. Spoelstra, H.A. Zondag и A.K. Wemmers, впереди у производителей и поставщиков промышленных тепловых насосов большой рынок [3].

2) Рынок инфраструктуры промышленного интернета.

Основными направлениями роста являются сегменты рынка оборудования: LTE-сетей, IP-сетей, Ethernet-коммутаторов локальных сетей, беспроводных сетей (WLAN), а также интернета вещей. Хотя Россия в вопросах IT-технологий и робототехники пока не является ведущей державой, но потенциал для развития она имеет большой, что в условиях существенного превышения спроса над предложением, как считают И.В. Грузков, Е.В. Скиперская и Е.В. Русановский, делает потенциально эффективными вложения в данную сферу [4].

3) Рынок телекоммуникационных услуг.

На данном рынке электронных компонентов растет доля корпоративных клиентов, а операторы связи за последние 5 лет значительно улучшили свои финансовые результаты по сравнению с предыдущими пятью годами [5]. Высокотехнологичные предприятия радиоэлектронной промышленности призваны обеспечить предложение соответствующего оборудования.

4) Рынок аккумуляторов энергии (на основе твердых углеродных анодных материалов).

Как справедливо отмечает L. Huiting, проводивший анализ рынка и патентов, наиболее перспективным анодным материалом для коммерческих натрий-ионных аккумуляторов, который в ближайшем будущем может применяться в больших количествах, будет твердый углерод. Его основное достоинство – использование более распространенных видов сырья и сокращение логистических расходов [6].

Среди тенденций российского масштаба (в то же время напрямую связанных с мировыми хозяйственными отношениями) отметим переориентацию на новых торговых партнеров. Уход иностранных компаний из России, продажа ими своих активов с последующей их покупкой российскими предпринимателями или национализацией изменили экономический ландшафт, разорвали большинство торгово-хозяйственных связей. Основными партнерами для российских компаний долгое время были европейские и американские предприятия. В условиях новой реальности идет поиск новых рынков сбыта и закупок. В приоритете теперь связи с азиатскими партнерами (прежде всего – с китайскими).

Эту тенденцию многие исследователи рассмотрели в своих научных работах. Т.В. Шиш-

кова [7] отмечает, что рынок насосного оборудования в РФ долгое время был импортоориентированным. Хотя после февраля 2022 г. приостановила свою деятельность только компания Grundfos, это вызвало потенциально опасную ситуацию, так как данная фирма является одним из лидеров, а ее оборудование в достаточной мере уникально, его невозможно заменить без дополнительных сложностей. В этой ситуации многие эксперты склоняются к тому, что рынок будет переориентироваться на китайские насосы. Они могут уступать в качестве насосам Grundfos, но конструктивно будут их аналогами.

Ориентацию на китайский рынок поддерживает и Ц. Ван, отмечающий, что «потенциал электронной трансграничной оптовой торговли в первую очередь связан с расшире-

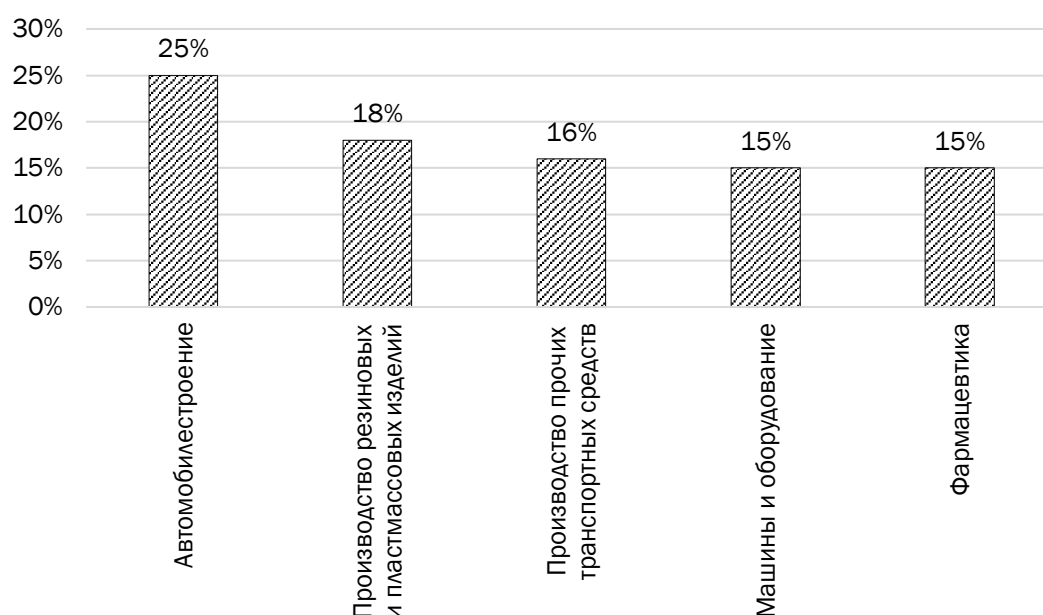

Рис. 3. Импортозависимость российской промышленности, %

Доля иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении отраслей промышленности РФ (2022 г.)*

Отрасль промышленности	Доля, %
Производство текстиля, текстильных изделий, кожи и обуви	75
Производство машин и оборудования	72
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	68
Производство электрооборудования	57
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	56
Производство прочих транспортных средств и оборудования (включая летательные аппараты)	45

* По данным Федеральной таможенной службы.

нием масштабов закупок оборудования китайского производства предприятиями РФ» [8]. Актуальной является задача более активно развивать именно электронный формат торговли, на долю которого (по сведениям Федеральной службы государственной статистики) приходится только 1% поставок из Китая.

Н.А. Бударина и М.К. Горохова смотрят на рынок оптовой торговли более широко. В своей статье [9] они отмечают, что в структуре импорта в Россию в 2022 г. существенно сократились поставки технологичных машин и оборудования. Удельный вес торговли с Евро-союзом будет продолжать снижение, а основными торговыми партнерами для нашей страны станут, кроме КНР, также Индия, Казахстан, Турция.

Другая тенденция российского масштаба – это введение, точнее, продолжение политики импортозамещения. Она была объявлена еще после первой волны антироссийских санкций – в 2014 г., но фактически реальных шагов в этом направлении было сделано немного. Возможно, причиной тому был довольно мягкий характер введенных санкций. Однако после новой волны санкционного давления – в 2022–2023 гг. – начались реальные шаги в направлении поддержки отечественных участников рынка.

На начало прошлого года экономическая зависимость России от остального мира была весьма высокой (в некоторых отраслях экономики даже критической). На рис. 3 показана степень зависимости российской промышленности от импорта.

В сфере производства машин и оборудования импортозависимость составляет 15%, что немного относительно машиностроительной и химической индустрии, но все равно заметно в масштабах экономики.

В то же время, по данным Федеральной таможенной службы, сфера производства машин и оборудования имеет высокую долю иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении (см. таблицу).

Обсуждение

Государство понимает важность проблемы, и в последнее время начинается возрождение крупных российских предприятий,

создаются новые компании. Сейчас в приоритете находятся машиностроение, телекоммуникации, энергетика, военно-промышленный комплекс, сельское хозяйство. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утвержденная в 2014 г.) [10] направлена на снижение доли импортируемых товаров и рост конкурентоспособности российской продукции на внешних рынках.

Среди новых российских производств можем выделить следующие:

- ♦ Московская область – производство компонентов для электродвигателей и генераторов, оборудования для сельского хозяйства;

- ♦ Свердловская область – производство насосов и твердосплавных инструментов;

- ♦ Калужская область – производство оборудования для мобильных комплексов связи;

- ♦ Ивановская область – производство высокотехнологичного оборудования для IT-сферы;

- ♦ республика Чувашия – выпуск инструментов и прочих комплектующих изделий для специального оборудования;

- ♦ Ленинградская область – производство оборудования для очистки сточных вод и обработки осадка; и т.д.

В Самарской области также имеются заводы по производству промышленного оборудования, например, «Start-Mill» (для мукомольной промышленности), «Bossert» (для фотокемики, для текстильной и пищевой промышленности), «Dites» (для мебельной промышленности) и т.д. В целом за 2022 г. в регионе открыто 25 новых предприятий, в том числе производственно-логистический центр для нужд машиностроения – первый в Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, сделаем краткий вывод о том, что современные глобальные рыночные тенденции касаются не только российской экономики в целом, но и отдельных субъектов Федерации в частности. Современные рынки трансграничны, и Самарская область в этом смысле не исключение. Поэтому каждый участник рынка должен четко понимать «правила

игры»: задача государства – поддерживать отечественное производство (не абстрактно, а конкретные отрасли и предприятия, в зависимости от степени важности), задача предприятий – выполнять свою производственную программу с учетом рыночной конъюнктуры.

В этих сложных условиях игрокам рынка оптовой торговли промышленным оборудованием нужно вести грамотную маркетинговую политику, чтобы оперативно получать ответ на вопрос, что сейчас нужно рынку в тех сегментах, откуда ушли иностранные производители.

Список источников

1. Uncertainty in industrial markets: The COVID-19 pandemic / R. Matthews, B.N. Rutherford, D. Edmondson, L. Matthews // *Industrial Marketing Management*. 2022. Vol. 102. Pp. 364–376.
2. Широ́в А., Гусев М., Колпаков А. Постковидное восстановление экономики и энергетики // *Энергетическая политика*. 2021. № 12 (166). С. 14–23.
3. An estimation of the European industrial heat pump market potential / A. Marina, S. Spoelstra, H.A. Zondag, A.K. Wemmers // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. Vol. 139. P. 110545.
4. Грузков И.В., Скиперская Е.В., Русановский Е.В. Исследование сегментов рынка инфраструктуры промышленного интернета // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. Т. 11, № 12-1. С. 442–453.
5. Бабкин А.В., Фортунова У.В. Инструментарий управления конкурентным устойчивым развитием высокотехнологичных предприятий радиоэлектронной промышленности // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2019. Т. 12, № 4. С. 157–169.
6. Tracing the technology development and trends of hard carbon anode materials - A market and patent analysis / L. Huiting, M. Bau-mann, X. Dou [et al.] // *Journal of Energy Storage*. 2022. Vol. 56, part B. P. 105964.
7. Шишкова Т.В. Ключевые условия и особенности функционирования оптовых торговых организаций на рынке промышленного насосного оборудования в России // *Современная наука, общество, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2022 г. Пенза, 2022. С. 99–102.*
8. Ван Ц. Принципы управления логистическими рисками в электронной трансграничной оптовой торговле оборудованием // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022. № 3 (135). С. 154–158.
9. Бударина Н.А., Горохова М.К. Тенденции развития внешней торговли в современных условиях // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 6-1 (81). С. 160–164.
10. Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/862/events/> (дата обращения: 01.03.2025).

References

1. Uncertainty in industrial markets: The COVID-19 pandemic / R. Matthews, B.N. Rutherford, D. Edmondson, L. Matthews // *Industrial Marketing Management*. 2022. Vol. 102. Pp. 364–376.
2. Shirov A., Gusev M., Kolpakov A. Post-COVID recovery of the economy and energy // *Energy Policy*. 2021. No. 12 (166). Pp. 14–23.
3. An estimation of the European industrial heat pump market potential / A. Marina, S. Spoelstra, H.A. Zondag, A.K. Wemmers // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. Vol. 139. P. 110545.
4. Gruzkov I.V., Skiperskaya E.V., Rusanovsky E.V. Research of the industrial internet infrastructure market segments // *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2021. Vol. 11, No. 12-1. Pp. 442–453.
5. Babkin A.V., Fortunova U.V. Tools for managing competitive sustainable development of high-tech enterprises in the radio-electronic industry // *Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnical University. Economic sciences*. 2019. Vol. 12, No. 4. Pp. 157–169.
6. Tracing the technology development and trends of hard carbon anode materials - A market and patent analysis / L. Huiting, M. Bau-mann, X. Dou [et al.] // *Journal of Energy Storage*. 2022. Vol. 56, part B. P. 105964.
7. Shishkova T.V. Key conditions and features of the functioning of wholesale trade organizations in the industrial pumping equipment market in Russia // *Modern science, society, education: current issues, экономического университета*. 2025. № 9 (251)

achievements and innovations : collection of articles of the II International scientific and practical conference, Penza, Sept. 15, 2022. Penza, 2022. Pp. 99–102.

8. Wang Ts. Principles of logistics risk management in electronic cross-border equipment wholesale // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. No. 3 (135). Pp. 154–158.

9. Budarina N.A., Gorokhova M.K. Trends in the development of foreign trade in modern conditions // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 6-1 (81). Pp. 160–164.

10. State Program of the Russian Federation "Development of Industry and Increasing its Competitiveness". URL: <http://government.ru/rugovclassifier/862/events/> (date of access: 01.03.2025).

Информация об авторах

С.И. Макаров – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики Самарского государственного экономического университета;

М.А. Лукьянов – аспирант кафедры статистики и эконометрики Самарского государственного экономического университета;

Д.В. Иванов – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры безопасности информационных систем Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доцент кафедры цифровых технологий Приволжского государственного университета путей сообщения;

И.Л. Сандлер – старший преподаватель кафедры «Цифровые технологии» Приволжского государственного университета путей сообщения.

Information about the authors

S.I. Makarov – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics at Samara State University of Economics;

M.A. Lukianov – postgraduate student of the Department of Statistics and Econometrics at Samara State University of Economics;

D.V. Ivanov – Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Systems Security at Samara National Research University, Associate Professor of the Department of Digital Technologies at the Volga State Transport University;

I.L. Sandler – senior lecturer at the Department of Digital Technologies at the Volga State Transport University.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 79–90.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 79–90.

Научная статья
УДК 331.108

Роль кадровой безопасности в становлении технологического суверенитета и укреплении экономической безопасности региона

Максим Дмитриевич Пирожков

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия,
offshoreengineer90@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления технологического суверенитета в настоящее время и его роль в укреплении экономической безопасности государства. В условиях санкционных ограничений вопросы экономической безопасности приобрели первоочередное значение по сравнению с вопросами глобализации экономики. Появление в последние годы в России правовых документов, определяющих становление и развитие технологического суверенитета, также подтверждает возросшую роль безопасности в этой сфере. В работе дана оценка российского и международного опыта повышения уровня экономической безопасности страны через формирование технологической независимости и регулирование сферы технологий. Исследованы показатели экономической безопасности, характеризующие инновационную активность регионов. Проведен анализ структуры и динамики внедрения технологических инноваций в нашей стране. Показатели сгруппированы по федеральным округам и по степени лидерства в тех или иных направлениях. Отдельное внимание уделено взаимосвязи инновационной активности и производительности труда. Исходя из значительной роли человеческого капитала в формировании технологического суверенитета определена роль кадровой безопасности в становлении технологического суверенитета и укреплении экономической безопасности государства. Выявлены основные характеристики кадровой безопасности, влияющие на повышение технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет, кадровая безопасность, экономическая безопасность, инновационная активность, инновации, производительность труда

Основные положения:

- ♦ становление экономической безопасности и уровень технологического суверенитета государства тесно связаны и дают синергетический эффект при взаимном увеличении;
- ♦ показатели роста экономики, инновационной активности организаций и регионов формируют информационное поле для оценки как уровня технологического суверенитета, так и экономической безопасности государства;
- ♦ эффективность внедрения инноваций может определяться через рост производительности труда;
- ♦ кадровая безопасность, являющаяся элементом системы экономической безопасности, выступает фактором формирования технологического суверенитета страны.

Для цитирования: Пирожков М.Д. Роль кадровой безопасности в становлении технологического суверенитета и укреплении экономической безопасности региона // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 79–90.

The role of personnel security in the development of technological sovereignty and strengthening the economic security of the region

Maxim D. Pirozhkov

Samara State Technical University, Samara, Russia, offshoreengineer90@gmail.com

Abstract. This article investigates the current development of technological sovereignty and its role in strengthening the country's economic security. In the context of sanctions, economic security issues have become more important than those related to economic globalization. The emergence of legal documents in Russia in recent years that define the formation and development of technological sovereignty also confirms the increased importance of security in this area. This paper assesses Russian and international experience in enhancing the country's economic security through the development of technological independence and regulation of the technology sector. Economic security indicators characterizing the innovative activity of regions are examined. An analysis of the structure and dynamics of technological innovation implementation in our country is conducted. The indicators are grouped by federal districts and by the degree of leadership in certain areas. Special attention is paid to the relationship between innovative activity and labor productivity. Based on the significant role of human capital in the formation of technological sovereignty, the role of personnel security in the development of technological sovereignty and strengthening the state's economic security is determined. The main characteristics of personnel security that influence the increase of technological sovereignty are identified.

Keywords: technological sovereignty, personnel security, economic security, innovative activity, innovation, labor productivity

Highlights:

- ♦ the development of economic security and the level of technological sovereignty of the state are closely linked and produce a synergistic effect when mutually enhanced;
- ♦ indicators of economic growth and the innovative activity of organizations and regions form the information field for assessing both the level of technological sovereignty and the economic security of the state;
- ♦ the effectiveness of innovation implementation can be determined through increased labor productivity;
- ♦ personnel security, an element of the economic security system, is a factor in the formation of the country's technological sovereignty.

For citation: Pirozhkov M.D. The role of personnel security in the development of technological sovereignty and strengthening the economic security of the region // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 79–90. (In Russ.).

Введение

За все время существования новой России обеспечение экономической безопасности страны было в числе приоритетных задач. Сегодня предикативный подход к снижению последствий возникающих вызовов дает положительные результаты.

Наиболее значимые угрозы и вызовы для нашей страны сформулированы в Стратегии экономической безопасности [1]. Такие рамочные документы приняты во многих странах мира, так как обеспечение экономической

стабильности и защита от внутренних и внешних угроз являются важными задачами для любого государства.

Технологический суверенитет, по мнению ряда исследователей, составляет основу экономической безопасности страны [2–4].

Ю.К. Князев в своей работе определил, что технологическое развитие должно сочетаться с построением народнохозяйственного комплекса, обеспечивающего устойчивость экономики при возможных международных катаклизмах [5].

Введение санкций и уход некоторых технологических компаний с российского рынка, по мнению И.В. Караваева и М.Ю. Лев, безусловно повышает экономические риски страны, однако при этом наблюдается смещение внимания на освоение новых, сквозных технологий, способных качественно преобразовать большинство отраслей российской экономики [3]. Это даст стимул развития научным экономическим и технико-технологическим школам и повысит скорость раскрытия научного потенциала нашей страны.

Н.П. Ездина и А.О. Абрамов считают, что решение проблем обеспечения экономической безопасности возможно при достижении технологического суверенитета за счет расширения программ импортозамещения, стимулирования развития несырьевого высокотехнологического экспорта продукции и интеграционных горизонтальных связей между субъектами бизнеса [6].

Целью данной работы является исследование тенденций укрепления экономической безопасности государства через становление его технологического суверенитета и выявления роли кадровой составляющей.

Для достижения поставленной цели автором определены следующие задачи:

- ♦ выявить угрозы снижения экономической безопасности, основанные на технологических факторах;
- ♦ определить основные показатели технологического суверенитета, характеризующие экономическую безопасность государства;
- ♦ исследовать тенденции изменений инновационной активности в Российской Федерации, в том числе в части технологических инноваций;
- ♦ определить факторы, обеспечивающие эффективность внедрения технологических инноваций;
- ♦ дать оценку роли кадровой безопасности в системе экономической безопасности государства и становления технологического суверенитета.

Методы

Исследование основано на применении системного подхода к изучению проблем технологического суверенитета и его места в си-

стеме экономической безопасности России. Материалами исследования выступили многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам обеспечения экономической безопасности государства и национальной экономики.

Исследование выполнено с использованием системного, причинно-следственного методов, сравнительного, ситуационного анализа и метода аналогий. Информационно-эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты в области обеспечения экономической безопасности и технологического развития России, данные Федеральной службы государственной статистики, а также информационно-аналитических и рейтинговых агентств.

Результаты

Технологический суверенитет представляет собой прежде всего уровень независимости страны в сфере критически важных техники и технологий, гарантирует стабильное экономическое развитие и раскрывает возможности продвижения национальных интересов. Таким образом, можно сказать, что технологический суверенитет – это долгосрочный механизм обеспечения инновационного развития высокотехнологических отраслей с целью производства системно значимых критических и сквозных технологий отраслевого и межотраслевого назначения, высокотехнологичной продукции и разработки конкурентоспособных решений.

В упомянутой выше Стратегии экономической безопасности РФ отмечены следующие угрозы, относящиеся непосредственно к технологическому суверенитету (рис. 1).

Вопросы обеспечения технологического суверенитета с целью роста экономической безопасности прорабатываются государственными органами большинства стран, как развитых, так и развивающихся. На фоне зависимости уровня экономической безопасности от структуры технологического суверенитета возникает необходимость его формирования в критически важных отраслях производственно-экономического хозяйства [7; 8]. Для оценки международного опыта в сфере формирования стратегий экономической безопас-

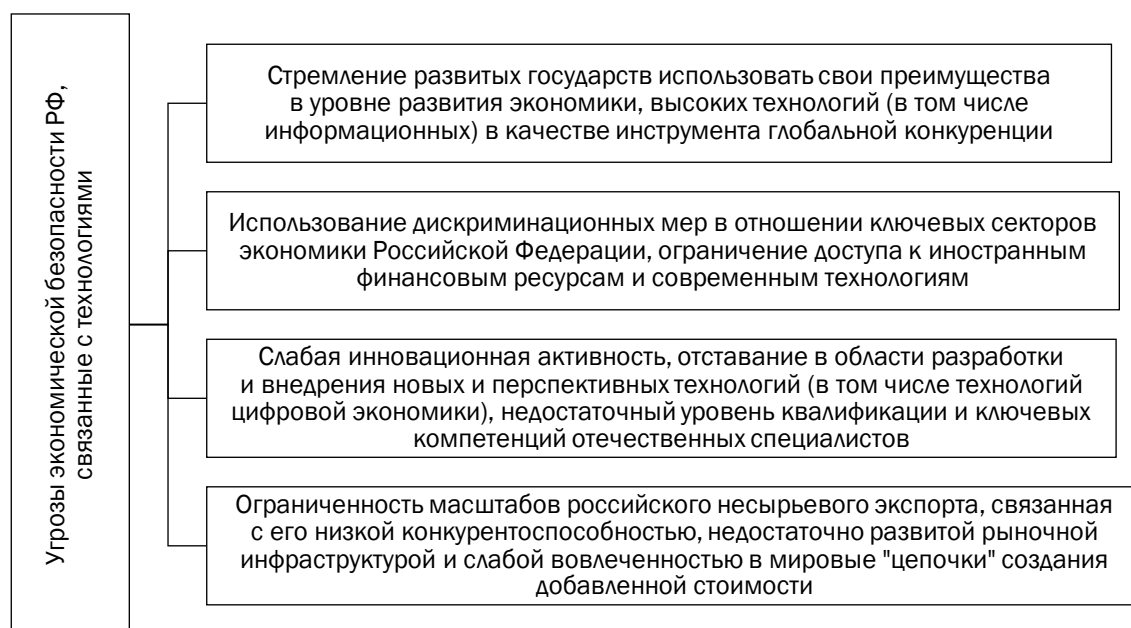

Рис. 1. Угрозы экономической безопасности РФ, связанные с технологиями*

* Составлено по: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

ности разберем вопросы ее регулирования в различных странах.

В США стратегия технологической независимости интегрирована в Национальную стратегию безопасности и Национальную стратегию в области искусственного интеллекта (National Security Strategy, National Defense Strategy). В их рамках уделяется внимание защите критической инфраструктуры, технологическому лидерству и противодействию экономическому шпионажу. Особое значение в США придается защите критических технологий (например, полупроводников, квантовых вычислений, ИИ) и ограничению передачи технологий потенциальным конкурентам (например, Китаю). В 2022 г. был принят CHIPS and Science Act, направленный на развитие собственного производства полупроводников.

В Китае активно развиваются стратегии экономической безопасности в рамках политики «Двойного обращения» (Dual Circulation Strategy), которая направлена на укрепление внутреннего рынка и снижение зависимости от внешних факторов. Помимо этого, активно продвигается программа «Сделано в Китае 2025» (Made in China 2025), которая направлена на достижение технологической независимости в ключевых отраслях, таких как мик-

роэлектроника, робототехника, аэрокосмическая промышленность и биотехнологии.

В Европейском союзе вопросы экономической безопасности, сопряженные с технологическим суверенитетом, регулируются как на уровне отдельных стран, так и на общеевропейском уровне. Например, в рамках Европейской стратегии промышленной политики и Европейского акта о чипах (European Chips Act) уделяется внимание защите критических технологий и цепочек поставок.

Япония также разработала стратегии экономической безопасности, включая Закон об экономической безопасности, принятый в 2022 г., который направлен на защиту критических технологий, инфраструктуры и цепочек поставок.

Индия также активно работает по исследуемым проблемам, включая защиту критической инфраструктуры и продовольственной безопасности, в рамках своей Национальной стратегии безопасности. Как и Китай, Индия реализует программу «Сделано в Индии» (Make in India), которая направлена на развитие собственного производства и технологий.

В Великобритании, как и в США, вопросы экономической безопасности интегрированы в Стратегию национальной безопасности, где

уделяется внимание кибербезопасности, защите критической инфраструктуры и устойчивости экономики.

Эти стратегии направлены на минимизацию рисков, связанных с глобальными вызовами, такими как экономические санкции, кибератаки, дестабилизация рынков и зависимость от критических ресурсов. Каждая страна адаптирует свои подходы в зависимости от национальных приоритетов и внешних условий.

Таким образом, стратегии технологической независимости активно разрабатываются и реализуются во многих странах, особенно в условиях глобальной конкуренции и стремления снизить зависимость от иностранных технологий, включают меры по развитию собственных технологий, поддержке исследований и разработок, а также защите критических отраслей.

Исследуя показатели, предлагаемые для оценки технологического суверенитета [9; 10], а также показатели для оценки состояния экономической безопасности России по данным Федеральной службы государственной статистики, можно выделить значительное число совпадений и пересечений.

В первую очередь это показатели, характеризующие общий рост экономики, среди них доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте, индекс физического объема ВВП, доля инвестиций в машины, оборудование в общем объеме инвестиций в основной капитал и т.д.

Далее, среди совпадений в оценках можно выделить группу показателей, характеризующих изменения в инновационной деятельности.

Это и доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, а также значение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем и региональном продукте, доля организаций, осуществляющих технологические инновации и др.

Это подтверждает очень тесную взаимосвязь двух дефиниций «экономическая безопасность» и «технологический суверенитет».

Проведем исследование изменений некоторых из этих показателей за последнее время. На основании статистических исследований Росстата сформирована табл. 1, отражающая уровень инновационной активности организаций по федеральным округам Российской Федерации.

В табл. 1 видно, что рост инновационной активности произошел во всех федеральных округах за последние 5 лет. Наибольший прирост по сравнению с 2019 г. наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, что связано скорее с его изначально низким уровнем. Наиболее высокий рост и уровень инновационной активности традиционно в Центральном и Приволжском федеральных округах. Северо-Западный округ отстает, но незначительно. Среди высоких темпов прироста округов-лидеров можно также отметить результаты ПФО.

Инновационная активность представляет собой долю организаций, осуществляющих инновации, причем не только технологические, но и организационные. Для оценки уровня тех-

Таблица 1

Уровень инновационной активности по федеральным округам*

Субъект Российской Федерации	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Отн. откл., 2023/2019, %
Российская Федерация	9,1	10,8	11,9	11,0	11,3	24,2
Приволжский федеральный округ	11,6	15,5	16,7	15,9	16,7	44,0
Центральный федеральный округ	10,8	12,5	12,6	11,0	12,0	11,1
Южный федеральный округ	7,5	8,0	11,9	10,8	11,3	50,7
Северо-Западный федеральный округ	10,1	10,8	11,0	10,6	10,9	7,9
Уральский федеральный округ	9,3	10,2	11,1	9,9	9,8	5,4
Сибирский федеральный округ	7,5	9,8	9,3	9,2	9,4	25,3
Дальневосточный федеральный округ	6,0	6,9	7,7	7,4	6,4	6,7
Северо-Кавказский федеральный округ	1,7	3,5	4,6	4,0	3,6	111,8

* Составлено по данным Росстата.

нологического суверенитета, безусловно, особое значение имеют именно технологические инновации. На рис. 2 представлено соотношение совокупного уровня инновационной активности России в сравнении именно с уровнем технологических инноваций.

По данным рис. 2 наблюдается значительный рост в 2019 г. и последующая позитивная динамика как в части технологических, так и в общем уровне инноваций. После 2022 г. прирост технологических инноваций превысил прирост инноваций в целом, что обусловлено

необходимостью формирования собственных технологических разработок после введения санкций против РФ. Данный фактор также привел к сокращению технологической активности в 2022 г. в сравнении с 2021 г. Собственные технологические инновации составляют основу формирования технологического суверенитета. Определим виды инноваций и их изменения (табл. 2).

Наибольший прирост демонстрируется в части инноваций, связанных с интеллектуальными правами, возникший дефицит лицензий

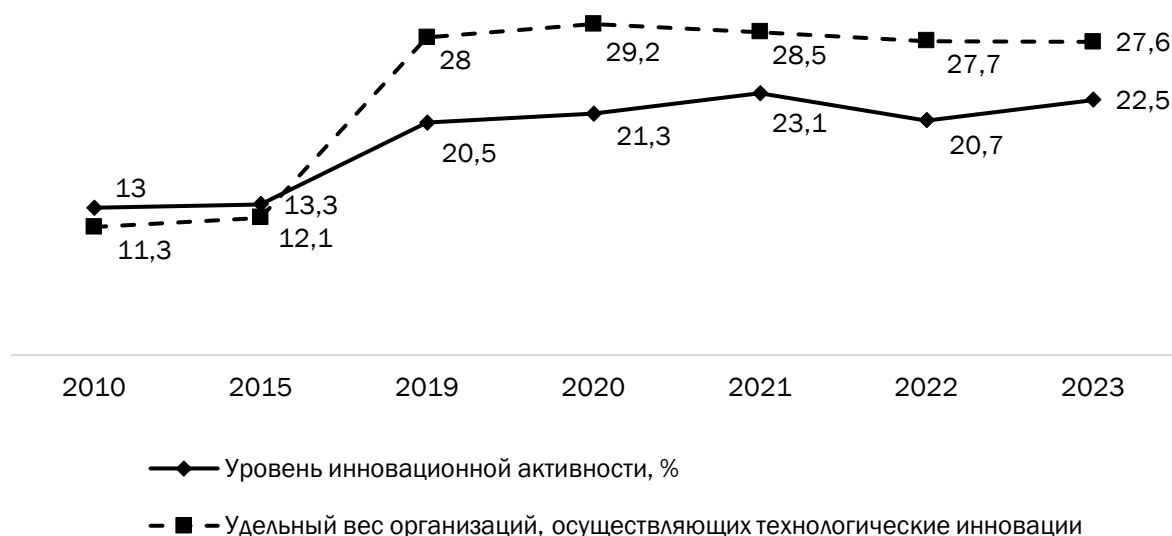

Рис. 2. Сравнение уровня технологической и инновационной активности в РФ, 2010–2023 гг.

Таблица 2

Внедрение инноваций по видам деятельности, % от числа организаций, имевших затраты на инновационную деятельность*

Вид инноваций	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Темп прироста	
				2022/ 2021, %	2023/ 2022, %
Приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности	38,5	26,1	49,9	-32,2	91,2
Приобретение машин и оборудования	46	53,8	44,4	17,0	-17,5
Исследования и разработки	38,2	43,8	33,8	14,7	-22,8
Разработка и приобретение программ для ЭВМ и баз данных	20,2	22,6	16,4	11,9	-27,4
Инжиниринг	14,7	15	11	2,0	-26,7
Обучение и подготовка персонала	11,9	13,2	10,3	10,9	-22,0
Маркетинг и создание бренда	8	9,1	6,8	13,8	-25,3
Дизайн	5,5	6,2	4,3	12,7	-30,6

* Составлено по: Индикаторы инновационной деятельности, 2025 : стат. сб. / В.В. Власова, Л.М. Го-хберг, Г.А. Грачева [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : ИСИЗ ВШЭ, 2025. 196 с.

и патентов привел к всплеску патентной активности в Российской Федерации.

Все остальные виды инноваций демонстрируют отрицательный прирост в 2023 г. по сравнению с 2022 г., что связано с существенным ростом в прошлом году, т.е. возникший из-за санкций дефицит технологий в 2022 г. привел к их наращиванию (например, в части инноваций, связанных с приобретением машин и оборудования, исследований и разработок и т.д.). По всем инновациям, кроме патентных, в 2022 г. наблюдался рост. После такого быстрого роста в 2023 г. последовал спад, обусловленный использованием этих инноваций, внедрением непосредственно в процесс производства, поэтому и сами разработки показали отрицательный рост. Видно, что в наибольшей степени снижение было именно по тем типам инноваций, по которым был наибольший рост в 2022 г.

Рассмотрим результаты выпуска инновационных товаров (работ, услуг) в высоко-, средне- и низкотехнологичных производствах. Общий объем производства всех обрабатывающих производств составил в 2023 г. в нашей стране 1 112 836,4 млн руб. Структура распределения этих объемов по технологичности производств представлена на рис. 3.

Наибольший объем занимают среднетехнологичные производства низкого уровня, к

которым относят металлургическое производство, производство деталей (без машин и оборудования), строительство кораблей и др. Данные отрасли являются для нашей страны значимыми и составляют наибольший прирост ВВП из «несырьевых» производств. Высокотехнологичные отрасли – это производство лекарственных средств, компьютерного оборудования и летательных аппаратов.

Обсуждение

Общий балансовый расчет за 50-летний период в целом показывает, что колоссальная и растущая преимущественно все более Помимо инновационной активности, при оценке уровня экономической безопасности (в соответствии с Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208) [1], а также уровня достижения технологического суверенитета используют показатель индекса производительности труда, так как предполагается, что рост инновационной активности приводит к увеличению производительности труда. Инновации играют ключевую роль в повышении эффективности производства, улучшении технологических процессов и внедрении новых методов управления. Внедрение передовых технологий, автоматизация и цифровизация процессов позволяют сократить затраты времени и ресурсов на производство, что повышает производи-

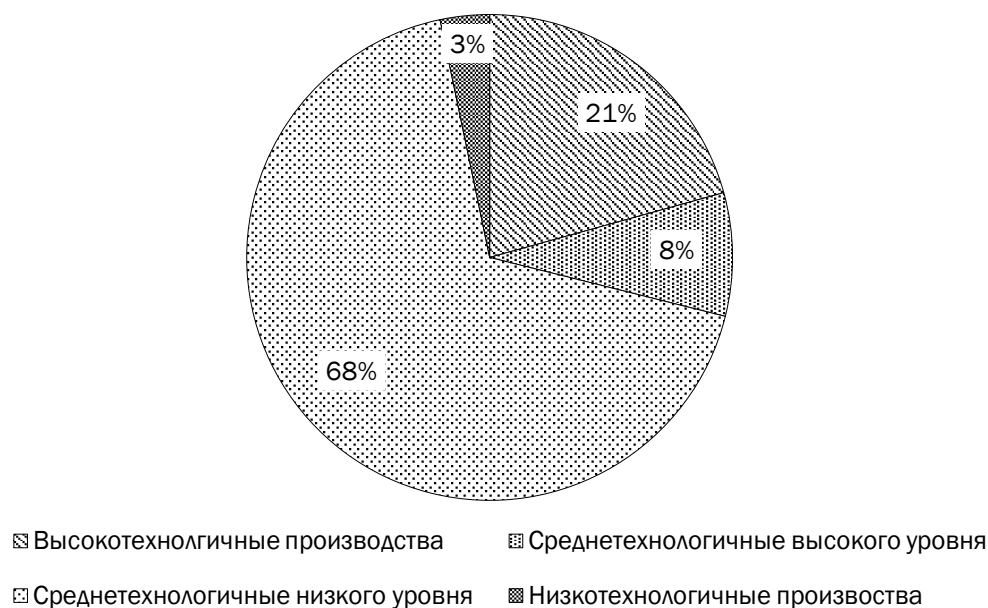

Рис. 3. Структура выпуска инновационных товаров по видам обрабатывающих производств

тельность труда. Инновационная активность часто сопровождается повышением уровня образования и навыков работников, что способствует более эффективному использованию трудовых ресурсов. Инновации стимулируют конкуренцию между предприятиями, что заставляет их искать более эффективные способы производства и управления.

Рассмотрим показатели производительности труда для лидеров инновационной активности среди федеральных округов по данным в 2023 г. (табл. 3).

По данным табл. 3 можно проследить, что в исследуемых федеральных округах не всегда рост инновационной активности сопряжен с ростом производительности. Так, в Приволжском федеральном округе наблюдался рост инновационной активности в 2020 и 2021 гг., при этом производительность труда снижается, даже в последующем 2022 г. Безусловно, фактор пандемии не следует исключать, но при сокращении инновационной активности в регионе в период 2017–2019 гг. наблюдался рост производительности труда. При исследовании показателей Центрального федерального округа также не прослеживается однозначная зависимость. Индекс производительности в 2019–2020 гг. был на уровне выше 102%, при этом инновационная активность в 2019 г. снизилась на рекордные 5,4% (с 6,2% до 10,8% в 2019 г.).

В Южном федеральном округе, где наименьшая инновационная активность в

2019–2020 гг., наблюдаются наибольшие индексы производительности за исследуемый период (более 103%). Северо-западный округ характеризуется наименьшими значениями индекса производительности, и если в 2022 г. низкая инновационная активность сопряжена с низкой производительностью, то в предыдущие периоды такого не наблюдается.

Ограниченный объем выборки не дает возможности однозначных утверждений, однако можно говорить, что в текущем периоде нельзя говорить о значительном влиянии инновационной активности на производительность труда в регионе.

Автором данной работы технологический суверенитет представляется через четыре сущностные характеристики: научную, инновационную, технологическую и кадровую [11]. Научная характеристика формируется на основании научных исследований и роста научных открытий.

Инновационная характеристика предполагает процесс освоения этих научных исследований в народное хозяйство, посредством которого формируется технологическая характеристика, т.е. уже внедрение инноваций в непосредственно технологический процесс. Все эти сущностные характеристики базируются на человеческом капитале, формирующем кадровую составляющую.

Исходя из исследуемых показателей, используемых для оценки экономической безопасности, можно констатировать присутствие

Таблица 3

Сравнение инновационной активности и индекса производительности труда по федеральным округам РФ*

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Приволжский федеральный округ						
Индекс производительности труда, %	103,11	102,83	103,49	101,34	100,73	100,82
Уровень инновационной активности, %	14,3	13,3	11,6	15,5	16,7	15,9
Центральный федеральный округ						
Индекс производительности труда, %	102,28	103,04	102,43	102,28	103,47	96,84
Уровень инновационной активности, %	18,5	16,2	10,8	12,5	12,6	11,0
Южный федеральный округ						
Индекс производительности труда, %	100,77	99,69	103,06	103,02	100,42	99,12
Уровень инновационной активности, %	11,9	9,5	7,5	8,0	11,9	10,8
Северо-Западный федеральный округ						
Индекс производительности труда, %	102,82	101,96	102,61	99,78	105,46	97,62
Уровень инновационной активности, %	15,9	15,9	10,1	10,8	11,0	10,6

* Составлено по данным Росстата.

всех составляющих технологического суверенитета, кроме кадровой.

В качестве структурного элемента экономической безопасности ряд исследователей выделяют кадровую безопасность [8; 12; 13].

Кадровая безопасность – это комплекс мер, направленных на защиту организации, государства или общества от угроз, связанных с человеческим фактором. Она включает в себя обеспечение стабильности, эффективности и защищенности кадрового потенциала, а также предотвращение рисков, которые могут возникнуть из-за некомпетентности, нелояльности или злонамеренных действий сотрудников. Среди ключевых угроз кадровой безопасности, влияющих на степень достижения технологического суверенитета, можно выделить утечку конфиденциальной информации, вредительство со стороны нелояльных сотрудников, низкую квалификацию персонала, ведущую к ошибкам и потерям. Помимо этого, следует понимать, что вербовка сотрудников конкурентами или иностранными спецслужбами прежде всего направлена на технологические секреты и ноу-хау.

Среди ключевых аспектов кадровой безопасности в разрезе обеспечения технологического суверенитета страны можно выделить следующие:

1. Защита от утечки информации, которая включает в себя предотвращение передачи информации о технологических разработках третьим лицам, повышение уровня контроля доступа сотрудников к тем данным, которые могут представлять интерес для внешних субъектов. Защита от утечки информации начинается с соблюдения правил информационной безопасности всеми сотрудниками стратегически важных организаций и гражданами страны. Поэтому повышение грамотности населения в этой сфере является направлением обеспечения не только кадровой безопасности, но и технологического суверенитета.

2. Обеспечение лояльности персонала. Если говорить об утечке информации в конкретном экономическом субъекте, являющемся работодателем, то умышленное раскрытие конфиденциальных сведений может быть спровоцировано нелояльным отноше-

нием сотрудника. Минимизация таких рисков возможна за счет повышения мотивации персонала, снижения риска нелояльности и поддержания благоприятного климата в коллективе.

3. Профессиональная компетентность. Кадровая безопасность определяется также эффективностью работы сотрудников. Поддержание достаточного уровня квалификации кадров, их регулярное обучение позволяет повысить уровень кадровой безопасности. Для мониторинга этого направления рекомендуется постоянная оценка профессиональных навыков и соответствия должности.

4. Предотвращение иных и прочих внутренних угроз. Помимо описанных выше рисков и угроз, периодически следует проводить оценку рисков, связанных с действиями сотрудников, которые могут представлять угрозу для организации (например, склонных к мошенничеству, саботажу или шпионажу). Помимо этого, рекомендуется всесторонний мониторинг поведения и активности персонала.

5. Психологическая безопасность также является частью кадровой безопасности. Формирование комфортной рабочей среды приводит к минимизации стрессовых факторов, которые снижают уровень безопасности. Предотвращение конфликтов, буллинга и других негативных проявлений в коллективе положительно влияет и на лояльность персонала, и на его производительность труда.

6. Юридическая защита. Работодателю необходимо помнить о соблюдении трудового законодательства, заключении договоров о неразглашении коммерческой тайны и защите прав работодателя в случае нарушений со стороны сотрудников.

Отметим, что на уровне государства повышение кадровой безопасности в каждом экономическом субъекте дает возможность формирования кадрового потенциала для ведущих отраслей народного хозяйства, что является базовым фактором становления и укрепления технологического суверенитета. Наличие достаточного обеспечения кадрами в науке, технологических производствах является основой технологического и инновационного развития страны.

Заключение

Становление технологического суверенитета, повышение его уровня и поддержание является одной из ключевых задач нашей страны. Достижение экономической безопасности страны невозможно без формирования достаточного уровня технологического суверенитета.

Проведя анализ основных показателей, используемых для оценки уровня научно-технологического развития, а также уровня экономической безопасности, было выявлено их значительное совпадение по ряду индикаторов. Особенно это касается оценки инновационной активности, структуры инноваций, индекса производительности труда. Определены тенденции достижения экономической безопасности через формирование технологического суверенитета. Так, рост инновационной активности после введения санкций в результате начала специальной военной операции был в большей мере спровоцирован необходимостью формирования собственной патентной базы и интеллектуальных прав.

Выявлено, что в округах – лидерах инновационной активности не всегда обеспечивается достаточный рост производительности труда и высокий уровень кадровой безопасности. Ре-

зультатом внедрения инноваций является повышение эффективности производств, поэтому отсутствие таких изменений ставит под сомнение целесообразность их введения. Данный фактор также может быть связан с замедленной иностранной технологий на российские и дает возможность повышения суверенности в будущих периодах. Наряду с этим в работе определено, что исходя из квадрипаритетной сущности технологического суверенитета основой формирования научной, технологической и инновационной составляющих является кадровая.

Кадровая безопасность играет ключевую роль в обеспечении устойчивости и конкурентоспособности экономических субъектов и, следовательно, государства. Она дает возможность минимизировать риски, связанные с человеческим фактором, координирует и синхронизирует задачи по привлечению высококлассных специалистов в приоритетные отрасли промышленности, решает проблему дефицита кадров с высшим образованием, обеспечивает профессиональную целевую переподготовку, создает условия для эффективного функционирования хозяйственной системы страны в долгосрочной перспективе [см. также: 14].

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Ештокин С.В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1301–1314. doi:10.18334/vines.12.3.116193.
3. Караваева И.В., Лев М.Ю. Экономическая безопасность: технологический суверенитет в системе экономической безопасности в современной России // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 3. С. 905–924. doi:10.18334/ecsec.6.3.118475.
4. Новикова Н.В., Данилов Т.Д. Технологический суверенитет в системе обеспечения экономической безопасности России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-3 (97). С. 21–27. doi:10.24412/2500-1000-2024-10-3-21-27.
5. Князев Ю.К. Изменение российской стратегии технологического развития в ответ на самоизоляцию Запада // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 2. С. 675–688. doi:10.18334/ecsec.6.2.117810.
6. Ездина Н.П., Абрамов А.О. Экономическая безопасность и технологический суверенитет России в условиях внешних шоков // Экономика и управление инновациями. 2024. № 3 (30). С. 89–96. doi:10.26730/2587-5574-2024-3-89-96.
7. Ткачев М.В., Береснев Н.Р. Кадровые угрозы как основной деструктивный фактор экономической безопасности организации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250, № 6. С. 343–364.

8. Тюгин М.А., Наумова О.А. Методика мониторинга финансовой безопасности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217, № 3. С. 410–420.

9. Данейкин Ю.В. Достижение технологического суверенитета высокотехнологичных отраслей экономики РФ: состояние и перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 4. С. 74–92. doi:10.28995/2073–6304– 2022–4-74–92.

10. Оценка уровня технологического развития: региональный аспект / Е.П. Гармашова, А.М. Дребот, А.Г. Баранов [и др.] // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 4. С. 2005–2020. doi:10.18334/vinec.10.4.111297.

11. Пирожков М.Д. Направления развития технологического суверенитета автомобильной промышленности Самарской области // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 2.

12. Волкова Т.А., Серебрякова Н.А., Волкова С.А. Кадровая безопасность государства // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 2 (65). С. 136–143.

13. Кадровая безопасность в системе экономической безопасности / Г.Е. Крохичева, Э.Л. Архипов, М.А. Виноградова, Д.Е. Деточка // Наукoведение : интернет-журнал. 2016. Т. 8, № 3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/94EVN316.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

14. Naumova O.A., Svetkina I.A., Tyugin M.A. Problem analysis of agriculture development in Russia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : International Science and Technology Conference "EarthScience", Russky Island, December 10–12, 2019. Vol. 459, 6, Chapter 5. Russky Island : Institute of Physics Publishing, 2020. P. 062066. doi:10.1088/1755-1315/459/6/062066.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030".

2. Yeshtokin S.V. End-to-end technologies of the digital economy as a factor in the formation of technological sovereignty of the country // Issues of innovative economy. 2022. Vol. 12, No. 3. Pp. 1301–1314. doi:10.18334/vinec.12.3.116193.

3. Karavaeva I.V., Lev M.Yu. Economic security: technological sovereignty in the economic security system in modern Russia // Economic security. 2023. Vol. 6, No. 3. Pp. 905–924. doi:10.18334/ecsec.6.3.118475.

4. Novikova N.V., Danilov T.D. Technological sovereignty in the system of ensuring Russia's economic security // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 10-3 (97). Pp. 21–27. doi:10.24412/2500-1000-2024-10-3-21-27.

5. Knyazev Yu.K. Changing the Russian strategy of technological development in response to the self-isolation of the West // Economic security. 2023. Vol. 6, No. 2. Pp. 675–688. doi:10.18334/ecsec.6.2.117810.

6. Yezdina N.P., Abramov A.O. Economic security and technological sovereignty of Russia in the context of external shocks // Economics and innovation management. 2024. No. 3 (30). Pp. 89–96. doi:10.26730/2587-5574-2024-3-89-96.

7. Tkacheva M.V., Beresnev N.R. Personnel threats as the main destructive factor of the economic security of an organization // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 250, No. 6. Pp. 343–364.

8. Tyugin M.A., Naumova O.A. Methodology of financial security monitoring // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2019. Vol. 217, No. 3. Pp. 410–420.

9. Daneikin Yu.V. Achieving technological sovereignty of high-tech sectors of the Russian economy: state and prospects // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Right. 2022. No. 4. Pp. 74–92. doi:10.28995/2073–6304– 2022–4-74–92.

10. Assessment of the level of technological development: a regional aspect / E.P. Garmashova, A.M. Drobot, A.G. Baranov [et al.] // Issues of innovative economy. 2020. Vol. 10, No. 4. Pp. 2005–2020. doi:10.18334/vinec.10.4.111297.

11. Pirozhkov M.D. Directions of development of technological sovereignty of the automotive industry of the Samara region // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2025. No. 2.

12. Volkova T.A., Serebryakova N.A., Volkova S.A. Personnel security of the state // Region: systems, economics, management. 2024. No. 2 (65). Pp. 136–143.

13. Personnel security in the economic security system / G.E. Krokhicheva, E.L. Arkhipov, M.A. Vinogradova, D.E. Detochka // Science Studies : online journal. 2016. Vol. 8, No. 3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/94EVN316.pdf> (date of access: 15.02.2025).

14. Naumova O.A., Svetkina I.A., Tyugin M.A. Problem analysis of agriculture development in Russia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : International Science and Technology Conference "EarthScience", Russky Island, December 10–12, 2019. Vol. 459, 6, Chapter 5. Russky Island : Institute of Physics Publishing, 2020. P. 062066. doi:10.1088/1755-1315/459/6/062066.

Информация об авторе

М.Д. Пирожков – аспирант Самарского государственного технического университета.

Information about the author

M.D. Pirozhkov – postgraduate student of the Samara State Technical University.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 91–102.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 91–102.

Научная статья
УДК 364.62:332.14

Барьеры развития ресурсных центров для СО НКО: региональный аспект (на материалах СЗФО)

Денис Сергеевич Тюхов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В.И. Ульянова, Санкт-Петербург, Россия, d.tyukhov@yandex.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблематика функционирования ресурсных центров (РЦ) поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в регионах Северо-Западного федерального округа. РЦ рассматриваются как ключевой субъект инфраструктурной поддержки на региональном и местном уровнях. На основании проведенного качественного исследования, включавшего полуструктурированные интервью с руководителями и специалистами РЦ (n=21), а также анализа вторичных данных автором идентифицированы проблемы и барьеры развития РЦ на региональном уровне, связанные со стабильностью финансирования, развитием кадрового потенциала, а также взаимодействием с другими субъектами. В заключение предложены направления совершенствования инфраструктурной поддержки СО НКО, включая разработку концепта стандарта развития инфраструктурной поддержки, направленного на повышение устойчивости и эффективности РЦ в региональном контексте.

Ключевые слова: поддержка СО НКО, инфраструктурная поддержка, ресурсные центры, инфраструктурные организации, СЗФО

Основные положения:

- ♦ ресурсные центры играют важнейшую роль в укреплении некоммерческого сектора, предоставляя информационную, консультационную и образовательную поддержку СО НКО. Они способствуют повышению профессионализма организаций, развитию управленческих навыков сотрудников и укреплению взаимодействия с органами власти и бизнесом. Однако их потенциал ограничен системными вызовами, требующими комплексного решения;
- ♦ выявлены ключевые барьеры развития ресурсных центров в регионах СЗФО: нестабильность финансирования, кадровый дефицит и слабое межсекторное взаимодействие;
- ♦ барьеры поддержки РЦ на региональном уровне включают: отсутствие институциональной и стратегической основы развития субъектов инфраструктурной поддержки в большинстве регионов; ограниченный перечень инструментов поддержки РЦ; проектный характер финансовой поддержки, который зачастую не учитывает долгосрочную и постоянную специфику работу РЦ;
- ♦ региональному развитию РЦ свойственна дифференциация в количестве работающих РЦ в регионах и на муниципальном уровне, а также в механизмах их поддержки со стороны органов власти;
- ♦ направления совершенствования инфраструктурной поддержки СО НКО включают создание стандарта развития инфраструктурной поддержки СО НКО на региональном уровне с учетом лучших практик субъектов РФ и формирование институциональных основ развития инфраструктуры на федеральном уровне.

Для цитирования: Тюхов Д.С. Барьеры развития ресурсных центров для СО НКО: региональный аспект (на материалах СЗФО) // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 91–102.

Barriers to the development of resource centers for socially oriented non-profit organizations: a regional perspective (experience from the Northwestern Federal District)

Denis S. Tyukhov

St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov, Saint-Petersburg, Russia, d.tyukhov@yandex.ru

Abstract. This article addresses the issues surrounding the functioning of resource centers (RCs) supporting socially oriented non-profit organizations (SONPOs) in the regions of the Northwestern Federal District. RCs are viewed as key actors in providing infrastructural support at the regional and local levels. Based on a qualitative study, including semi-structured interviews with RC managers and specialists (n=21), and an analysis of secondary data, the author identified challenges and barriers to RC development at the regional level related to funding stability, human resource development, and interactions with other entities. Finally, the author proposes areas for improving infrastructural support for SONPOs, including the development of a concept for a standard for developing infrastructural support aimed at increasing the sustainability and effectiveness of RCs in the regional context.

Keywords: SONPO support, infrastructure support, resource centers, infrastructure organizations, NWFD

Highlights:

- ♦ resource centers play a crucial role in strengthening the non-profit sector by providing information, consulting, and educational support to NPOs. They contribute to enhancing the professionalism of organizations, developing the management skills of their employees, and strengthening interactions with government agencies and businesses. However, their potential is limited by systemic challenges that require a comprehensive solution;
- ♦ key barriers to the development of resource centers in the Northwestern Federal District have been identified: funding instability, staffing shortages, and weak intersectoral cooperation;
- ♦ barriers to supporting resource centers at the regional level include: the lack of an institutional and strategic framework for the development of infrastructure support entities in most regions; a limited range of support tools for resource centers; the project-based nature of financial support, which often does not take into account the long-term and ongoing specifics of resource centers' work;
- ♦ the regional development of resource centers is characterized by differentiation in the number of operating resource centers in the regions and at the municipal level, as well as in the mechanisms for their support from government authorities;
- ♦ areas for improving infrastructure support for NPOs include the creation of a standard for developing infrastructure support for NPOs at the regional level, taking into account the best practices of the constituent entities of the Russian Federation, and the formation of an institutional framework for infrastructure development at the federal level.

For citation: Tyukhov D.S. Barriers to the development of resource centers for socially oriented non-profit organizations: a regional perspective (experience from the Northwestern Federal District) // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 91–102. (In Russ.).

Введение

Социально ориентированные некоммерческие организации играют ключевую роль в решении актуальных социальных проблем, таких как поддержка уязвимых групп населения, развитие волонтерства, экологическая защита и укрепление местных сообществ. Их деятель-

ность не только дополняет государственные усилия, но и способствует формированию гражданского общества, повышая уровень социальной ответственности и вовлеченности граждан. Однако, несмотря на растущую значимость СО НКО, объемы государственной поддержки [1], их устойчивость остается под

вопросом. Одним из ключевых вызовов для СО НКО является ограниченная диверсификация источников дохода [2], что делает их зависимыми от грантовых механизмов и усиливает конкуренцию за государственные ресурсы. В таких условиях внутренний потенциал организации, ее управленческая компетентность и способность к институциональному развитию становятся определяющими факторами устойчивости.

Развитая инфраструктура поддержки играет ключевую роль в повышении эффективности и жизнеспособности СО НКО. Под инфраструктурой поддержки СО НКО обычно понимается совокупность специализированных организаций и их функций, направленных на повышение эффективности и устойчивости НКО. Ключевым субъектом инфраструктуры являются ресурсные центры, предоставляющие информационную, образовательную и консультационную поддержку [3]. РЦ способствуют повышению профессионализма НКО [4, с. 399], включая развитие управленческих навыков и подготовку волонтеров [3, с. 95]. Они также играют важную роль в укреплении взаимодействия между НКО и региональными органами власти [5]. При этом в научной среде термин «ресурсный центр» вызывает дискуссии [6], но именно он был закреплен в федеральном законодательстве [7] и стал общепринятым в практической деятельности [8].

Значимость РЦ для НКО последовательно растет. Согласно данным Мониторинга гражданского общества НИУ ВШЭ, доля НКО, заявляющих о потребности в поддержке РЦ, увеличилась с 5% в 2007 г. до 22% в 2023 г. [9, с. 139]. В регионах, где сложились сильные инфраструктурные организации (РЦ), заметно их влияние на развитие некоммерческого сектора [6]. Несмотря на значимость РЦ, их функционирование, особенно в аспекте взаимодействия с органами власти, является малоизученным. Проблематика инфраструктурной поддержки СО НКО до сих пор остается на периферии научного интереса. Лишь немногие исследования фокусируются на этой теме [10], тогда как в большинстве работ вопросы функционирования РЦ затрагиваются лишь косвенно [11] или сводятся к анализу отдельных кейсов. Стоит выделить работы Е.И. Кайбиче-

вой [12], М.Б. Полякова и соавторов [13], предметно рассматривающих отдельные аспекты функционирования РЦ. Существуют единичные исследования РЦ в контексте отдельных федеральных округов [14]. Однако комплексное изучение проблем и барьеров их развития в региональном контексте остается недостаточным.

Учитывая вышесказанное, цель этого исследования – выявить ключевые проблемы и барьеры в деятельности РЦ в регионах с акцентом на Северо-Западный федеральный округ и предложить направления для их преодоления и совершенствования. Выбор СЗФО в качестве полигона для исследования обусловлен, во-первых, доступностью данных для анализа, во-вторых, регионы СЗФО представляют набор разных показателей по уровню как некоммерческого сектора, так и поддержке СО НКО со стороны органов власти, что позволяет учесть максимально различные практики и составить цельную картину о состоянии инфраструктурной поддержки. В-третьих, детальных исследований инфраструктуры и барьеров для ее развития в СЗФО не проводилось. Таким образом, изучение проблем и барьеров развития РЦ в регионах СЗФО позволит не только восполнить существующий пробел в научном знании, но и предложить универсальные механизмы совершенствования инфраструктурной поддержки СО НКО, которые могут быть адаптированы для других федеральных округов.

Методы

Автором проведена серия полуструктурированных глубинных интервью с руководителями и специалистами РЦ в регионах СЗФО (n=21). Выбор респондентов осуществлялся по целевой выборке на основании ранее проведенного кабинетного исследования характеристик РЦ в регионах СЗФО [15]. Акцент был сделан на небольшие и средние региональные и местные РЦ (без учета крупных инфраструктурных организаций). Гайд интервью включал вопросы о направлениях деятельности РЦ, целевых аудиториях, актуальных проблемах и специфике взаимодействия с органами власти, бизнесом и другими субъектами. Материалы из интервью представлены в статье по договоренности с респондентами с указанием на роль

респондента и масштаб работы РЦ, но без указания конкретных названий организаций.

Интервью были расшифрованы и подвергнуты содержательному анализу для выявления ключевых барьеров и точек роста. Использовался метод тематического анализа для структурирования ответов и выявления общих тенденций. Для формирования более цельной картины проблем и барьеров в развитии РЦ в региональном контексте качественное исследование дополнено анализом таких вторичных источников информации, как нормативно-правовые акты в регионах, программы поддержки СО НКО регионального уровня, исследовательские публикации, материалы СМИ.

Результаты

Наиболее частый лейтмотив в ответах РЦ касательно ключевых проблем – отсутствие финансовой стабильности и устойчивости. Региональные программы грантовой поддержки ориентированы на проектный подход, который не всегда учитывает программный и долгосрочный характер работы РЦ. Например, один из руководителей РЦ муниципального уровня в интервью отметил:

«Во-первых, я считаю, что вообще ресурсные центры должны иметь какое-то минимальное стабильное финансирование со стороны государства, потому что грантовая история – это не совсем история ресурсных центров. Под многие конкурсы мы просто не подходим. Во-вторых, все-таки наша основная задача – постоянно находиться на плаву и как раз помогать некоммерческому сектору. Это сложно сделать, когда ты зависишь от грантов».

Анализ грантовых программ в регионах СЗФО показывает, что не везде реализуются отдельные программы для РЦ, что вынуждает ресурсные организации фактически конкурировать со своими благополучателями. Регионы, которые пошли по пути дифференциации ресурсной поддержки от других направлений, показывают лучшие результаты с точки зрения развития некоммерческого сектора. Например, в Ленинградской области проводится отдельный конкурс для РЦ, а также налажено системное взаимодействие РЦ с профильным органом власти [15].

Обычно РЦ наравне с другими СО НКО участвуют в конкурсе с широким охватом тематики, за исключением кейсов отдельных регионов, где конкурс для РЦ выведен в отдельное направление. При этом сроки грантов, как правило, ограничены одним годом, что не соответствует специфике работы РЦ.

«Желательно, чтобы это был горизонт от 3 до 5 лет, да, таких вещей вообще нет, это правда. То есть это как бы отдельный вид [гранта] именно на программную работу. То есть у нее другая оценка эффективности, другие показатели, это все другое. Это не проект. Проект имеет начало и конец и этим он отличается, в общем-то, от деятельности, а программа может не иметь как такового конца», – отметил в своем интервью руководитель РЦ местного уровня. В целом сюжет о стабильности финансирования наиболее часто звучал в ответах респондентов. Высказывались опасения, что зависимость от краткосрочных грантов и проектного финансирования не позволяет РЦ выстраивать долгосрочные стратегии развития.

Другая стратегия – активное участие органов власти в создании РЦ. В некоторых регионах эти стратегии сосуществуют – есть государственный РЦ, созданный при органе власти или в виде отдельного учреждения; существует возможность РЦ в форме НКО получать грантовое финансирование. Можно предположить, что наличие государственного РЦ частично решает вопросы ресурсной обеспеченности и стабильности, однако финансового обеспечения в рамках государственного задания может не хватать, чтобы реализовывать проекты по всему региону.

В целом поддержка инфраструктуры – показатель с сильным региональным дисбалансом. Если опираться на данные из рейтинга некоммерческого сектора «Регион-НКО» 2024 [16], показатель «поддержка инфраструктуры СО НКО» входит в число показателей с наибольшими диспропорциями.

Конкретные финансовые аспекты поддержки РЦ в СЗФО можно проследить в данных из рейтинга субъектов по поддержке СО НКО Министерства экономического развития РФ. Среди регионов СЗФО наблюдается значитель-

ная дифференциация в части поддержки инфраструктуры. Данные за 2023 г. представлены на рисунке.

Консолидированные данные о поддержке РЦ в разрезе всех субъектов РФ предоставляет Министерство экономического развития в рамках ежегодных докладов о поддержке СО НКО. Анализ данных Министерства экономического развития свидетельствует о положительной динамике финансирования РЦ СО НКО в 2023 г.: поддержку получили 211 организаций в 55 субъектах. Как правило, РЦ получают субсидии на конкурсной основе. Однако, несмотря на абсолютный рост объемов финансирования, доля средств, направляемых на развитие инфраструктуры поддержки, остается незначительной – менее 5% от общего объема региональной поддержки СО НКО. Следует также отметить снижение числа регионов, оказывающих поддержку РЦ. Объяснить это можно тем, что поддержка стала концентрироваться в сильных регионах, а «слабые» выпадают из поля инфраструктурной поддержки, что

больше усугубляет региональный дисбаланс в поддержке СО НКО. Сведения о финансировании РЦ за период 2017–2023 гг. представлены в таблице.

Другая частая проблема РЦ – нехватка квалифицированных кадров. Эта проблема в целом характерна сейчас не только для некоммерческого сектора, но наиболее остро ощущается в инфраструктурных организациях, к которым предъявляются повышенные требования к экспертности и уровню знаний.

«Ресурсный центр без кадров – это не ресурсный центр. В ресурсном центре должны быть люди компетентные, так сказать, «много-станочники». Они должны хорошо разбираться в административных, бухгалтерских и в юридических вопросах. Люди – это самое главное, конечно, потому что ресурсный центр без людей, без специалистов – это, конечно, не ресурсный центр». (руководитель РЦ, региональный уровень).

При этом дефицит кадров касается не только численного состава, но и недостатка

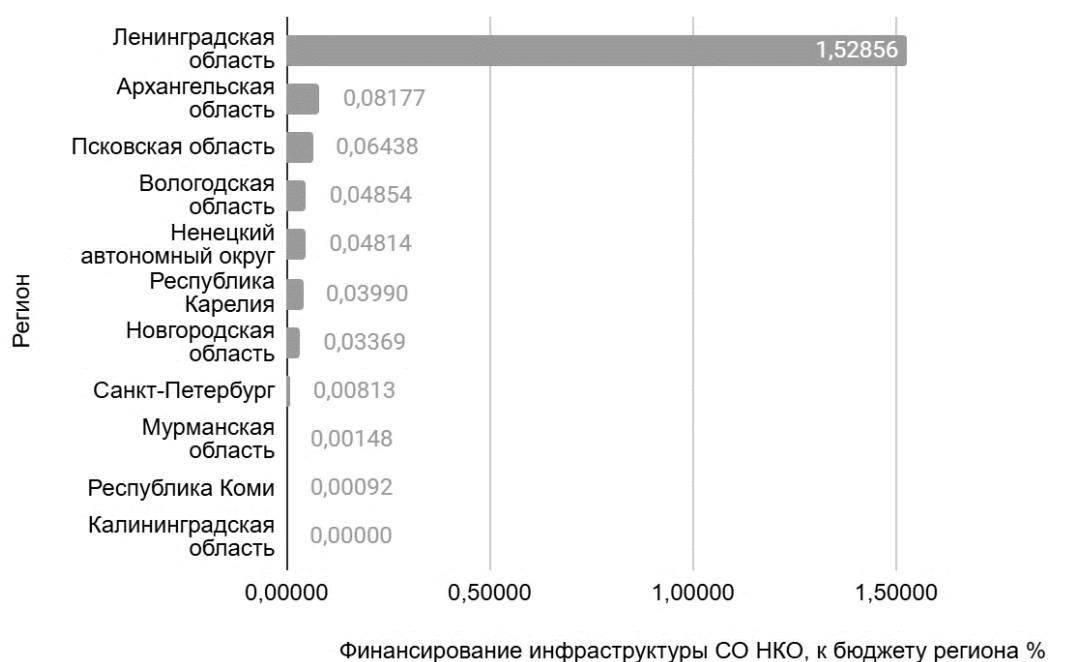

Рис. Финансирование инфраструктуры поддержки СО НКО в регионах СЗФО в 2023 г.*

* Составлено на основе: Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2023 год. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/rejting-2023-rezultat.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

Финансовые аспекты поддержки РЦ в регионах РФ, 2017–2023 гг.*

Год	Сумма региональной поддержки СО НКО, млрд руб.	Сумма средств на поддержку РЦ, млрд руб.	Средства на поддержку инфраструктуры СО НКО (РЦ) к общему объему поддержки СО НКО, %	Регионы, в которых оказывалась поддержка, ед.
2017	8,7	0,166	1,91	67
2018	34,6	1,31	3,79	66
2019	48,7	1,46	3,00	55
2020	58	1,59	2,74	56
2021	71,9	1,91	2,66	51
2022	85,6	2,84	3,32	50
2023	87,4	3,6	4,12	55

* Составлено на основе: Доклады Министерства экономического развития о поддержке СО НКО. URL: <https://nko.economy.gov.ru/main/infrastruktura-podderzhki-nko/> (дата обращения: 07.02.2025).

специализированных программ подготовки и повышения квалификации, ориентированных именно на инфраструктурные организации. В большинстве случаев сотрудники РЦ осваивают необходимые компетенции «на месте», что затрудняет воспроизводство квалифицированных кадров и усложняет стандартизацию качества оказываемых услуг. В условиях высокой нагрузки и широкого профиля задач кадровая устойчивость РЦ становится ключевым фактором их жизнеспособности. Отдельные программы развития для РЦ проводятся другими крупными инфраструктурными организациями, однако их масштабы и охват недостаточны для обеспечения комплексной поддержки, требующейся для эффективного функционирования РЦ на региональном уровне.

С точки зрения взаимодействия с другими субъектами слабее развито взаимодействие с бизнесом. На территориях, где нет крупных предприятий, взаимодействие носит проектный, разовый характер. Отмечается несистемность взаимодействия и отсутствие заинтересованности бизнеса. Кроме того, непосредственно инфраструктурная деятельность – не самое популярное направление для поддержки. Эффект от такой деятельности зачастую проявляется не сразу, а может быть отложен во времени. Прямую поддержку получают, как правило, конкретные СО НКО с очевидными результатами и целевой аудиторией. Существуют единичные практики, когда бизнес вовлечен в инфраструктурное развитие некоммерческого сектора в регионе. Например, в Вологодской области компанией «Северсталь» создан фонд «Дорога к дому», который в допол-

нение к основным функциям по поддержке семей и детей выполняет функции инфраструктурной организации. В Мурманской области при поддержке эндаумент-фонда «Кольский», основанного компанией «Норникель», действует РЦ местного уровня в Мончегорске.

Если говорить о взаимодействии с органами власти, то в меньшей степени оно развито на муниципальном уровне. *«Очень разный уровень поддержки [в муниципалитетах]. В некоторых районах даже о взаимодействии говорить нечего. Это зависит даже от позиции самого главы района. <...> Где администрация не понимает, зачем это [взаимодействие с НКО] нужно, то там все плохо»* (руководитель РЦ, региональный уровень).

Специфика взаимодействия может объясняться небольшим количеством как СО НКО, так и РЦ на местном уровне. РЦ часто сконцентрированы в крупных региональных центрах, в некоторых регионах РЦ выступает в единственном числе. Помимо прямой поддержки, рассмотренной ранее, органы власти и РЦ взаимодействуют на уровне консультаций, совместных мероприятий. Однако взаимодействие с РЦ на системном уровне налажено не во всех регионах: не везде есть официальные публичные перечни РЦ, поддержка РЦ не находит отражение в законодательных и стратегических документах, связанных с поддержкой СО НКО, существуют пробелы в оценке эффективности РЦ и инфраструктурной поддержки в целом.

Кроме того, РЦ взаимодействуют с региональными общественными палатами (далее – РОП), университетами, но результаты исследо-

вания показывают, что такое взаимодействие характеризуется несистемностью и нерегулярностью. *«Они [РОП] приглашают на свои заседания, мы приглашаем периодически на свои какие-то заседания, но пока это выглядит как просто, скорее, разговоры. То есть какой-то реальной силы сейчас, мне кажется, в общественной палате нет»* (руководитель РЦ, региональный уровень). В отдельных случаях респонденты положительно оценивают роль РОП, в большей степени в качестве посредника для межсекторного партнерства. В меньшей степени отмечается роль РОП как актора инфраструктурной поддержки для СО НКО региона.

В условиях недостаточной финансовой стабильности поиск партнерств, особенно для небольших РЦ, становится фактором устойчивости организации. Отдельно стоит отметить внутрисекторное взаимодействие между РЦ. В отдельных регионах СЗФО РЦ контактируют между собой, но системного взаимодействия в масштабе всего макрорегиона не выстроено. Примечательно, что в других федеральных округах созданы сети РЦ. Имеется позитивный опыт взаимодействия, например, в рамках уральской сети ресурсных центров. Отмечается, что подобное взаимодействие может нивелировать недостаточность ресурсов в отдельных РЦ, укрепить профессиональный потенциал РЦ [17, с. 85]. Таким образом, сетевое взаимодействие между РЦ может служить компенсаторным механизмом в условиях неравномерного ресурсного обеспечения, способствовать передаче успешных управленческих практик и формированию коллективного институционального капитала сектора.

Обсуждение

Итак, исследование механизмов и стратегий поддержки РЦ позволило выделить следующие барьеры, связанные с организацией поддержки РЦ в регионах СЗФО:

- ♦ отсутствие институциональной и стратегической основы развития субъектов инфраструктурной поддержки в большинстве регионов;
- ♦ ограниченный перечень инструментов поддержки РЦ;
- ♦ проектный характер финансовой поддержки, который зачастую не учитывает долгосрочную и постоянную специфику работы РЦ;

- ♦ региональная дифференциация в количестве работающих РЦ в регионах и на муниципальном уровне, а также в механизмах их поддержки со стороны органов власти.

Можно предположить, что ограниченные возможности регионов по поддержке РЦ связаны с тем, что понятие РЦ только вошло в нормативно-правовое поле. Статья 31.3 ФЗ-7 «О некоммерческих организациях» [7] не относит вопросы «формирования инфраструктуры поддержки» на уровень регионов, оставляя их в компетенции федеральных властей. Разработанные Министерством экономического развития рекомендации [18] не носят императивный характер и оставляют пространство для диверсификации практик на региональном уровне. В каждом регионе формируются уникальные условия функционирования РЦ, обусловленные местной спецификой, желанием и возможностями органов власти развивать инфраструктуру поддержки СО НКО. Однако, по мнению автора, без прочной фундаментальной институциональной основы региональное развитие РЦ и их поддержка со стороны органов власти будут ограничены.

Наиболее чувствительной проблемой, как показало исследование, является финансовая устойчивость РЦ. Кроме того, для РЦ в СЗФО остается актуальной кадровая проблема, а также выстраивание эффективного взаимодействия как внутри сектора, так и с точки зрения межсекторного взаимодействия. Исходя из выявленных проблем и барьеров развития РЦ в региональном разрезе, можно предложить некоторые направления, которые бы способствовали совершенствованию региональной политики в области инфраструктурной поддержки СО НКО. Среди них: установление на федеральном уровне полномочий органов региональной власти по поддержке субъектов инфраструктуры СО НКО; формирование стандарта развития инфраструктурной поддержки СО НКО на региональном уровне, учитывающего лучшие практики в субъектах РФ.

Практика стандартов существует, например, в сфере развития добровольчества [19, с. 61]. Несмотря на рекомендательный характер стандарта, проводится мониторинг его исполнения, а сам факт внедрения подобного стандарта расценивается как маркер эффек-

тивности и вовлеченности региональных органов власти в процессы развития территории. В документе могут быть представлены конкретные шаги для органов власти, связанные с учетом РЦ в регионе, формированием стратегической и законодательной основы взаимодействия, перспективные инструменты поддержки РЦ в регионе и в муниципалитетах. Этот документ должен не только формализовать лучшие практики, но и предложить конкретные механизмы, адаптированные к региональным особенностям. При его разработке автор рекомендует сосредоточиться на следующих аспектах:

1. Систематизация, учет и организация инфраструктурной поддержки. В раздел могут быть включены механизмы верификации субъектов инфраструктуры, ведение специализированных реестров, вопросы сертификации РЦ. Включение в стандарт положений о механизмах верификации и регистрации инфраструктурных организаций, а также ведении специализированных реестров ресурсных центров позволяет обеспечить прозрачность, легитимность и управляемость инфраструктурного поля. Это особенно актуально в условиях, когда в большинстве регионов отсутствует даже базовый перечень действующих РЦ, что затрудняет как координацию мер поддержки, так и оценку состояния сектора в целом.

2. Стратегические и законодательные основы. Раздел предусматривает закрепление роли РЦ в региональных стратегиях поддержки СО НКО и нормативно-правовых актах. Включение положений о РЦ в стратегические документы и нормативно-правовые акты субъектов РФ обеспечивает правовую устойчивость, предсказуемость и системность взаимодействия между органами власти и инфраструктурными организациями. Это создает условия для формирования долгосрочной политики, выходящей за рамки проектного или ситуативного подхода.

3. Поддержка субъектов инфраструктуры. Здесь будут описаны финансовые и кадровые инструменты поддержки РЦ, включая отдельные конкурсы для РЦ, долгосрочные субсидии на операционные расходы и программы обучения сотрудников. Особое значение приобретает выделение отдельных конкурсов для РЦ, что позволит избежать ситуации, при которой

инфраструктурные организации вынуждены конкурировать за ресурсы с благополучателями – теми, кому они сами оказывают поддержку. Такие конкурсы должны быть ориентированы на программную, а не проектную деятельность, предусматривать горизонт финансирования не менее 2–3 лет и учитывать показатели, отражающие институциональные и координационные функции РЦ, а не только количественные результаты.

4. Межсекторное взаимодействие. Раздел может быть посвящен созданию платформ для кооперации РЦ с бизнесом, властью и другимистейкхолдерами. Так, подобной платформой для взаимодействия может стать региональная общественная палата, изначально призванная выполнять медиаторские функции в субъекте. В рамках раздела могут быть предложены конкретные форматы взаимодействия, основанные на принципах межсекторного партнерства, например, регулярные круглые столы, конференции с представителями РЦ, бизнеса, СО НКО и органов власти. Особое внимание в рамках платформенного подхода следует уделить кооперации РЦ с институтами поддержки малого и среднего предпринимательства, а также социального предпринимательства. Это особенно важно в условиях нарастающей гибридизации социальной экономики и потребности в развитии предпринимательских и проектных компетенций у СО НКО. При этом взаимодействие с субъектами МСП открывает доступ к новым партнерствам, возможностям акселерации и ресурсам, что критически значимо для преодоления проблемы слабой диверсификации доходов СО НКО и их зависимости от грантовых источников. РЦ могут играть координирующую роль в выстраивании таких межсекторных связей, формируя тем самым новые устойчивые модели инфраструктурной поддержки.

5. Оценка эффективности инфраструктурной поддержки. В этом разделе могут быть утверждены единые подходы к оценке эффективности РЦ и инфраструктурной поддержке в регионе в целом, что становится особенно актуальным в условиях отсутствия конвенциональных подходов к оценке эффективности РЦ и инфраструктурной поддержки в целом в региональных практиках управления. Без единых

подходов к оценке эффективности РЦ невозможно объективно обосновать необходимость их поддержки, сравнивать результаты между регионами и формировать обоснованные управленческие решения. В текущих условиях, когда инфраструктурная поддержка СО НКО остается вне рамок системной аналитики, РЦ часто воспринимаются как второстепенные акторы, а не как стратегические институты развития сектора. Однако фундаментальным, по мнению автора, остается формирование базовых основ поддержки и взаимодействия органов власти с субъектами инфраструктуры СО НКО. Без закрепления на федеральном уровне полномочий регионов в этой сфере и нормативного признания РЦ как субъектов развития любые изменения останутся фрагментарными и зависящими от воли отдельных администраций. Успешные практики подобных решений есть в сфере поддержки МСП, а также добровольчества, где федеральный импульс задает вектор развития на уровне регионов.

Важные шаги для развития инфраструктуры поддержки заложены в Указе Президента «О развитии инфраструктуры поддержки некоммерческих организаций» [20], в котором предлагается создать на базе Фонда Президентских грантов «Школу управления НКО» и «Центр развития цифровых компетенций». Подобные федеральные площадки станут важным подспорьем в повышении устойчивости СО НКО, однако необходимое развитие должна получить и инфраструктура на региональном и местном уровнях.

В качестве дальнейших направлений исследований следует рассмотреть проблематику функционирования РЦ на материале других макрорегионов. Несмотря на то, что автор исходил из предположения, что регионы СЗФО представляют своеобразный набор типовых практик, не стоит исключать, что в других регионах могут быть выстроены иные практики инфраструктурной поддержки. Расширения спектра практик для анализа позволит выявить уникальную специфику в организации инфра-

структурной поддержки на уровне отдельных федеральных округов.

Заключение

Анализ функционирования РЦ в регионах СЗФО на основе качественного исследования и анализа вторичных источников информации выявил комплекс системных проблем, требующих решения на различных уровнях управления. Основными ограничивающими факторами остаются нестабильность финансирования, дефицит квалифицированных кадров и недостаточная институциональная проработанность механизмов поддержки. При этом особую остроту приобретают вопросы обеспечения долгосрочной устойчивости таких организаций, что требует пересмотра подходов к их финансированию и развитию. Региональная специфика проявляется в различиях как количественных показателей развития РЦ, так и применяемых механизмах их поддержки. Отмечается неравномерность распределения инфраструктурных ресурсов между регионами и муниципальными образованиями, что создает предпосылки для усиления диспропорций в развитии некоммерческого сектора. В этих условиях особую значимость приобретает необходимость формирования единой системы координации и взаимодействия всех участников процесса поддержки СО НКО.

Перспективным направлением совершенствования системы поддержки представляется разработка стандарта развития инфраструктурной поддержки на региональном уровне, учитывающего лучшие практики субъектов РФ. Такой подход позволит унифицировать базовые требования к функционированию и поддержке РЦ, сохранив при этом гибкость в адаптации к локальным условиям. Реализация предложенных мер потребует согласованных усилий как на федеральном, так и на региональном уровне, а также активного вовлечения всех заинтересованных сторон в процесс трансформации системы инфраструктурной поддержки некоммерческого сектора.

Список источников

1. Тюхов Д.С. Актуальные аспекты развития инфраструктуры поддержки СО НКО в России // Современные проблемы менеджмента : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и

молодых ученых, Санкт-Петербург, 10 апр. 2024 г. / под общ. ред. С.Н. Кузьминой ; Санкт-Петерб. гос. электротехн. ун-т «ЛЭТИ». Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. С. 509–519.

2. Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2023 год. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/rejting-2023-rezultat.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

3. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.

4. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Проблемы развития некоммерческого сектора социального обслуживания пожилых // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 3. С. 395–410.

5. Toepler S., Pape U., Benevolenski V. Subnational variations in government-nonprofit relations: a comparative analysis of regional differences within Russia // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2020. Vol. 22, No. 1. Pp. 47–65.

6. Отчет об оценке влияния «ресурсных центров» на развитие НКО-сектора в России. URL: <https://vk.cc/cyktrJ> (дата обращения: 11.01.2025).

7. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». URL: <https://clck.ru/3C4ArZ> (дата обращения: 22.01.2025).

8. Тюхов Д.С. Инфраструктурная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в России: теоретический аспект // Петербургский экономический журнал. 2023. № 3. С. 5–18.

9. Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции / под ред. Л.И. Якобсона. Москва : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2024. 376 с.

10. Кулькова В.Ю. Организация инфраструктурной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций сферы услуг в государственном управлении в РФ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 58–65.

11. Косыгина К.Е. Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 6. С. 67–81.

12. Кайбичева Е.И. Ресурсные центры для социально ориентированных некоммерческих организаций: теория и практика поддержки в регионах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 1 (231). С. 38–50.

13. Поляков М.Б., Бикманова А.К., Хабелашвили А. Ресурсные центры как инструмент государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере города Москвы) // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 10. С. 49–56.

14. Аналитический отчет о текущем состоянии сектора НКО ПФО в контексте изменившихся условий. URL: <https://clck.ru/3GX4a6> (дата обращения: 29.01.2025).

15. Тюхов Д.С., Маслова Т.Д. Характеристики и модели ресурсных центров поддержки СО НКО в СЗФО в контексте управления регионом // Петербургский экономический журнал. 2024. № 4. С. 189–207.

16. Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО» (2024 год). URL: <https://clck.ru/3FxmTt> (дата обращения: 15.01.2025).

17. Попкова А.А., Фомичев И.Ю., Шляков А.В. Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в системе развития территорий: ценности и направления // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2022. № 2. С. 77–89.

18. Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций : письмо Министерства экономического развития РФ от 30.09.2016 № 29850-ОФ/Д01и. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456052661> (дата обращения: 16.01.2025).

19. Механизмы и технологии взаимодействия с институтами гражданского общества и развития некоммерческого сектора : информационно-методические материалы для слушателей дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Современные технологии общественно-государственного взаимодействия» : учеб.-метод. пособие / сост. и науч. ред. О.В. Коротева. Москва : Дело РАН-ХиГС, 2024. 192 с.

20. Указ Президента РФ от 16.01.2025 № 26 «О развитии инфраструктуры поддержки некоммерческих организаций». URL: <http://kremlin.ru/acts/news/76121> (дата обращения: 25.01.2025).

References

1. Tyukhov D.S. Current Aspects of NGO Support Infrastructure Development in Russia // Modern problems of management : proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, St. Petersburg, April 10, 2024 / under the general editorship of S.N. Kuzmina ; St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI". St. Petersburg : Publishing house of SPbSETU "LETI", 2024. Pp. 509–519.
2. Rating of the subjects of the Russian Federation based on the results of the implementation of mechanisms to support socially oriented non-profit organizations and social entrepreneurship, ensuring access of non-governmental organizations to the provision of social services and the introduction of competitive ways of providing state (municipal) social services in 2023. URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/rejting-2023-rezultat.pdf> (date of access: 08.04.2025).
3. Mersiyanova I.V., Benevolensky V.B. NGOs as social service providers: verifying weaknesses // Issues of State and municipal management. 2017. No. 2. Pp. 83–104.
4. Grishina E.E., Tsatsura E.A. Challenges in developing the nonprofit sector of elderly care services // Journal of Social Policy Studies. 2020. Vol. 18, No. 3. Pp. 395–410.
5. Toepler S., Pape U., Benevolenski V. Subnational variations in government-nonprofit relations: a comparative analysis of regional differences within Russia // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice. 2020. Vol. 22, No. 1. Pp. 47–65.
6. Impact assessment report of resource centers on Russia's NGO sector development. URL: <https://vk.cc/cyktrJ> (date of access: 11.01.2025).
7. Federal Law dated 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Profit Organizations". URL: <https://clck.ru/3C4ArZ> (date of access: 22.01.2025).
8. Tyukhov D.S. Infrastructure support for socially oriented NGOs in Russia: theoretical framework // St. Petersburg Economic Journal. 2023. No. 3. Pp. 5–18.
9. Civil society self-organization, philanthropy and the third sector: theories, history and contemporary trends / ed. by L.I. Yakobson. Moscow : HSE Publishing House, 2024. 376 p.
10. Kulkova V.Yu. Organizational infrastructure support for socially oriented nonprofits in public service delivery // Management Issues. 2019. No. 2 (38). Pp. 58–65.
11. Kosygina K.E. Tools for developing the nonprofit sector in regions // Regional Research Issues. 2021. Vol. 25, No. 6. Pp. 67–81.
12. Kaibicheva E.I. Resource centers for socially oriented nonprofit organizations: theory and practice of regional support // Vestnik of Samara State University of Economics. 2024. No. 1 (231). Pp. 38–50.
13. Polyakov M.B., Bikmanova A.K., Khabelashvili A. Resource centers as instruments of state support for socially oriented NGOs (case study of Moscow) // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 10. Pp. 49–56.
14. Analytical report on the current state of the nonprofit sector in the Volga Federal District under changing conditions. URL: <https://clck.ru/3GX4a6> (date of access: 29.01.2025).
15. Tyukhov D.S., Maslova T.D. Characteristics and models of NGO resource centers in Northwestern Russia in regional governance context // St. Petersburg Economic Journal. 2024. No. 4. Pp. 189–207.
16. Regional Rating of the Third Sector "Region-NGO" (2024). URL: <https://clck.ru/3FxMTt> (date of access: 15.01.2025).
17. Popkova A.A., Fomichev I.Yu., Shlyakov A.V. Network cooperation of nonprofits in territorial development: values and directions // University Proceedings. Sociology. Economics. Politics. 2022. No. 2. Pp. 77–89.
18. Methodological guidelines for establishing and supporting resource centers for socially oriented NGOs in Russian regions and municipalities : letter of the Russian Ministry of Economic Development No. 29850-OF/D01i dated 30.09.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456052661> (date of access: 16.01.2025).
19. Mechanisms and technologies for cooperation with civil society institutions and nonprofit sector development : training materials for professional development program "Modern Technologies of Public-State Interaction" : textbook / compiled and edited by O.V. Koroteeva. Moscow : Delo RANEPa, 2024. 192 p.
20. Decree of the President of the Russian Federation dated 16.01.2025 No. 26 "On Developing NGO Support Infrastructure". URL: <http://kremlin.ru/acts/news/76121> (date of access: 25.01.2025).

Информация об авторе

Д.С. Тюхов – аспирант кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова.

Information about the author

D.S. Tyukhov – postgraduate student of the Department of Applied Economics of the St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

МЕНЕДЖМЕНТ И УПРАВЛЕНИЕ БИЗНЕСОМ

Научная статья
УДК 338.467.6:77:658.8

Особенности создания вирального контента в рамках кинопредпочтений в российском кинематографе

Дмитрий Владиславович Долгополов¹, Анна Евгеньевна Юдина²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ dolgopolovguu@gmail.com

² yudinaanna450@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию эффективности создания вирального контента на примере отечественного кинематографа. Цель работы – выявить ключевые факторы, влияющие на виральность контента, и проанализировать существующие методики по созданию вирусного контента. В ходе исследования использовались качественные и количественные методы, включая опрос на специализированных онлайн-платформах и интервью с использованием метода семантического дифференциала. Основные выводы исследования: острые социальные проблемы являются самой «цепляющей» темой для отечественного зрителя; сюжет и персонажи выступают основой для создания вирального контента; запоминающиеся фразы играют важную роль в распространении вирусного контента; сарафанное радио преобладает среди российских пользователей как способ распространения информации о кинокартинах. Исследование подчеркивает важность учета культурных ценностей, трендов и запросов аудитории при создании вирального контента в отечественном кинематографе. Компании должны ориентироваться на современные ценности и тренды, создавать привлекательных героев и включать в сценарий элементы, способные вызвать активное обсуждение среди зрителей.

Ключевые слова: виральный контент, сарафанное радио, продвижение киноконтента, семантический дифференциал, предпочтения зрителей

Основные положения:

- ♦ проанализирована методика создания вирального контента на примере отечественного кинематографа;
- ♦ проведено количественное исследование, в ходе которого уточнена специфика кинопредпочтений российских зрителей, а также способы распространения информации о киноконтенте;
- ♦ рассмотрены основные способы распространения информации в рамках виральных каналов коммуникации в сфере киноконтента.

Для цитирования: Долгополов Д.В., Юдина А.Е. Особенности создания вирального контента в рамках кинопредпочтений в российском кинематографе // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 103–110.

Original article

Features of creating viral content within the framework of film preferences in Russian cinema

Dmitry V. Dolgoplov¹, Anna E. Yudina²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ dolgoplovguu@gmail.com

² yudinaanna450@gmail.com

Abstract. This article investigates the effectiveness of viral content creation using Russian cinema as an example. The aim of the study is to identify the key factors influencing content virality and to analyze existing methods for creating viral content. The study utilized qualitative and quantitative methods, including a survey on specialized online platforms and interviews using the semantic differential method. Key findings include: pressing social issues are the most engaging topics for Russian viewers; plot and characters are the foundation for creating viral content; catchy phrases play a significant role in the spread of viral content; and word of mouth is the dominant method of spreading information about films among Russian users. The study emphasizes the importance of considering cultural values, trends, and audience demands when creating viral content in Russian cinema. Companies should focus on contemporary values and trends, create engaging characters, and include elements in the script that can generate active discussion among viewers.

Keywords: viral content, word-of-mouth, film promotion, semantic differential, audience preferences

Highlights:

- ♦ a methodology for creating viral content was analyzed using Russian cinema as an example;
- ♦ a quantitative study was conducted to clarify the specifics of Russian viewers' film preferences, as well as methods for disseminating information about film content;
- ♦ the main methods of disseminating information within viral communication channels in the film content sector were examined.

For citation: Dolgoplov D.V., Yudina A.E. Features of creating viral content within the framework of film preferences in Russian cinema // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 103–110. (In Russ.).

Введение

В современных реалиях традиционные методы рекламы все больше теряют свою эффективность, потребители не готовы взаимодействовать с рекламными материалами в силу их надоедливости и заезженности. Именно в таких условиях маркетологам приходится сталкиваться с новыми вызовами и придумывать новые интересные решения, способные зацепить потребителей и привлечь их внимание. Одним из подобных решений является создание вирального контента. Подобный контент расходуется по сети как вирус, именно поэтому сформировалось такое понятие, как

вирусный маркетинг. Основная суть такого метода заключается в добровольном распространении информации среди пользователей. Что важно, тема должна интересовать аудиторию, затрагивая острые социальные или иные проблемы, или же отражать современные тренды и ценности.

Виральный контент может распространяться как компанией, так и самой аудиторией. Именно поэтому не всегда можно предугадать последствия такой рекламы [1]. Компании стоит относиться с осторожностью к тому, что она распространяет, или к тому, какая информация распространяется о ней. Существует не-

сколько видов вирусного маркетинга, к ним относятся добровольная передача информации потребителями, побуждение к распространению информации компанией и проникновение в массы слухов об организации [1].

Первый вид также можно называть сарафанным радио, в таком случае потребители сами являются распространителями информации. Компании лишь стоит затронуть важную для их аудитории тему, в дальнейшем дело уже за самой аудиторией, только как и каким образом в конкретном случае поведут себя потребители, остается лишь гадать. Также организация может создавать условия для распространения контента, побуждая пользователей делиться им. В данном случае могут использоваться бонусы, предоставляемые компанией.

К последнему упомянутому виду относятся слухи, которые, как и все остальные, могут влиять на имидж как положительным, так и отрицательным образом. Распространение такого вида контента считается наиболее эффективным и противоречивым одновременно.

По данным исследования онлайн-трекера «Кинозритель» за 2021 г., были определены факторы, влияющие на выбор зрителями кинофильма, такие как жанр, сюжет, принадлежность к франшизе, актерский состав, режиссер, связь с комиксами, возможность семейного просмотра, страна производства – Россия, веселый характер фильма, спецэффекты, трейлер, реклама, рекомендации и отзывы [2]. Авторы разделили их на две категории: элементы содержания и элементы продвижения. Ко второй категории относятся последние три фактора: трейлер, реклама и рекомендации, из которых первый является отдельным и ключевым элементом продвижения. Реклама же в данном контексте обобщает другие, включая трейлер.

Также стоит отметить не менее важные итоги данного исследования: выявление приоритетности сарафанного радио для российских зрителей и преобладание самого контекста информации над ее источниками [2]. Отталкиваясь от этого, можно сделать вывод о важности вирусного контента среди отечественных потребителей. Однако возникает вопрос, как именно создавать подобный вирусный контент

для российских пользователей наиболее эффективно?

Эксперт по закупке контента видеосервиса Movix Иван Шевченко отмечал, что «отечественный кинематограф всегда вызывает много споров и постоянно подвергается сравнениям с западной индустрией, но невозможно переоценить то, насколько российские фильмы близки и узнаваемы для зрителя [3]. Проблематика, жизненные ситуации, любимые актеры и их понятные персонажи – это то, что попадает в «нerv». Из данного утверждения следует вывод о том, что российский кинематограф имеет свою уникальную сферу деятельности. В силу культурных ценностей, воспитания, менталитета и других факторов отечественный зритель особо ценит контент, создаваемый в стране.

В рамках панельной дискуссии «Тренды многонациональной киноиндустрии. Что будет в топе 2024?» участники Всемирного фестиваля молодежи раскрыли тенденции культурного развития России, к которым относятся учет интересов молодежи, экранизация художественной и иной литературы, а также «запрос на национальную самоидентификацию» [4]. Все эти факторы в совокупности чрезвычайно важны для проводимого исследования.

Итак, как уже было упомянуто ранее, следование запросам молодой аудитории играет ключевую роль при построении дальнейшей коммуникации кинопроизводителя с его потребителем. Из данного вывода нами была сформулирована гипотеза: фильмы, отражающие современные культурные тренды и ценности, имеют более высокий потенциал виральности, так как резонируют с аудиторией, вызывая активное обсуждение.

В силу почти полной потери зарубежного контента российским компаниям пришлось столкнуться с новыми вызовами в различных отраслях, киносфера не стала исключением. Перед организациями встал вопрос об эффективных методах продвижения своего продукта. Именно поэтому отечественные компании начали исследовать потребности аудитории и использовать необходимые меры по ее привлечению.

Методы

Методология исследования включает в себя широкий спектр инструментов. Первоначально стоит определить цель исследования, из которой в дальнейшем будут сформулированы задачи.

Целью настоящей работы является исследование эффективности создания вирального контента на примере отечественного кинематографа. К задачам относятся:

- ♦ выявление ключевых факторов, влияющих на виральность контента;
- ♦ анализ существующих методик по созданию вирусного контента.

В рамках работы были использованы результаты исследований, проведенных Н.Г. Воскресенской относительно особенностей кинопредпочтений молодежи [5]. При этом методика данного исследования была модифицирована с учетом специфики поставленных нами задач, связанных с изучением различных вариантов распространения информации в рамках потребительских предпочтений, тогда как работа Н.Г. Воскресенской в большей степени касалась психологических особенностей восприятия киноконтента.

Для достижения поставленной цели будут использованы как качественные, так и количественные методы исследования. Первые позволяют проанализировать влияние вирального контента на восприятие аудиторией продукта. Количественные методы же основываются на сборе статистических данных.

К непосредственным методам, использованным в настоящем исследовании, относятся:

- ♦ опрос на специализированных онлайн-платформах с целью выявления базовых характеристик вирального контента, влияющих на его создание и поддержание аудиторией;
- ♦ интервью с использованием метода семантического дифференциала.

Опрос включал как базовые вопросы для выявления характеристик опрашиваемой аудитории, так и специализированные, относящиеся к заданной теме. На основе данного метода нами были выявлены демографические данные; элементы как самого кинопродукта, так и вирального контента, создаваемого на его основе; наиболее актуальные темы рос-

сийского кино и факторы, влияющие на вирусность определенного материала.

Метод семантического дифференциала основывался на проверке отношения аудитории к исследуемому объекту через его оценку по биполярным шкалам от 1 до 5. В данном случае респондентам были представлены несколько примеров отечественного кино с целью выявления фактора запоминания у зрителей. К представленным критериям оценки относятся:

- ♦ увлекательный/скучный;
- ♦ запоминающийся/незапоминающийся;
- ♦ оригинальный/шаблонный;
- ♦ провоцирующий/нейтральный;
- ♦ позитивный/негативный;
- ♦ эмоциональный/бесчувственный;
- ♦ актуальный/неактуальный.

Данные критерии оценки были разработаны с учетом социально-психологического восприятия киноконтента, который затрагивался в работах зарубежных исследователей [5; 6]. В рамках установки таксономических бинарных оппозиций были использованы данные наработки, которые отражают наиболее значимые социальные компоненты восприятия, которые, по нашему предположению, ведут к дальнейшему распространению информации о киноконтенте среди зрителей путем сарафанного радио. Примеры в данном случае являлись разножанровыми и отражали разные темы и проблемы; к ним относятся сериалы «Слово Пацана. Кровь на асфальте» 2023 г. и «Бригада» 2002 г. выпуска, а также фильмы «Брат» 1997 г. и «Текст» 2019 г.

Оба из представленных методов эффективны в контексте проводимого исследования, так как позволяют наиболее точно отразить мысли опрашиваемых по поводу исследуемой темы.

Результаты

Рассмотрим результаты анкетирования по разделам, описанными выше.

Анализ данных выявил, что в исследовании принял участие 241 респондент в возрасте от 18 до 35 лет, из которых 73,2% – женщины, 26,8% – мужчины. Подобная выборка сформировалась на основе интересов аудитории и наиболее полно отражает заданную

тему. Для анализа вовлеченности опрошенных в тему был задан вопрос о частоте просмотров респондентами отечественного кино. Итак, 10% опрошенных смотрят отечественное кино ежедневно, 13% еженедельно, 39% ежемесячно, что доказывает актуальность проводимого исследования в рамках российского рынка кинематографии.

Далее для определения основных каналов распространения новых проектов был поставлен соответствующий вопрос с выбором нескольких вариантов ответа, результаты которого следующие: 55% респондентов отметили, что узнают о новых кинопродуктах через социальные сети, с небольшим отрывом, а именно 47% ответивших выделили рекламу как один из каналов получения информации о новинках.

Основой для создания вирального контента по результатам опроса следует считать сюжет и персонажей, которые оказались наиболее запоминающимися элементами кинопродуктов. Несмотря на то, что сюжет набрал большее количество голосов среди свободных вариантов ответа, а именно 80%, при распространении вирусного контента герои имеют ключевую роль и являются основой. Персонажей часто цитируют и сравнивают зрители, на основе их реплик или действий создаются видеоролики, распространяющиеся по сети, что также является неотъемлемой частью вирального контента. 72% респондентов отметили, что вырезки из кинопродуктов являются особо интересными для просмотра. Важной частью также являются мемы, которые создаются на основе вышеперечисленных элементов кинопродуктов, 35% респондентов отметили этот вариант ответа как самый заинтересовавший их. В данном случае можно наблюдать общие тенденции для распространения информации на различных платформах с разной степенью вовлеченности, что соответствует результатам на активно формирующихся кинорынках [7; 8].

Стоит также отметить, что, по мнению опрошенных, сюжет и персонажи явились основой для создания вирусного контента. Однако наибольшее количество голосов, а именно 70%, набрал вариант ответа «запоминающиеся фразы». Как упоминалось ранее, на основе реплик создается вирусность, которая

проявляется как в коротких видеороликах, так и в мемах. Все элементы кино взаимосвязаны и являются важными при распространении вирального контента, на основе сюжетов и героев строятся дальнейшие интересные решения от зрителей, поэтому важно в определенных случаях при создании продукта учитывать факторы, которые могут зацепить потребителя и побудить его распространять информацию. Под «определенными случаями» в данном контексте стоит понимать определенные темы, на основе которых создается кино.

Что не менее важно, в 66% случаев опрошенные отметили, что острые социальные проблемы являются самой «цепляющей» темой кино. Ранее приводилась цитата Ивана Шевченко, в которой он упоминает важность проблематики, раскрываемой в картине. Действительно, популярное отечественное кино на данный момент основывается на жизненных ситуациях, близких к зрителю, на его основе происходит переосмысление и распространение данной информации.

Например, фильм «Брат» 1997 г. создания по сумме результатов семантического дифференциала явился самым культовым и запоминающимся в сознаниях респондентов. Несмотря на то, что картине более 20 лет, на ее основе все еще распространяется виральный контент в виде коротких видеороликов, цитат и мемов. Для многих главный персонаж Данила Багров стал народным героем, простым человеком с противоречивыми поступками и громкими фразами, он «запал в нерв» и не отпускает по сей день, что соотносится с результатами исследований, которые рассматривают подобную проблематику развития долгосрочного вирального распространения киногероев на китайском рынке [8].

На основе проведенных исследований были сделаны некоторые выводы, представленные выше, которые напрямую подтвердили поставленную гипотезу. По результатам опроса и мнению некоторых экспертов, для отечественного зрителя важно, чтобы картина раскрывала остро стоящие в сознаниях потребителей проблемы.

Кинокартины, строящиеся на основе борьбы – межличностной и внутриличностной, прошлого и будущего, отражающие русского

человека, какой он есть и каким он был – все это имеет важность в контексте создания новых кинопродуктов. Потребители готовы распространять информацию, которая базируется на них самих и отражает их переживания или стремления.

Обсуждение

В рамках проведенного исследования можно заключить, что полученные результаты подтверждают сформулированную гипотезу. Виральный контент создается в рамках взаимодействия зрителей с фильмами и сериалами, которые отражают текущие тренды, однако необходимо учитывать, что подобный эффект может быть краткосрочным. В рамках проведенного исследования рассматривался лишь сам факт возникновения импульса к обсуждению и к вовлеченности в смысловое поле фильма или сериала.

С одной стороны, мы можем увидеть продолжительную вовлеченность для фильмов и сериалов, которые вышли на экраны более 20 лет назад («Бригада», «Брат»), однако мы не можем в точности установить, что именно является импульсом к продолжению обсуждения тех семантических составляющих, которые заложены в фильме. Это может быть как актуальность затрагиваемых социальных вопросов, которые не ушли с повестки дня, так и культурная и художественная ценность фильма, которая не связана напрямую с затрагиваемыми социальными вопросами. Наверное, хорошим примером могут послужить комедии Леонида Гайдая, которые не являются столь острыми в обсуждении насущных социальных вопросов (хотя тоже данными комедиями затрагиваются), но при этом все еще порождают массу вторичного контента, в том числе в рамках современного российского кино (в частности, речь идет о ремейках).

Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на разделении художественной и социальной составляющей в восприятии зрителей, а также на рассмотрении тех компонентов, которые являются наиболее значимыми в создании вирального контента, к примеру, может ли фильм с объективно слабой художественной ценностью стать виральным благо-

даря темам, которые он затрагивает и при каких условиях такая ситуация может возникнуть.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые факторы и подходы, влияющие на создание вирального контента в ключе отечественного кинематографа. Анализ показал, что успех кинокартины зависит от многих взаимосвязанных факторов, которые в последствии отражаются в вирусном контенте.

Согласно первой задаче, которая заключалась в определении ключевых факторов, влияющих на виральность контента, мы выделили следующее: было обнаружено разнообразие факторов, таких как заданная тематика картины, ее популярность, главные герои или сюжет. Для выявления респондентам были заданы вопросы с свободным выбором ответа на данную тему. Анализ показал преобладание ярких и запоминающихся фраз, добавляющих окрас кинопродукту и резонирующих с аудиторией как один из способов, позволяющих зацепить зрителя и перенести информацию как о кинопродукте, так и о персонаже в массы. Также необычный сюжет явился одной из причин распространения вирального контента на основе кино, потому что может «цеплять» зрителя и побуждать делиться им. Использование подобных элементов способствует популяризации продукта.

В результате исследовательской работы согласно второй задаче, заключающейся в анализе существующих методик по созданию вирального контента, нами были выявлены следующие результаты: исследование особенностей вирусного маркетинга выявило преобладание сарафанного радио среди российских пользователей. Передача информации из уст в уста способствует побуждению других зрителей к просмотру кинокартины. Также стоит учитывать такие факторы, как слухи и распространение информации самой компанией, например, сливы или же различного рода кампании.

Оценка культурного контекста выявила, что отечественные зрители привержены к просмотру и распространению контента, основанного на современных ценностях и трендах, что соответствует части исследований, на основе

которых формировалась наша методика исследования [5; 7–9]. Компаниям следует обращать внимание на данные факторы и основывать будущую работу согласно запросам аудитории и тенденциям, распространяемым среди нее. К прочим рекомендациям стоит от-

нести создание привлекающих героев, отражающих ценности зрителей, на которых нацелен продукт, и включение в сценарий громких и вызывающих элементов, способных резонировать с потребителями, вызывая активное обсуждение.

Список источников

1. Чеховская С.А., Иванова В.М. Вирусный маркетинг // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 2. С. 16–19.
2. Герасименко В.В., Хейрбейк Ю.А. Основные факторы потребительского выбора кинопродукции на российском рынке // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2023. № 4. С. 201–222.
3. Покадровая политика: чего ждать от российской киноиндустрии в 2024 году. URL: <https://iz.ru/1652979/naina-kurbanova/pokadrovaia-politika-chego-zhdad-ot-rossiiskoi-kinoindustrii-v-2024-godu> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Названы главные тренды российской индустрии кино и сериалов. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/04/nazvany/> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Воскресенская Н.Г. Роль ценностных конфликтов зрителей в особенностях кинопредпочтений // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19, № 4. С. 5–13.
6. A taxonomy for human social perception: data-driven modeling with cinematic stimuli / S. Santavirta, T. Malén, A. Erdemli, L. Nummenmaa // Journal of Personality and Social Psychology. 2024. No. 127 (6). Pp. 1146–1171.
7. Yu S. An analysis of the marketing mode of modern Chinese commercial movies // Highlights in Business, Economics and Management. 2024. No. 28. Pp. 75–82.
8. Xie Zilin. Research on the characteristics of viral online marketing of Cinema movies // Interdisciplinary Humanities and Communication Studies. 2024. Vol. 1, No. 10. Pp. 1–7.
9. Gu S. A multi-dimensional analysis of the impact of viral marketing on consumer behavior // Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2025. No. 154. Pp. 71–76.

References

1. Chekhovskaya S.A., Ivanova V.M. Viral Marketing // Business Education in the Knowledge Economy. 2015. No. 2. Pp. 16–19.
2. Gerasimenko V.V., Kheirbeyk Yu.A. The main factors of consumer choice of film products on the Russian market // Bulletin of Moscow University. Ser. 6, Economy. 2023. No. 4. Pp. 201–222.
3. Frame Policy: what to expect from the Russian film industry. URL: <https://iz.ru/1652979/naina-kurbanova/pokadrovaia-politika-chego-zhdad-ot-rossiiskoi-kinoindustrii-v-2024-godu> (date of access: 10.03.2025).
4. The main trends of the Russian film and TV series industry are named. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/04/nazvany/> (date of access: 10.03.2025).
5. Voskresenskaya N.G. The role of value conflicts of viewers in the features of film preferences // Cultural and historical psychology. 2023. Vol. 19, No. 4. Pp. 5–13.
6. A taxonomy for human social perception: data-driven modeling with cinematic stimuli / S. Santavirta, T. Malén, A. Erdemli, L. Nummenmaa // Journal of Personality and Social Psychology. 2024. No. 127 (6). Pp. 1146–1171.
7. Yu S. An analysis of the marketing mode of modern Chinese commercial movies // Highlights in Business, Economics and Management. 2024. No. 28. Pp. 75–82.
8. Xie Zilin. Research on the characteristics of viral online marketing of Cinema movies // Interdisciplinary Humanities and Communication Studies. 2024. Vol. 1, No. 10. Pp. 1–7.
9. Gu S. A multi-dimensional analysis of the impact of viral marketing on consumer behavior // Advances in Economics, Management and Political Sciences. 2025. No. 154. Pp. 71–76.

Информация об авторах

Д.В. Долгополов – кандидат экономических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Государственного университета управления;

А.Е. Юдина – студент Государственного университета управления.

Information about the authors

D.V. Dolgoplov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the State University of Management;

A.E. Yudina – student of the State University of Management.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 19.08.2025; принята к публикации 09.09.2025.

The article was submitted 18.03.2025; approved after reviewing 19.08.2025; accepted for publication 09.09.2025.

Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 111–117.
Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 111–117.

Научная статья
УДК 331.1:004.8

Повышение эффективности работы с кадровым составом геологической организации на основе искусственного интеллекта

Виталий Максимович Тимошкин¹, Валерий Сергеевич Дадыкин²,
Ольга Викторовна Дадыкина³, Елизавета Павловна Николаенко⁴

^{1,2,3,4} Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия

¹ timoshkin.vitalik@yandex.ru

² Dadykin88@bk.ru

³ Atamanova_281287@mail.ru

⁴ 79003727367@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время управление любой отраслью бизнеса кратно усложняется и требует все более точных и заранее спрогнозированных решений. Одним из наиболее актуальных вопросов был и остается кадровый. Эффективное управление персоналом играет важную роль в жизни любой организации. В эпоху цифровой трансформации общества активно создаются системы, методы и программы, которые предназначены для решения кадровых вопросов. Вместе с тем для решения кадровых вопросов руководству необходимо оперировать большим количеством информации, которую достаточно сложно объективно оценить. Так, весьма затруднительна количественная оценка умений, знаний, навыков и социального положения коллеги в коллективе. В данной работе рассматривается информационная система, используемая для повышения экономической эффективности работы с кадровым составом предприятия. Информационная система позволяет не только анализировать текущее состояние кадрового потенциала организации, но и вырабатывать рекомендации о необходимости проведения мероприятий для повышения кадрового потенциала предприятия. Объектом настоящей работы является информационная система, используемая для работы с кадровым потенциалом предприятия на основе искусственного интеллекта. Предметом исследования выступает информационная система, используемая для повышения экономической эффективности работы с кадровым составом предприятия.

Ключевые слова: онтология, кадровый состав, искусственный интеллект, повышение эффективности

Основные положения:

- ♦ для управления кадровым составом организации необходимо комбинировать различные методы объективной и субъективной оценки, среди которых метод оценки 360 и экспертная оценка на основе нечеткой логики и искусственного интеллекта;
- ♦ применение нечеткой логики базируется на использовании онтологической модели, способной определить ключевые сущности в составе организационной системы, и показатели, которые характеризуют данные сущности с точки зрения их взаимодействия с другими элементами системы;
- ♦ применение искусственного интеллекта в отношении к объекту исследования основано на использовании нейро-нечетких систем.

Для цитирования: Повышение эффективности работы с кадровым составом геологической организации на основе искусственного интеллекта / В.М. Тимошкин, В.С. Дадыкин, О.В. Дадыкина, Е.П. Николаенко // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 111–117.

Improving the efficiency of working with the staff of a geological organization based on artificial intelligence

Vitaly M. Timoshkin¹, Valery S. Dadykin², Olga V. Dadykina³, Elizaveta P. Nikolaenko⁴

^{1,2,3,4} Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia

¹ timoshkin.vitalik@yandex.ru

² Dadykin88@bk.ru

³ Atamanova_281287@mail.ru

⁴ 79003727367@yandex.ru

Abstract. Nowadays, managing any business sector is becoming increasingly complex and requires increasingly precise and predictable decisions. One of the most pressing issues has always been and remains HR. Effective HR management plays a vital role in any organization. In the era of digital transformation, systems, methods, and programs designed to address HR issues are being actively developed. However, to address HR issues, management must manage a large amount of information, which is quite difficult to objectively evaluate. For example, quantitatively assessing the skills, knowledge, abilities, and social status of a colleague within a team is extremely difficult. This article investigates an information system used to improve the economic efficiency of an enterprise's HR management. This information system not only analyzes the current state of an organization's HR potential but also generates recommendations on the need for measures to enhance the enterprise's HR potential. The object of this work is an information system used for managing an enterprise's HR potential based on artificial intelligence.

Keywords: ontology, human resources, artificial intelligence, efficiency improvement

Highlights:

- ◆ to manage an organization's human resources, it is necessary to combine various methods of objective and subjective assessment, including the 360-degree assessment method and expert assessment based on fuzzy logic and artificial intelligence;
- ◆ the use of fuzzy logic is based on the use of an ontological model capable of identifying key entities within an organizational system and indicators that characterize these entities in terms of their interaction with other system elements;
- ◆ the application of artificial intelligence to the research object is based on the use of neuro-fuzzy systems.

For citation: Improving the efficiency of working with the staff of a geological organization based on artificial intelligence / V.M. Timoshkin, V.S. Dadykin, O.V. Dadykina, E.P. Nikolaenko // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 111–117. (In Russ.).

Введение

Применение возможностей систем, основанных на искусственном интеллекте и, в частности, на нечеткой логике, является в настоящее время одним наиболее перспективных вариантов применительно к рассматриваемой тематике [1].

Связано это прежде всего с необходимостью:

1) прогнозирования состояния человеческих ресурсов в краткосрочной и долгосрочной перспективе;

2) определения слабых и сильных сторон сотрудников, а также перспектив их кадрового потенциала;

3) исключения субъективных факторов при поиске сотрудников для назначения на ту или иную должность;

4) определения вовлеченности сотрудников в текущие бизнес-процессы организации [2].

Для создания интеллектуальной системы, которая будет принимать быстрые и объективные решения по кадровым вопросам, необхо-

димо попытаться максимально формализовать предметную область. Показательным в данном контексте является, в частности, использование системы 360, которая позволяет оценивать сотрудников субъективным способом со стороны коллег по их структурному подразделению, со стороны руководства и нижестоящих структурных подразделений. Одним из ключевых для этой задачи инструментом является создание онтологической модели [3].

Онтологическая модель представляет собой формальное описание предметной области. Она описывает взаимосвязи между сущностями системы в определенной предметной области [4]. Это помогает интеллектуальным системам быстрее учиться и лучше понимать, как правильно и эффективно использовать полученную информацию. Использование данного инструмента открывает широкие перспективы для развития интеллектуальных систем, которые специализируются на кадровых задачах [5].

Методы

Нечеткая логика в интеллектуальной системе, которая рассматривает вопросы управления кадровым составом предприятия, используется по ряду причин, в том числе:

1) она способна учитывать неопределенность: нечеткая логика позволяет работать с нечеткими данными, тем самым является ин-

струментом, который может эффективно обрабатывать и преобразовывать такую информацию;

2) в составе системы нечеткой логики возможно управление оценками экспертов: экспертам зачастую затруднительно дать четкую оценку для принятия решений в некоторых предметных областях, поэтому, пользуясь нечеткой логикой, эксперт может оценить параметр в качественной форме, например, «выше среднего», «средне» или «ниже среднего», после чего представляется возможным перевести эти нечеткие оценки к конкретной цифре для дальнейшей работы с ней;

3) нечеткая логика обладает адаптивностью, т.е. может использоваться для создания адаптивных моделей, которые позволяют искусственному интеллекту приспособиться к изменяющимся условиям и работе с широким спектром типов данных.

Таким образом, нечеткая логика позволяет информационным системам гибко и эффективно работать с данными и интерпретировать сценарии развития ситуаций с высокой долей схождения.

В рамках онтологической модели отображены 7 сущностей, связанных между собой «глаголами», которые помогают системе исключать логические ошибки во время ее обучения. На рис. 1 представлена используемая онтологическая модель.

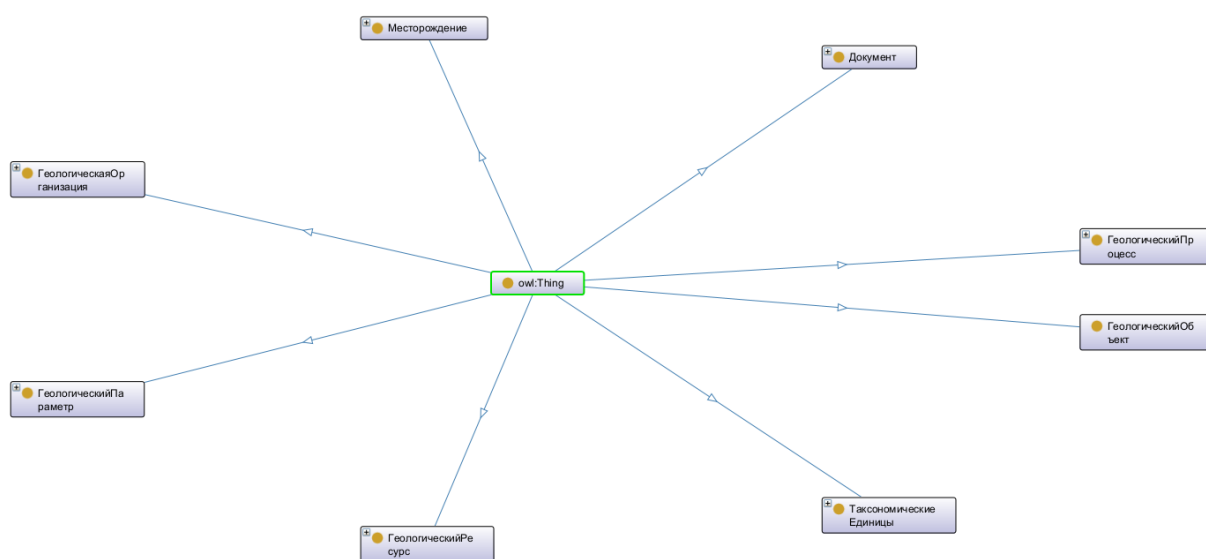

Рис. 1. Онтологическая модель

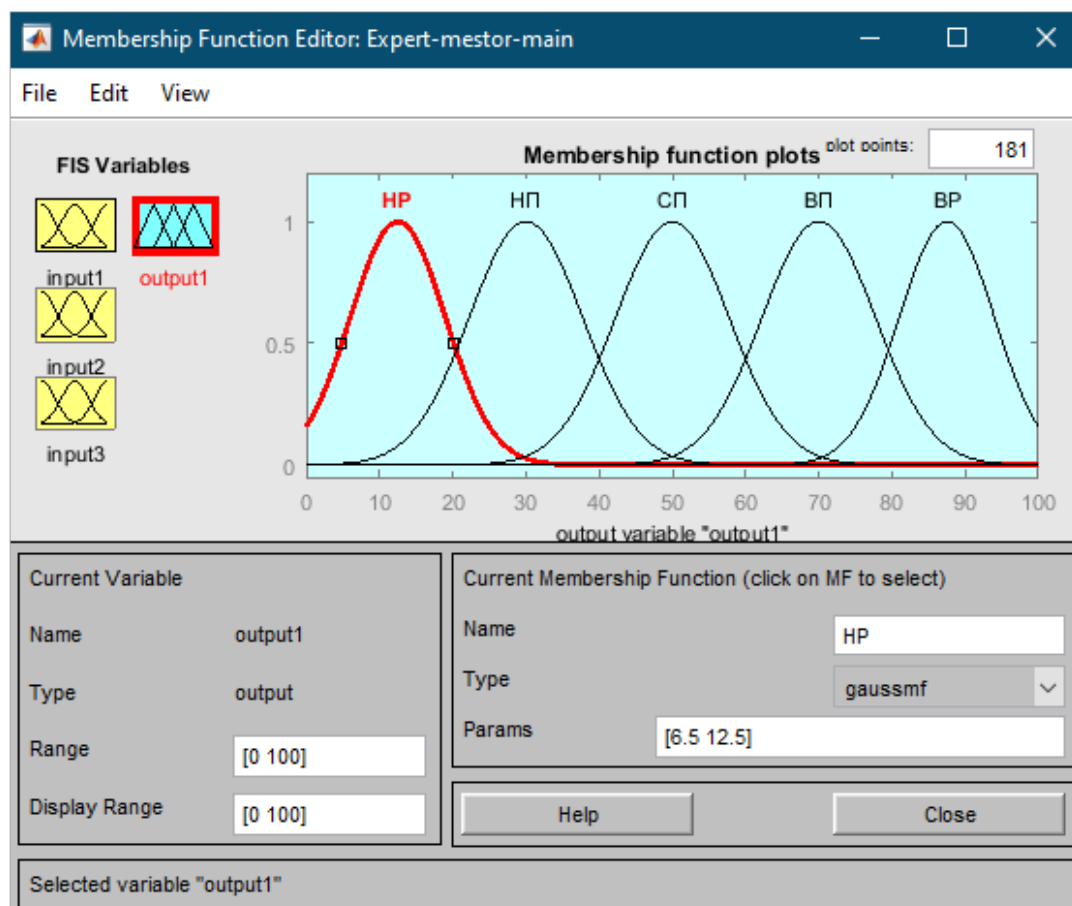

Рис. 2. Настройка выходной функции

Предлагаемая модель описывает сущность «Персонал», которая включает в себя всех сотрудников одного из отделов предприятия и связана с определенным отделом и должностью; в свою очередь, работы, которые должны выполняться сотрудниками, распределяются по должностям в элементе «Должности» и по каждому сотруднику отдельно. Таким образом, каждый сотрудник, который находится в данной модели, связан со знаниями, которыми должен обладать на конкретной должности, и перечнем должностных обязанностей, которые должен выполнять в процессе работы.

Приведенная структура способна отслеживать сотрудников, которые не соответствуют по уровню умений и знаний занимаемой должности или, напротив, рекомендовать сотрудника на повышение в должности при наличии оснований. Мониторинг данных параметров позволит не только улучшить результаты работы коллектива, но и повысит удовлетворенность работой сотрудников предприятия. Для проведе-

ния расчетов данные загружаются в программу Matlab (рис. 2).

На основании ассоциативных правил, а также параметров входной и выходной функции принадлежности образуются интервалы, которые позволяют выполнять операцию приведения нечетких (строковых) оценок к четким (числовым).

Результаты

Для получения необходимых для исследования результатов оценки было проведено анкетирование трех экспертов по разработанным опросным листам, которые представляют собой условных сотрудников со случайным набором оценок от 0 до 100 по каждой из следующих позиций: «Умения», «Знания», «Отношения в коллективе».

В каждом опросном листе находится 5 групп сотрудников по 5 человек в каждой группе. Задача эксперта состоит в том, чтобы проранжировать сотрудников в каждой группе

от 1 до 5, где 1 – это наиболее высокий результат оценки сотрудника, который требует повышения в резерв руководителей, а 5 – наиболее низкий результат оценки перспективности со-

трудника. В рамках апробации рассматриваемой методики были проанализированы результаты оценки сотрудников предприятия тремя экспертами (рис. 3). Далее результаты

Ontology metrics:	
Metrics	
Axiom	56
Logical axiom count	31
Declaration axioms count	25
Class count	16
Object property count	6
Data property count	6
Individual count	0
Annotation Property count	0
Class axioms	
SubClassOf	7
EquivalentClasses	0
DisjointClasses	0
GCI count	0
Hidden GCI Count	0
Object property axioms	
SubObjectPropertyOf	1
EquivalentObjectProperties	0
InverseObjectProperties	0
DisjointObjectProperties	0
FunctionalObjectProperty	0
InverseFunctionalObjectProperty	0
TransitiveObjectProperty	0
SymmetricObjectProperty	0
AsymmetricObjectProperty	0
ReflexiveObjectProperty	0
IrreflexiveObjectProperty	0
ObjectPropertyDomain	6
ObjectPropertyRange	5
SubPropertyChainOf	0

Рис. 3. Данные, прошедшие дефазификацию

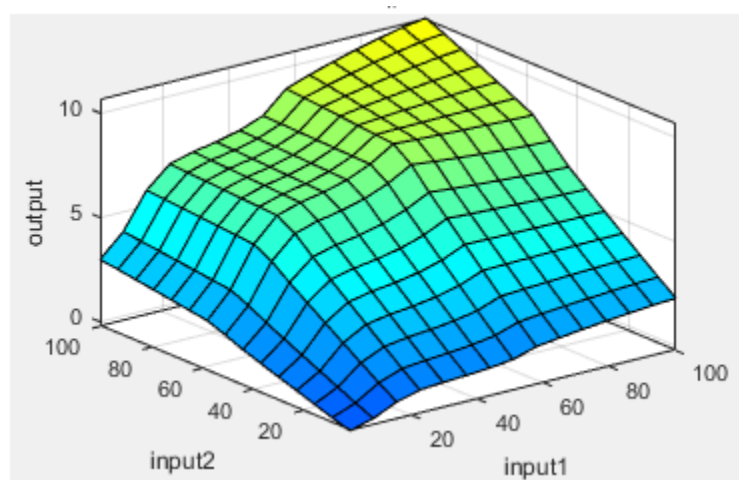

Рис. 4. Поверхности сходимости результатов

оценки прошли процедуру дефазификации и приведения к четким оценкам.

Наибольшая сходимость мнений экспертов и искусственного интеллекта по вопросу выбора сотрудника в резерв руководителей находится в области следующих оценок: умения – более 80 условных единиц; знания – более 50 условных единиц; оценка личности – более 60 условных единиц.

Разработка системы коэффициентов по значимости позволяет системе понять, какой набор оценок кандидатов является наиболее подходящим к той или иной должности, что повышает сходимость результатов оценки и мнений экспертов. Визуально результаты исследования можно наблюдать на поверхностях схожимости, одна из которых показана на рис. 4.

Обсуждение

Для определения достоверности работы применяемого метода были проведены исследования с использованием математического аппарата нейро-нечетких множеств. Сущность данного метода состоит в последовательном обучении нейронной сети посредством компонента Neural Network Toolbox для работы с нейро-нечеткой логикой в составе Matlab.

Преимуществом нейронных сетей в HR-аналитике можно считать достаточно высокую точность прогностических моделей, возможность автоматизировать рутинные задачи. В процессе анализа схожимости интервалов было установлено, что результаты оценки, определенные экспертным способом с последующей дефазификацией и приведением к четким оценкам, имеют высокую степень схожимости в сравнении с результатами, полученными способом нейро-нечетких оценок.

Заключение

Информационная система, используемая для повышения экономической эффективности работы с кадровым составом предприятия, позволяет решать следующие задачи:

- ♦ выполнять оценку качества подготовки персонала на основе сопоставления требований к нему и имеющегося уровня удовлетворения этим требованиям;

- ♦ определять перспективу перевода сотрудника на вышестоящую должность при наличии оснований;

- ♦ переподготовка в случае несоответствия имеющегося образования требованиям профессионального стандарта, необходимости внедрения новых видов оборудования и технологий;

- ♦ повышение квалификации сотрудников в соответствии с их уровнем удовлетворения требованиям, предъявляемым к ним по занимаемым должностям;

- ♦ подбор кандидатов в резерв на руководящие должности;

- ♦ подготовка кадрового резерва по востребованным направлениям деятельности через целевое обучение в ведущих вузах Российской Федерации и региона;

- ♦ прием на работу в соответствии с имеющимися у претендентов знаниями, умениями и опытом работы;

- ♦ формирование мероприятий, направленных на повышение качества подготовки персонала;

- ♦ формирование программ тренировок персонала по решению задач, связанных с работой в аварийных режимах;

- ♦ формирование резерва руководителей структурных подразделений.

Список источников

1. Степина О.М., Дадыкин В.С. Применение ГИС-технологий в управлении промышленным предприятием // Инновационно-промышленный потенциал развития экономики регионов : материалы IV Международной научно-практической конференции, Брянск, 31 марта 2017 года. Брянск, 2017. С. 285–290. EDN YHUSOO.
2. Дадыкин В.С. Совершенствование программно-целевого управления недропользованием на основе геолого-экономического мониторинга // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении : материалы I научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава факультета экономики и управления, посвященной 85-летию БГТУ, Брянск, 25 ноября 2014 года / под редакцией Е.И. Сорокиной, Е.А. Дергачевой. Брянск : Брянский государственный технический университет, 2014. С. 168–172. EDN TYUPUB.

3. Дадыкин В.С. Формирование механизма взаимодействия в системе управления фондом недр общераспространенных полезных ископаемых // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2017. № 4. С. 86–91. doi:10.24143/2073-5537-2017-4-86-91. EDN ZXFFLF.

4. Дадыкин В.С. Анализ, моделирование и прогноз оптимальных объемов запасов для устойчивого развития горнодобывающих предприятий // Недропользование XXI век. 2018. № 2 (71). С. 162–169. EDN XMHEEH.

5. Дадыкин В.С. Анализ и оценка обеспеченности предприятий железной рудой на основе геоэкономического мониторинга // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 35–39. EDN YTFEHM.

References

1. Stepina O.M., Dadykin V.S. Application of GIS technologies in industrial enterprise management // Innovative and industrial potential of regional economic development : proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Bryansk, March 31, 2017. Bryansk, 2017. Pp. 285–290. EDN YHUSOO.

2. Dadykin V.S. Improvement of program-oriented management of subsurface use based on geological and economic monitoring // Actual problems of social and humanitarian research in economics and management : proceedings of the First scientific and practical conference of the Faculty of Economics and Management dedicated to the 85th anniversary of BSTU, Bryansk, November 25, 2014 / edited by E.I. Sorokina, E.A. Dergacheva. Bryansk : Bryansk State Technical University, 2014. Pp. 168–172. EDN TYUPUB.

3. Dadykin V.S. Formation of the mechanism of interaction in the management system of the subsoil fund of widespread minerals // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2017. No. 4. Pp. 86–91. doi:10.24143/2073-5537-2017-4-86-91. EDN ZXFFLF.

4. Dadykin V.S. Analysis, modeling and forecasting of optimal reserves for the sustainable development of mining enterprises // Subsurface use of the XXI century. 2018. No. 2 (71). Pp. 162–169. EDN XMHEEH.

5. Dadykin V.S. Analysis and assessment of the availability of iron ore to enterprises based on geo-economic monitoring // Vestnik of Samara State University of Economics. 2017. No. 11 (157). Pp. 35–39. EDN YTFEHM.

Информация об авторах

В.М. Тимошкин – специалист по учебно-методической работе Брянского государственного технического университета;

В.С. Дадыкин – доктор экономических наук, доцент, декан факультета отраслевой и цифровой экономики, профессор кафедры «Цифровая экономика» Брянского государственного технического университета;

О.В. Дадыкина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Цифровая экономика» Брянского государственного технического университета;

Е.П. Николаенко – аспирант Брянского государственного технического университета.

Information about the authors

V.M. Timoshkin – specialist in educational and methodical work of the Bryansk State Technical University;

V.S. Dadykin – Doctor of Economics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Industrial and Digital Economics, Professor of the Department of Digital Economics of the Bryansk State Technical University;

O.V. Dadykina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Bryansk State Technical University;

E.P. Nikolaenko – postgraduate student of the Bryansk State Technical University.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 27.04.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 29.07.2025.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Научная статья
УДК 336.781.25

Основные подходы к анализу и прогнозированию дивидендной политики компаний

Ольга Александровна Булавко¹, Павел Хафизулович Катабай², Оксана Евгеньевна Старцева³,
Алексей Андреевич Ширнин⁴

^{1,3,4} Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

² Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ vikigor163@mail.ru

² katabay.pkh@rea.ru

³ oksana.vyakina@mail.ru

⁴ aleksey.shirnin@bk.ru

Аннотация. Целью данной работы является разработка модели, способной прогнозировать вероятность изменения дивидендных выплат на основе анализа финансовых показателей компании. Проведен анализ существующих научных подходов к прогнозированию дивидендных выплат, включая сигнальную теорию, теории агентских издержек, поведенческих факторов и др. Особое внимание уделено влиянию финансовых показателей (рентабельность активов (ROA), долговая нагрузка (Debt-to-Equity), свободный денежный поток (FCF), темпы роста выручки и др.) на принятие решений о дивидендных выплатах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки инструментов для прогнозирования дивидендной политики, что особенно важно для инвесторов и финансовых аналитиков в условиях нестабильности рынков. Предложена и апробирована методология построения модели на основе логистической регрессии, которая может быть использована для оценки вероятности изменения дивидендных выплат. Результаты работы носят теоретический характер и могут служить основой для дальнейших прикладных исследований. Даны практические рекомендации по выбору инструментов для реализации моделей с целью эффективного построения и тестирования прогнозных моделей дивидендной политики.

Ключевые слова: дивидендная политика, прогнозирование, логистическая регрессия, финансовые показатели, анализ

Основные положения:

- ♦ доказана необходимость проведения анализа и прогнозирования дивидендной политики компаний;
- ♦ обоснованы методические основы построения модели на основе логистической регрессии, которая может быть использована для оценки вероятности изменения дивидендных выплат и разработки предложений о возможностях повышения качества и результативности управления.

Для цитирования: Основные подходы к анализу и прогнозированию дивидендной политики компаний / О.А. Булавко, П.Х. Катабай, О.Е. Старцева, А.А. Ширнин // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 118–125.

FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT

Original article

Main approaches to the analysis and forecasting of the dividend policy of companies**Olga A. Bulavko¹, Pavel Kh. Katabay², Oksana E. Startseva³, Alexey A. Shirnin⁴**^{1,3,4} Samara State University of Economics, Samara, Russia² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia¹ vikigor163@mail.ru² katabay.pkh@rea.ru³ oksana.vyakina@mail.ru⁴ aleksey.shirnin@bk.ru

Abstract. The objective of this work is to develop a model capable of forecasting the probability of changes in dividend payments based on the analysis of the company's financial indicators. An analysis of existing scientific approaches to forecasting dividend payments, including signaling theory, agency cost theory, behavioral factors, etc., is conducted. Particular attention is paid to the influence of financial indicators (return on assets (ROA), debt-to-equity, free cash flow (FCF), revenue growth rate, etc.) on dividend payment decisions. The relevance of the study is due to the need to develop tools for forecasting dividend policy, which is especially important for investors and financial analysts in the context of market instability. A methodology for constructing a model based on logistic regression, which can be used to assess the probability of changes in dividend payments, is proposed and tested. The results of the work are theoretical in nature and can serve as a basis for further applied research. Practical recommendations are given for choosing tools for implementing models in order to effectively build and test predictive models of dividend policy.

Keywords: dividend policy, forecasting, logistic regression, financial indicators, analysis

Highlights:

- ◆ the necessity of analyzing and forecasting the dividend policy of companies is proved;
- ◆ the methodological foundations of building a model based on logistic regression are substantiated, which can be used to assess the likelihood of changes in dividend payments and develop proposals on ways to improve the quality and effectiveness of management.

For citation: Main approaches to the analysis and forecasting of the dividend policy of companies / O.A. Bulavko, P.Kh. Katabay, O.E. Startseva, A.A. Shirnin // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 118–125. (In Russ.).

Введение

Дивидендная политика является важным элементом финансовой стратегии развития любой компании, влияющим на ее инвестиционную привлекательность (при одинаковом уровне риска инвесторы выбирают компании с большей дивидендной доходностью [1]), стоимость капитала (увеличение дивидендов или дополнительные выплаты являются стимулом для повышения цены акций и наоборот [2]). Анализ дивидендной политики позволяет определять перспективы развития акционерного общества, его финансовую устойчивость и другие характеристики деятельности.

Прогнозирование дивидендных выплат является актуальным для инвесторов (прогнозирование помогает выбирать перспективные для средне- и долгосрочных инвестиций компании [3]), аналитиков (позволяет оценивать объем грядущих выплат и их влияние на весь российский фондовый рынок [4]) и самих компаний (позволяет планировать свободный денежный поток [5]).

Научные исследования в области разработки, анализа и прогнозирования дивидендной политики имеют долгую историю. Стоит отметить теорию Модильяни – Миллера, согласно которой дивидендная политика в усло-

виях совершенного рынка не влияет на стоимость компании [6]. Однако в иных условиях эта теория не применима. В современных условиях влияние геополитических и экономических факторов, асимметрии информации, величины агентских издержек, поведенческих факторов более ощутимо при принятии решений о выплате дивидендов. Стоит выделить работы М. Бейкера и Дж. Вурглера. В 2004 г. исследователи разработали теорию удовлетворения предпочтений инвесторов. Ее суть в том, что менеджеры проводят дивидендную политику компании, основываясь на предпочтениях самих инвесторов, чьи интересы в первую очередь объясняются не объективными факторами, а субъективными [7]. Р. Литценбергер и К. Рамасвами выдвинули теорию налоговой дифференциации, в которой акцентировали внимание на налоговых аспектах и их влиянии на выбор между дивидендами и реинвестированием прибыли [8].

Современные ученые фокусируются в большей степени на финансовых показателях деятельности предприятия, анализируя показатели рентабельности, долговую нагрузку, уровень ликвидности, темпы роста выручки и др. Д. Денис и И. Особов доказали, что компании с высокой рентабельностью и низкой долговой нагрузкой чаще увеличивают размер дивидендных выплат.

По данным исследования АКРА 2020 г., высокая рентабельность и умеренные капитальные расходы предыдущих лет позволили российским компаниям иметь существенный свободный денежный поток, достаточный как для выплаты дивидендов, так и для снижения долговой нагрузки [9].

Целью данной работы является разработка модели, способной прогнозировать вероятность изменения дивидендных выплат на основе анализа финансовых показателей компании.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- 1) провести анализ существующих научных подходов к прогнозированию дивидендной политики;

- 2) определить финансовые показатели, которые могут служить предикторами изменения дивидендных выплат;

- 3) построить и протестировать модель на основе методов логистической регрессии и деревьев решений, оценив ее точность и коэффициент детерминации.

Результаты исследования могут быть полезны для инвесторов, финансовых аналитиков и менеджеров компаний, стремящихся принимать более обоснованные решения в области дивидендной политики.

Методы

В рамках исследования был проведен анализ современных научных подходов к прогнозированию дивидендной политики, основанный на обзоре ключевых теоретических моделей и эмпирических исследований. Основное внимание уделялось работам, посвященным влиянию финансовых показателей на принятие решений о выплате дивидендов. Для решения задачи прогнозирования изменений в дивидендной политике предложена методология, основанная на методах логистической регрессии. Логистическая регрессия была выбрана благодаря ее способности моделировать вероятность бинарных исходов.

Результаты

Исследование дивидендной политики компаний базируется на множестве теоретических и эмпирических подходов, каждый из которых сфокусирован на различных аспектах, определяющих решения собственников бизнеса о выплате дивидендов. Согласно сигнальной теории дивидендной политики, менеджеры используют дивиденды для сообщения акционерам и инвесторам о будущих ожиданиях компании [10]. С другой стороны, согласно агентской теории, дивиденды могут быть рассмотрены с позиции механизма снижения конфликтов между менеджерами компании и ее акционерами, ограничивая возможности неэффективного использования свободных денежных потоков [11].

Современные эмпирические исследования фокусируются на выявлении ключевых факторов, влияющих на дивидендную политику (табл. 1).

Подходы, основанные на анализе финансовых показателей, фокусируются преимущественно на внутренних факторах, рассматри-

Таблица 1

Теоретические модели дивидендной политики

Теория	Ключевые постулаты	Ограничения
Теория Модильяни – Миллера	Дивидендная политика не влияет на стоимость компании в условиях совершенных рынков	Не учитывает асимметрию информации, налоги и агентские издержки
Сигнальная теория	Дивиденды используются как сигнал о будущих доходах компании	Предполагает, что менеджеры всегда действуют в интересах акционеров
Агентская теория	Дивиденды снижают агентские издержки, ограничивая неэффективное использование средств	Не учитывает влияние макроэкономических факторов на дивидендную политику
Теория клиентуры	Разные группы инвесторов предпочитают разные уровни дивидендных выплат	Сложность эмпирической проверки из-за разнообразия предпочтений инвесторов
Поведенческие подходы	Дивидендная политика зависит от поведенческих предпочтений менеджеров и инвесторов	Недостаток универсальной модели, учитывающей все поведенческие аспекты
Подходы, основанные на анализе финансовых показателей	Финансовое состояние и показатели компании, а также их прогнозные значения определяют ее дивидендную политику	Ограниченность учета внешних факторов

вая их как ключевые детерминанты способности компании выплачивать дивиденды.

Для определения финансовых показателей, которые могут служить индикаторами изменения дивидендных выплат, в работе опирались на эмпирические исследования и теоретические модели, которые уже установили (доказали) наличие связи между финансовым состоянием компании и ее дивидендной политикой. Показатель рентабельности активов является одним из наиболее значимых показателей, влияющих на дивидендную политику. Результаты исследования Е.Ф. Фамы и К.Р. Френча показывают, что компании с высокой рентабельностью активов чаще выплачивают дивиденды и увеличивают их размер [12]. Положительная связь между ROA и уровнем дивидендных выплат подтверждается также эмпирически. Например, в исследовании Д. Дениса и И. Особова на выборке компаний из развитых рынков было установлено, что ROA является одним из ключевых факторов, определяющих вероятность выплаты дивидендов [13].

Компании с высокой долговой нагрузкой чаще ограничивают выплату дивидендов, так как они вынуждены направлять свободные денежные потоки на обслуживание долга. Исследования, проведенное М.К. Дженсенем в 1986 г. [11], доказывает это. Отрицательная связь между показателем долговой нагрузки и

уровнем дивидендных выплат подтверждается в работе В. Аивазяна с соавторами, где анализировались компании из развивающихся рынков [14].

Компании с высокой ликвидностью имеют больше возможностей для выплаты дивидендов, так как они располагают достаточными ресурсами для выполнения своих обязательств. Еще в 1956 г. Дж. Линтнер обосновал, что компании с устойчивой ликвидностью чаще придерживаются стабильной дивидендной политики [15]. Положительная связь между ликвидностью и дивидендными выплатами подтверждается в работе М. Бэйкера и Дж. Вурглера [7].

Обсуждение

Размер и динамика свободного денежного потока являются важным показателем, определяющим способность компании выплачивать дивиденды и отражающим объем денежных средств, остающихся после всех необходимых выплат, капитальных инвестиций и текущих расходов. Положительная корреляция между свободным денежным потоком и дивидендными выплатами подтверждена в работе Х. ДеАнджело и соавторов [16].

Темпы роста выручки отражают динамику развития компании. Компании с высокими темпами роста выручки могут как увеличивать

дивидендные выплаты (в случае устойчивого роста), так и сокращать их (если предпочитают реинвестировать прибыль в развитие бизнеса). Е.Ф. Фама и К.Р. Френч сделали вывод, что компании с умеренными темпами роста чаще выплачивают дивиденды, тогда как быстрорастущие компании предпочитают реинвестировать прибыль [12].

Историческая динамика дивидендных выплат является важным индикатором будущей дивидендной политики. Крупные компании чаще выплачивают дивиденды, чем небольшие. Это связано с их устойчивым положением на рынке, доступом к финансовым ресурсам и зрелостью бизнеса (табл. 2).

Учитывая, что рассмотренные финансовые показатели действительно определяют дивидендную политику, как это показано и доказано в многочисленных исследованиях, целесообразно разработать математическую модель, позволяющую прогнозировать вероятность выплаты дивидендов и их увеличения.

Будем использовать логистическую регрессию для прогнозирования вероятности бинарного события (например, увеличение дивидендов или их уменьшение). В нашем случае целевая переменная Y принимает значения:

- ♦ $Y = 1$ – увеличение дивидендов;
- ♦ $Y = 0$ – уменьшение дивидендов или их отсутствие.

С помощью логистической регрессии предлагается моделировать вероятность $P(Y = 1)$ как функцию независимых переменных (финансовых показателей):

$$P(Y = 1) = \frac{1}{1 + e^{-(\beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n)}},$$

где $P(Y = 1)$ – вероятность увеличения дивидендов;

β_0 – свободный член (интерсепт);

$\beta_1, \beta_2 \dots \beta_n$ – коэффициенты модели;

$X_1, X_2 \dots X_n$ – независимые переменные (финансовые показатели).

На основе проведенного анализа в модель включаются следующие показатели:

- ♦ X_1 – рентабельность активов (ROA);
- ♦ X_2 – долговая нагрузка (Debt-to-Equity Ratio);
- ♦ X_3 – текущая ликвидность (Current Ratio);
- ♦ X_4 – свободный денежный поток (Free Cash Flow);
- ♦ X_5 – темпы роста выручки (Revenue Growth Rate);
- ♦ X_6 – размер компании (Market Capitalization);
- ♦ X_7 – дивидендная история (например, средний уровень дивидендов за последние 3 года).

Коэффициенты модели $\beta_0, \beta_1 \dots \beta_n$ могут быть оценены с помощью метода максимального правдоподобия (Maximum Likelihood Esti-

Таблица 2

Связь между финансовыми показателями и дивидендной политикой

Финансовый показатель	Характер связи с дивидендными выплатами	Обоснование
Рентабельность активов (ROA)	Положительная	Высокая рентабельность свидетельствует о способности генерировать прибыль, что позволяет увеличивать дивиденды
Долговая нагрузка (Debt-to-Equity Ratio)	Отрицательная	Высокий уровень долга ограничивает финансовую гибкость и снижает возможность выплаты дивидендов
Ликвидность (Current Ratio)	Положительная	Высокая ликвидность обеспечивает возможность покрытия обязательств и выплаты дивидендов
Свободный денежный поток (FCF)	Положительная	Наличие свободного денежного потока позволяет компании распределять средства среди акционеров
Темпы роста выручки (Revenue Growth Rate)	Неоднозначная	Компании с умеренным ростом чаще выплачивают дивиденды, тогда как быстрорастущие компании предпочитают реинвестировать прибыль
Дивидендная история (Dividend History)	Положительная	Компании с устойчивой историей дивидендов стремятся поддерживать свою репутацию и избегают резких изменений
Размер компании (Market Capitalization)	Положительная	Крупные компании чаще выплачивают дивиденды благодаря своей устойчивости и зрелости бизнеса

mation, MLE). Этот метод находит такие значения коэффициентов, которые максимизируют вероятность наблюдения данных:

♦ если $\beta_i > 0$, то увеличение X_i повышает вероятность увеличения дивидендов;

♦ если $\beta_i < 0$, то увеличение X_i снижает вероятность увеличения дивидендов.

Величина коэффициента показывает силу влияния показателя на вероятность.

Проведем апробацию предлагаемого метода.

У нас есть данные по компании X за 2024 г.:

- ♦ X_1 (ROA) = 12%;
- ♦ X_2 (Debt-to-Equity) = 0,5;
- ♦ X_3 (Current Ratio) = 1,8;
- ♦ X_4 (Free Cash Flow) = 200 млрд руб.;
- ♦ X_5 (Revenue Growth) = 8%;
- ♦ X_6 (Market Cap) = 4 трлн руб.;
- ♦ X_7 (Dividend History) = 300 руб. на акцию.

Для построения и применения модели логистической регрессии целесообразно использовать Python и библиотеки Scikit-learn, Pandas, NumPy (эти библиотеки выбраны не случайно – они предоставляют мощные, оптимизированные и проверенные временем инструменты для работы с данными, построения моделей и их оценки результатов. Pandas позволяет работать с табличными данными, в NumPy представлены инструменты для сложных численных вычислений, а в Scikit-learn имеются готовые алгоритмы машинного обучения, включая логистическую регрессию, что делает их идеальным выбором для анализа данных и построения моделей), обучить модель на исторических данных.

Для обучения модели используются исторические данные российских компаний, включая их финансовую отчетность и информацию о дивидендных выплатах. Данные предварительно должны быть очищены от пропусков и выбросов, нормализованы и разделены на обучающую и тестовую выборки. Модель обучается с помощью метода максимального правдоподобия, который находит коэффициенты, максимизирующие вероятность наблюдения данных. После обучения модель оцени-

вается по метрикам точности (Accuracy) и AUC-ROC, которые показывают, насколько хорошо она предсказывает изменения в дивидендной политике.

Предположим, обученная модель имеет следующие коэффициенты:

$$\beta_0 = -2,5, \beta_1 = 1,2, \beta_2 = -0,8, \beta_3 = 0,5, \\ \beta_4 = 0,7, \beta_5 = 0,3, \beta_6 = 0,4, \beta_7 = 0,6.$$

Тогда:

$$z = -2,5 + 1,2 \times 12 - 0,8 \times 0,5 + \\ + 0,5 \times 1,8 + 0,7 \times 200 + 0,3 \times 8 + \\ + 0,4 \times 4000 + 0,6 \times 300 = 1935,8.$$

$$P(Y = 1) = \frac{1}{1 + e^{-1935,8}} \approx 1.$$

Значение, близкое к единице, означает, что модель с высокой уверенностью прогнозирует увеличение дивидендов. При этом наиболее значимыми факторами являются свободный денежный поток ($\beta_4 = 0,7$) и размер компании ($\beta_6 = 0,4$).

Заключение

Проведенное исследование показало, что существует множество подходов к анализу и прогнозированию дивидендной политики, однако в последние годы большее число ученых сходятся во мнении, что финансовые показатели деятельности предприятия играют приоритетную роль при принятии решения руководством компании о выплате дивидендов, увеличении и снижении их величины.

Представленная математическая модель, в основе которой – логистическая регрессия, является подходящим методом для прогнозирования дивидендной политики российских компаний, так как она позволяет оценить вероятность изменения дивидендов, определить значимость отдельных финансовых показателей.

В настоящее время Российская Федерация активно включена в глобальный тренд инновационных трансформаций. Россия как страна с большими ресурсами и потенциалом должна использовать инновационные технологии, новые экономические модели для привлечения инвестиций и развития экономики, а также для укрепления своего лидерства на международной арене [17].

Список источников

1. Черникова Л.И., Бокарева Е.В., Евстратова Т.А. Значение дивидендной политики для инвестиционной привлекательности корпорации // Инновации и инвестиции. 2023. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-dividendnoy-politiki-dlya-investitsionnoy-privlekatelnosti-korporatsii> (дата обращения: 01.03.2025).
2. Рыбка А.О., Болдырева Н.Б. Дивидендная политика и ее влияние на капитализацию российских публичных акционерных обществ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 2. С. 186–204. doi:10.21684/2411-7897-2019-5-2-186-204.
3. 5 дивидендных стратегий на рынке РФ. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/5-dividendnykh-strategii-na-rynke-rf> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Пора делиться: какие дивиденды российские компании могут заплатить в этом году. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/531560-pora-delit-sa-kakie-dividendy-rossijskie-kompanii-mogut-zaplatit-v-etom-godu> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Дивидендный календарь российских акций 2025. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65a9067f9a7947ae1f20b6cf> (дата обращения: 01.03.2025).
6. Долгих С.И., Потанин Б.С. Факторы дивидендной политики российских компаний // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3 (198). С. 146–157. doi:10.47711/0868-6351-198-146-157.
7. Baker M., Wurgler J. Catering theory of dividends // The Journal of Finance. 2004. No. 3. Pp. 1125–1166.
8. Махмуд Х.К., Хасан Б.Б., Князева Е.Г. Теоретические основы налогов и налогообложения // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 2. С. 338–347. doi:10.58224/2658-5286-2024-7-2-338-347.
9. Инвестиции инвестициями, а дивиденды в приоритете! URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/1726/> (дата обращения: 01.03.2025).
10. Bhattacharya S. Imperfect information, dividend policy, and «the Bird in the Hand» fallacy // Bell Journal of Economics. 1979. No. 10 (1). Pp. 259–270.
11. Jensen M.C. Agency costs of free cash flow, corporate finance, and takeovers // American Economic Review. 1986. Vol. 76, No. 2. Pp. 323–329.
12. Fama E.F., French K.R. Disappearing dividends: changing firm characteristics or lower propensity to pay? // Journal of Financial Economics. 2001. No. 60. Pp. 3–43. doi:10.1016/S0304-405X(01)00038-1.
13. Denis D., Osobov I. Why do firms pay dividends? International evidence on the determinants of dividend policy // Journal of Financial Economics. 2008. No. 89. Pp. 62–82.
14. Aivazian V., Booth L., Cleary S. Do emerging market firms follow different dividend policies from U.S. firms? // Journal of Financial Research. 2003. No. 26. Pp. 371–87.
15. Lintner J. Distribution of incomes of corporations among dividends, retained earnings, and taxes // American Economic Review. 1956. Vol. 46, No. 2. Pp. 97–113.
16. DeAngelo H., DeAngelo L., Stulz R.M. Dividend policy and the earned/contributed capital mix: a test of the life-cycle theory // Journal of Financial Economics. 2006. No. 81. Pp. 227–254. doi:10.1016/j.jfineco.2005.07.005.
17. Булавко О.А., Жгутов С.И. Бизнес-процессы: моделирование, анализ и оптимизация // Экономика и предпринимательство. 2025. № 2. С. 1119–1122.

References

1. Chernikova L.I., Bokareva E.V., Evstratova T.A. The importance of the dividend policy for the investment attractiveness of the corporation // Innovations and investments. 2023. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-dividendnoy-politiki-dlya-investitsionnoy-privlekatelnosti-korporatsii> (date of access: 01.03.2025).
2. Rybka A.O., Boldyreva N.B. The dividend policy and its impact on the capitalization of Russian public joint-stock companies // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2019. Vol. 5, No. 2. Pp. 186–204. doi:10.21684/2411-7897-2019-5-2-186-204.
3. 5 dividend strategies in the Russian market. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/5-dividendnykh-strategii-na-rynke-rf> (date of access: 01.03.2025).
4. It's time to share: what dividends Russian companies can pay this year. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/531560-pora-delit-sa-kakie-dividendy-rossijskie-kompanii-mogut-zaplatit-v-etom-godu> (date of access: 01.03.2025).

5. The dividend calendar of Russian stocks 2025. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65a9067f9a7947ae1f20b6cf> (date of access: 01.03.2025).
6. Dolgikh S.I., Potanin B.S. Factors of the dividend policy of Russian companies // Problems of forecasting. 2023. No. 3 (198). Pp. 146–157. doi:10.47711/0868-6351-198-146-157.
7. Baker M., Wurgler J. Catering theory of dividends // The Journal of Finance. 2004. No. 3. Pp. 1125–1166.
8. Mahmud H.K., Hassan B.B., Knyazeva E.G. Theoretical foundations of taxes and taxation // Russian Economic Bulletin. 2024. Vol. 7, No. 2. Pp. 338–347. doi:10.58224/2658-5286-2024-7-2-338-347.
9. Investments are investments, and dividends are a priority! URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/1726/> (date of access: 01.03.2025).
10. Bhattacharya S. Imperfect information, dividend policy, and «the Bird in the Hand» fallacy // Bell Journal of Economics. 1979. No. 10 (1). Pp. 259–270.
11. Jensen M.C. Agency costs of free cash flow, corporate finance, and takeovers // American Economic Review. 1986. Vol. 76, No. 2. Pp. 323–329.
12. Fama E.F., French K.R. Disappearing dividends: changing firm characteristics or lower propensity to pay? // Journal of Financial Economics. 2001. No. 60. Pp. 3–43. doi:10.1016/S0304-405X(01)00038-1.
13. Denis D., Osobov I. Why do firms pay dividends? International evidence on the determinants of dividend policy // Journal of Financial Economics. 2008. No. 89. Pp. 62–82.
14. Aivazian V., Booth L., Cleary S. Do emerging market firms follow different dividend policies from U.S. firms? // Journal of Financial Research. 2003. No. 26. Pp. 371–87.
15. Lintner J. Distribution of incomes of corporations among dividends, retained earnings, and taxes // American Economic Review. 1956. Vol. 46, No. 2. Pp. 97–113.
16. DeAngelo H., DeAngelo L., Stulz R.M. Dividend policy and the earned/contributed capital mix: a test of the life-cycle theory // Journal of Financial Economics. 2006. No. 81. Pp. 227–254. doi:10.1016/j.jfineco.2005.07.005.
17. Bulavko O.A., Zhgutov S.I. Business processes: modeling, analysis and optimization // Economics and entrepreneurship. 2025. No. 2. Pp. 1119–1122.

Информация об авторах

О.А. Булавко – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, организации и стратегии развития предприятий Самарского государственного экономического университета;
 П.Х. Катабай – начальник отдела по работе с диссертационными советами Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова;
 О.Е. Старцева – соискатель Самарского государственного экономического университета;
 А.А. Ширнин – аспирант Самарского государственного экономического университета.

Information about the authors

O.A. Bulavko – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Strategy of Enterprise Development of the Samara State University of Economics;
 P.Kh. Katabay – Head of the Department for Work with Dissertation councils of the Plekhanov Russian University of Economics;
 O.E. Startseva – applicant of the Samara State University of Economics;
 A.A. Shirnin – postgraduate student of the Samara State University of Economics.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 29.07.2025.
 The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Научная статья
УДК 336.143

Бюджетная политика в области формирования доходов бюджета: особенности реализации на региональном уровне

Чулпан Мансуровна Шавалеева

Институт психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия, Chulpan212@mail.ru

Аннотация. Бюджетная политика является основой эффективного управления общественными финансами на всех уровнях бюджетной системы РФ. Несмотря на единую нормативно-правовую базу функционирования публично-правовых образований в России и общие подходы к разработке бюджетной политики, на федеральном, региональном и муниципальном уровнях она имеет свою специфику, которая наиболее заметно проявляется в части политики в области доходов бюджетов. Это обусловлено многообразием видов доходов и разграничением полномочий по формированию бюджетных поступлений между органами власти разных уровней, что, в свою очередь, определяется моделью бюджетного федерализма, применяемой в России. В этих условиях рассмотрение особенностей реализации бюджетной политики на каждом уровне бюджетной системы РФ представляет интерес. Статья посвящена анализу особенностей реализации бюджетной политики в области формирования налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов РФ. Рассмотрены полномочия региональных органов власти в части использования различных инструментов бюджетной политики, их фискальная значимость на современном этапе, сделан вывод об ограниченных возможностях маневрирования различными инструментами бюджетной политики в целях увеличения доходов бюджетов субъектов РФ. Основными методами исследования стали аналитический, статистический и сравнительный методы анализа данных об исполнении бюджетов субъектов РФ, представленных на Едином портале бюджетной системы РФ.

Ключевые слова: бюджеты субъектов РФ, налоговые доходы, неналоговые доходы, инструменты бюджетной политики

Основные положения:

- ♦ возможности реализации политики в области формирования доходов бюджета на региональном уровне значительно ограничены по сравнению с возможностями, имеющимися на федеральном уровне;
- ♦ в большинстве субъектов РФ на долю доходов, формируемых за счет поступлений, находящихся в непосредственном управлении региональных органов власти, приходится менее 10% доходов бюджета;
- ♦ сложившаяся ситуация чревата не только формальным отношением к управлению доходами бюджета субъекта РФ, но и возрастанием рисков недополучения доходов бюджетов в результате низкой маневренности управления доходами в условиях экономической нестабильности.

Благодарности: публикация подготовлена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования: Шавалеева Ч.М. Бюджетная политика в области формирования доходов бюджета: особенности реализации на региональном уровне // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 9 (251). С. 126–133.

© Шавалеева Ч.М., 2025

Original article

Budget policy in the field of budget revenue formation: implementation features at the regional level

Chulpan M. Shavaleeva

Institute of Psychology and Education of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, Chulpan212@mail.ru

Abstract. Fiscal policy is the foundation for effective public finance management at all levels of the Russian Federation's budget system. Despite the unified legal framework governing the functioning of public entities in Russia and common approaches to budget policy development, budget policy at the federal, regional, and municipal levels has its own specific features, most noticeably manifested in budget revenue policy. This is due to the diversity of revenue types and the delineation of powers to generate budget revenues between government bodies at different levels, which, in turn, is determined by the fiscal federalism model applied in Russia. Under these conditions, examining the specifics of budget policy implementation at each level of the Russian Federation's budget system is of interest. This article analyzes the specifics of budget policy implementation in generating tax and non-tax revenues for the budgets of constituent entities of the Russian Federation. The powers of regional authorities in using various budget policy instruments and their current fiscal significance are examined, and a conclusion is drawn regarding the limited scope for maneuvering various budget policy instruments to increase budget revenues for constituent entities of the Russian Federation. The main research methods were analytical, statistical and comparative methods of analyzing data on the execution of budgets of the constituent entities of the Russian Federation, presented on the Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation.

Keywords: budgets of the constituent entities of the Russian Federation, tax revenues, non-tax revenues, budget policy instruments

Highlights:

- ♦ the ability to implement budget revenue generation policies at the regional level is significantly limited compared to the capabilities available at the federal level;
- ♦ in most constituent entities of the Russian Federation, revenues generated from proceeds directly managed by regional authorities account for less than 10% of budget revenues;
- ♦ the current situation is fraught not only with a formalistic approach to budget revenue management in constituent entities of the Russian Federation, but also with increased risks of budget revenue shortfalls due to the lack of flexibility in revenue management in conditions of economic instability.

Acknowledgments: the publication was prepared at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

For citation: Shavaleeva Ch.M. Budget policy in the field of budget revenue formation: implementation features at the regional level // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 9 (251). Pp. 126–133. (In Russ.).

Введение

Политика в области формирования доходов бюджета играет ключевую роль в рамках бюджетной политики любого публично-правового образования. Именно от ее эффективно-

сти зависит объем поступлений в бюджет и, соответственно, способность публично-правового образования обеспечивать исполнение своих обязательств. Вопросам бюджетной политики субъектов РФ посвящены труды видных

российских ученых в области финансов Н.М. Сабитовой [1; 2], Т.М. Ковалевой [3; 4], Н.А. Истоминой [5], О.В. Макашиной [6; 7], А.А. Нечаева [8] и др., которыми глубоко изучены теоретические аспекты разработки и реализации бюджетной политики на региональном уровне. Однако рассмотрение особенностей организации бюджетной политики на региональном уровне на современном этапе не утрачивает актуальности.

Целью настоящего исследования является анализ возможностей реализации региональной бюджетной политики в области формирования доходов бюджетов и ее фискальной значимости для бюджетов субъектов РФ. Цель исследования обусловила решение следующих задач:

- ♦ определить особенности реализации бюджетной политики на уровне субъектов РФ;
- ♦ оценить фискальный потенциал региональной бюджетной политики в области формирования доходов бюджетов;
- ♦ на основе проведенного анализа рассмотреть риски бюджетной политики в субъектах РФ.

Источниками данных послужили данные Единого портала бюджетной системы РФ об исполнении бюджетов субъектов РФ.

Методы

Основными методами исследования стали аналитический, статистический и сравнительный методы анализа данных об исполнении бюджетов субъектов РФ, представленных на Едином портале бюджетной системы РФ. Выводы сформулированы на основе анализа об исполнении бюджетов всех субъектов РФ.

Результаты

Условно можно выделить два направления деятельности: политику в области формирования налоговых доходов бюджета и политику в области формирования неналоговых доходов бюджета. Учитывая фискальную значимость налоговых доходов бюджета, определяющую роль играет налоговая политика. При этом важно заметить, что возможности ее реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях значительно различаются. Состав налоговых инструментов политики оди-

наковый, но возможности их использования на уровне субъектов РФ и муниципальных образований значительно ограничены по сравнению с возможностями, имеющимися на федеральном уровне [9]. В частности, на региональном уровне нет возможности вводить налоги, не предусмотренные федеральным законодательством, т.е. изменять состав налогов, а также менять условия налогообложения по федеральным налогам, поступающим в бюджеты субъектов РФ; ставки региональных налогов можно устанавливать в пределах, определенных Налоговым кодексом РФ (табл. 1).

На практике эта ситуация приводит к тому, что в рамках налоговой политики региональные органы власти могут самостоятельно манипулировать только региональными налогами, доля которых в бюджетах субъектов РФ невелика. Так, в 2023 г. доля региональных налогов в сумме налоговых доходов бюджетов субъектов РФ в среднем составляла 10,4%, в сумме доходов бюджетов субъектов РФ – 6,5%. Только в 6 регионах России доля региональных налогов превышала 20% налоговых доходов бюджета, в 65 регионах составляла 10% и менее в общей сумме налоговых доходов бюджета (табл. 2). Соответственно, при реализации налоговой политики региональные органы власти фактически не имеют возможности за счет инструментов, находящихся полностью в их распоряжении, обеспечить значительное увеличение поступлений в бюджет субъекта РФ. Также следует отметить, что региональные налоги являются «негибкими» с точки зрения управления региональными органами власти: нет возможности увеличить налоговую базу, а повышение ставок имеет негативные экономические и социальные последствия.

Региональные органы власти не имеют возможности маневрировать элементами федеральных налогов в целях увеличения доходов бюджетов субъектов РФ. Теоретически они могут косвенно влиять на налоговую базу по федеральным налогам. Например, обеспечивать реализацию государственных программ, предусматривающих финансовую поддержку организаций. Одна из форм финансовой поддержки – инвестиции в основной капитал. Од-

Таблица 1

Полномочия региональных органов власти при использовании инструментов налоговой политики

Инструменты бюджетной политики	Полномочия региональных органов власти при использовании инструментов налоговой политики
Состав налогов	Вводить региональные налоги, установленные Налоговым кодексом РФ
Налоговые ставки	Федеральные налоги – взимаются в соответствии с федеральным законодательством, региональные органы власти могут снижать ставки на территории субъекта РФ в пределах, установленных федеральным законодательством. Региональные налоги – устанавливать ставки в пределах, предусмотренных федеральным законодательством
Налоговые льготы	Федеральные налоги – взимаются в соответствии с федеральным законодательством. Региональные налоги – устанавливать льготы дополнительно к льготам, предусмотренным федеральным законодательством
Нормативы разграничения налоговых доходов между бюджетом субъекта РФ и местными бюджетами в рамках, установленных федеральным законодательством	Закреплять нормативы зачисления налогов в местные бюджеты дополнительно к нормативам, предусмотренным федеральным законодательством

Таблица 2

Доля поступлений по региональным налогам в сумме налоговых доходов и общей сумме доходов бюджетов субъектов РФ в 2023 г.

Субъект РФ	Доля поступлений по региональным налогам в сумме налоговых доходов бюджета субъекта РФ, %	Доля поступлений по региональным налогам в сумме доходов бюджета субъекта РФ, %
Ненецкий автономный округ	47,1	22,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	36,0	31,2
Республика Коми	29,1	23,8
Ханты-Мансийский автономный округ	27,3	23,5
Еврейская автономная область	23,8	10,1
Астраханская область	21,6	15,1
...		
г. Севастополь	5,0	1,4
Республика Алтай	5,0	1,4
Тюменская область	4,8	4,5
Мурманская область	4,3	3,6
Сахалинская область	4,2	2,9

* Рассчитано по данным Единого портала бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://www.budget.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

нако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что объем бюджетных инвестиций в основной капитал за счет средств региональных бюджетов не оказывает существенного влияния на бюджетные показатели субъектов РФ. Так, в 2022 г. значение коэффициента корреляции между объемом инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет средств региональных бюджетов, и суммой поступлений по налогу на прибыль организаций в бюд-

жеты субъектов РФ составляло лишь 0,16. При этом пролонгированное действие не отмечено – значение коэффициента корреляции между объемом бюджетных инвестиций в 2022 г. и суммой налога на прибыль организаций в 2023 г. составляло также 0,16 (табл. 3). Значение коэффициента корреляции между объемом бюджетных инвестиций в основной капитал за счет средств бюджетов субъектов РФ и индексом налогового потенциала в

Таблица 3

Корреляция между объемом инвестиций в основной капитал, финансируемых за счет средств бюджетов субъектов РФ, и экономическими показателями субъектов РФ

Показатели	Значение корреляции в 2022 г.
Корреляция между объемом бюджетных инвестиций в основной капитал и суммой поступлений по налогу на прибыль организаций в бюджет субъекта РФ	0,16
Корреляция между объемом бюджетных инвестиций в основной капитал и индексом налогового потенциала субъекта РФ	0,04
Корреляция между объемом бюджетных инвестиций в основной капитал и ВРП	0,92

* Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики и Единого портала бюджетной системы Российской Федерации.

Таблица 4

Полномочия региональных органов власти при реализации бюджетной политики в области формирования неналоговых доходов бюджета

Инструменты бюджетной политики	Полномочия региональных органов власти
Размер арендной платы за использование государственного имущества, не закрепленного за государственными предприятиями и учреждениями	Устанавливать самостоятельно в соответствии с федеральным законодательством
Стоимость продажи государственного имущества, в том числе акций и иных форм участия в капитале, находящихся в собственности субъекта РФ	Устанавливать самостоятельно в соответствии с федеральным законодательством
Размер отчислений от чистой прибыли государственных унитарных предприятий	Устанавливать самостоятельно в соответствии с федеральным законодательством
Размер платы за использование бюджетных средств, предоставленных в возмездное пользование	Устанавливать самостоятельно в соответствии с федеральным законодательством

Таблица 5

Доля неналоговых доходов в общей сумме доходов бюджетов субъектов РФ в 2023 г.

Субъект РФ	Доля неналоговых доходов в сумме доходов бюджета субъекта РФ, %
Ненецкий автономный округ	38,0
Сахалинская область	22,5
г. Москва	8,7
г. Санкт-Петербург	7,0
Вологодская область	6,9
...	
Чеченская Республика	0,9
Донецкая Народная Республика	0,9
Республика Калмыкия	0,8
Запорожская область	0,7
Чукотский автономный округ	0,5

* Рассчитано по данным Единого портала бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://www.budget.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

2022 г. составляло 0,04. Сильная зависимость установлена между объемом бюджетных инвестиций в основной капитал и ВРП субъектов РФ, но рост ВРП не является гарантией увеличения бюджетных поступлений.

Таким образом, при реализации бюджетной политики в области формирования налоговых доходов бюджетов у региональных органов власти практически нет возможности существенно влиять на ключевые параметры бюджета.

При разработке и реализации бюджетной политики в области формирования неналоговых доходов бюджета у региональных органов власти больше полномочий. Они вправе в соответствии с федеральным законодательством самостоятельно устанавливать размеры арендной платы за использование государственного имущества, стоимость его продажи, определять размеры отчислений от прибыли государственных унитарных предприятий и т.д. (табл. 4).

Однако в настоящее время доля неналоговых доходов в бюджетах субъектов РФ незначительна. Так, в 2023 г. на долю неналоговых поступлений в региональных бюджетах в среднем приходилось 3,5%. Только в двух регионах России доля неналоговых доходов бюджета превысила 20% в общей сумме доходов бюджета – в Ненецком автономном округе и Сахалинской области. В остальных субъектах РФ на долю данных поступлений приходится менее 10%, из которых в 72 субъектах РФ – 3% и менее (табл. 5).

Таким образом, несмотря на наличие полномочий в вопросах регулирования неналоговых доходов бюджета, при разработке и реализации бюджетной политики у региональных органов власти нет возможности значительно увеличить доходы бюджета.

Обсуждение

В современных условиях значительная часть доходов бюджетов субъектов РФ формируется за счет поступлений, регулируемых федеральными органами власти. Исключение составляет лишь Ненецкий автономный округ, в бюджете которого в 2023 г. сумма неналоговых доходов и поступлений по региональным налогам превысила 60% доходов бюджета (табл. 6). В бюджетах субъектов РФ на долю доходов, формируемых за счет поступлений, находящихся в непосредственном управлении региональных органов власти, приходится в среднем 10% средств – в 57 регионах значение этого показателя менее 10%.

Такая ситуация имеет следствием ряд рисков для субъектов РФ. Во-первых, невозможность значительного увеличения доходов бюджетов в случае необходимости в связи с низким фискальным потенциалом поступлений, находящихся под управлением региональных органов власти. Во-вторых, в условиях экономической нестабильности возрастает риск недополучения или снижения доходов в результате низкой маневренности при управлении доходами, находящимися под управлением федеральных органов власти (федеральные налоги). В-третьих, возрастает вероятность формального отношения при разработке бюд-

Таблица 6
Доля поступлений по региональным налогам и неналоговых доходов в общей сумме доходов бюджетов субъектов РФ в 2023 г.

Субъект РФ	Доля поступлений по региональным налогам и неналоговых доходов в сумме доходов бюджета субъекта РФ, %
Ненецкий автономный округ	60,96
Ямало-Ненецкий автономный округ	35,33
Республика Коми	28,41
Ханты-Мансийский автономный округ	26,11
Сахалинская область	25,37
...	
Чукотский автономный округ	2,93
Чеченская Республика	2,86
Республика Тыва	2,63
Луганская Народная Республика	2,18
Херсонская область	0,96
Донецкая Народная Республика	0,87
Запорожская область	0,71

* Рассчитано по данным Единого портала бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://www.budget.gov.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

жетной политики в области формирования доходов бюджета.

Заключение

Важным элементом системы управления финансами публично-правовых образований является бюджетная политика, включающая политику в области формирования доходов бюджетов.

На уровне субъектов РФ возможности использования инструментов управления бюджетными поступлениями несколько ограничены по сравнению с федеральным уровнем – в абсолютном управлении региональных органов власти только поступления по региональным налогам и неналоговые доходы, совокупная доля которых в большинстве субъек-

тов РФ не превышает 10% в сумме доходов бюджета.

Низкий фискальный потенциал политики в области формирования доходов бюджетов субъектов РФ влечет за собой ряд негативных последствий, обусловленных низкой мотивацией региональных органов власти. Следует отметить, что выявленные проблемы не являются критическими. В целом они не препятствуют формированию доходов бюджетов субъектов РФ. Однако получение большей свободы при управлении доходами бюджетов могло бы повысить заинтересованность региональных органов власти при разработке и реализации бюджетной политики, что, в свою очередь, способствовало бы увеличению доходов бюджетов субъектов РФ.

Список источников

1. Сабитова Н.М. Бюджет и бюджетная политика субъекта Российской Федерации (на примере Республики Татарстан) : монография. Москва : Инфра-М, 2016. 199 с.
2. Сабитова Н.М., Бикбова А.М. Безвозмездные поступления в доходах бюджетов субъектов РФ: потенциальные риски и неопределенность // Финансы. 2024. № 7. С. 7–13.
3. Ковалева Т.М. Проблемы формирования и реализации бюджетной политики в Российской Федерации // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 5 (127). С. 90–93.
4. Ковалева Т.М., Бойко И.А. Современные направления развития инструментов бюджетного механизма в РФ // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1 (126). С. 273–276.
5. Истомина Н.А. Государственная политика поддержки отдельных территорий: направления, ограничения и финансовый аспект // Сибирская финансовая школа. 2020. № 3 (139). С. 31–35.
6. Макашина О.В. Определение эффективности реализации государственной финансовой политики для сглаживания пандемийных шоков // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2024. № 4. С. 205–215.
7. Макашина О.В. Оптимизация налоговых льгот, предоставляемых на региональном уровне // Финансовая жизнь. 2024. № 2. С. 39–43.
8. Нечаев А.А. Анализ результативности государственного управления доходами бюджета в разрезе структуры доходов бюджета Российской Федерации // Экономические науки. 2022. № 213. С. 54–58.
9. Сабитова Н.М., Шавалеева Ч.М. Структура и особенности финансового механизма в публично-правовых образованиях // Вестник Удмуртского Университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 6. С. 1040–1045.

References

1. Sabitova N.M. Budget and budget policy of a constituent entity of the Russian Federation (using the Republic of Tatarstan as an example) : monograph. Moscow : Infra-M, 2016. 199 p.
2. Sabitova N.M., Bikbova A.M. Gratuitous receipts in budget revenues of constituent entities of the Russian Federation: potential risks and uncertainty // Finance. 2024. No. 7. Pp. 7–13.
3. Kovaleva T.M. Problems of formation and implementation of budget policy in the Russian Federation // Vestnik of Samara State University of Economics. 2015. No. 5 (127). Pp. 90–93.
4. Kovaleva T.M., Boyko I.A. Modern directions of development of budget mechanism instruments in the Russian Federation // Economy and Entrepreneurship. 2021. No. 1 (126). Pp. 273–276.
5. Istomina N.A. State policy of support for individual territories: directions, limitations and financial aspect // Siberian financial school. 2020. No. 3 (139). Pp. 31–35.

6. Makashina O.V. Determining the effectiveness of the implementation of state financial policy to smooth out pandemic shocks // Management and business administration. 2024. No. 4. Pp. 205–215.

7. Makashina O.V. Optimization of tax benefits provided at the regional level // Financial life. 2024. No. 2. Pp. 39–43.

8. Nechaev A.A. Analysis of the effectiveness of public administration of budget revenues in the context of the structure of budget revenues of the Russian Federation // Economic sciences. 2022. No. 213. Pp. 54–58.

9. Sabitova N.M., Shavaleeva Ch.M. Structure and features of the financial mechanism in public law entities // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law». 2024. Vol. 34, No. 6. Pp. 1040–1045.

Информация об авторе

Ч.М. Шавалеева – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета.

Information about the author

Ch.M. Shavaleeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Continuous Professional Development of Teaching Staff of the Institute of Psychology and Education of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 18.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 23.03.2025; approved after reviewing 18.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Общепринятые требования к научной статье

Метаданные	Комментарии
Заголовок (Title)	<ul style="list-style-type: none"> ♦ Объем – 10–12 слов. ♦ Содержит основные ключевые слова, нельзя использовать аббревиатуры и формулы.
Сведения об авторах (Information about authors)	<ul style="list-style-type: none"> ♦ Содержат ФИО и аффилиации авторов. ♦ Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу. ♦ В аффилиации указываются организация, город, страна. ♦ Название организации (рус./англ.) должно совпадать с названием в ее Уставе. ♦ При транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного написания во всех статьях.
Аннотация (Abstract)	<ul style="list-style-type: none"> ♦ Объем – 150–250 слов. ♦ Отражает актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы.
Ключевые слова (Keywords)	<ul style="list-style-type: none"> ♦ Объем – 8–10 слов и словосочетаний. ♦ Отражают специфику темы, объект и результаты исследования.
Основные положения (Highlights)	Содержат 3–5 пунктов маркированного списка, кратко отражающих ключевые результаты исследования.
Текст статьи	Введение (Introduction)
	Методы (Materials and Methods)
	Результаты (Results)
	Обсуждение (Discussion)
	Заключение (Conclusion)
Благодарности (Acknowledgments)	<p>Автор выражает:</p> <ul style="list-style-type: none"> ♦ признательность коллегам за помощь; ♦ благодарность за финансовую поддержку исследования.
Список источников (References)	Содержит только источники, использованные при подготовке статьи и оформленные в соответствии со стандартом, принятым в издательстве.

Научно-практический журнал

ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 9 (251) 2025 г.

Главный редактор – и.о. ректора СГЭУ, доктор экономических наук,
профессор Е.А. Кандрашина

Издательская группа:
М.И. Анисимова, Н.И. Амплеева

Дата выхода в свет 30.09.2025. Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Franklin Gothic Book». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,81 (17,0). Уч.-изд. л. 15,56.
Тираж 1000 экз. Свободная цена. Заказ № 315.

Издатель - ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

Отпечатано в типографии ФГАОУ ВО «СГЭУ».
443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

Science and practice journal

VESTNIK
OF SAMARA STATE
UNIVERSITY OF ECONOMICS

№ 9 (251) 2025

Chief editor - Acting Rector of SSUE, Doctor of Economics,
Professor E.A. Kandrashina

The English translations are edited by the International Office
of Samara State University of Economics

Approved for publication 30.09.2025. Format 60x84/8.
Offset paper. Type «Franklin Gothic Book». Offset printing. Printed signatures 15,81 (17,0).
Publisher's signatures 15,56. Circulation 1000 copies.

Publishing house of Samara State University of Economics.
443090, Samara region, Samara, ulitsa Sovetskoi Armii, 141.

Printed in the Printing House of Samara State University of Economics.
443090, Samara region, Samara, ulitsa Sovetskoi Armii, 141.

ISSN 1993-0453

9 771993 045637 >